

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 9, 2023

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2023

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 9, 2023

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 7–14.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 7-14.

Научная статья

УДК 27:392.1:930.1(470)

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-7-14

ТРИЗНА: ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА

Олег Дмитриевич Федченко

Брянск, Россия, vukby@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается этимология терминов Древней Руси. Изучается происхождение терминов, определяющих княжескую, дружинную культуру летописной руси. Предложена этимология таких понятий как *князь*, *витязь* и *тризна*, встречающиеся в древних документах. Выявлено, что эти термины имеют балтское происхождение. Определена словообразовательная модель и наличие данных слов в известных балтских языках. Проведен сопоставительный анализ различных источников. Рассмотрены описания похоронного обычая пруссов, русов на Руси, описанных Вульфстаном, Ибн-Фадланом и русским летописцем. Процессы обряда оказались совпадающими, что позволило сделать вывод о значении термина «тризна». Тризна – это определение комплекса мероприятий похоронного обряда, связанного с подготовкой усопшего, пиршеством и сжиганием умершего. В этом контексте должна быть рассмотрена и этимология термина. Однако исследователи предлагают различные версии, имеющие мало общего со значением сущности обряда. Этимология рассмотренного термина связана с балтским обобщающим глаголом *trinti*. Раскрыто содержание и значение терминов. Представленный материал позволяет сделать вывод о происхождении руси с берегов Балтики. Следует понимать, в какой языковой среде отмечено это слово. Прежде всего, тризна имеет отношение к русам, князем которых был Игорь, кривичам и вятичам – племенам, имевшим балтскую составляющую. Одной из главных черт мировоззрения первых русов выступали княжеские боги, этимология которых нашла свое разрешение в балтской языковой среде; антропонимы Рюрика, его братьев и русов также восходят к тем же истокам. Выводы полностью совпадают с мнением известного археолога В.И. Кулакова, который считает, что «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной – Самбия – дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» Предложенная статья дает новый импульс для изучения происхождения традиций на территории Древней Руси, о миграции населения и формирования культуры.

Ключевые слова: Русь, тризна, князь, витязь, викинг, пруссы.

Для цитирования: Федченко О.Д. Тризна: этимология термина // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 7–14. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-7-14>

Original article

TRIZNA: ETYMOLOGY OF THE TERM

Oleg D. Fedchenko

Russia, Bryansk, vukby@yandex.ru

Abstract. The article deals with the etymology of the terms of Ancient Rus'. The origin of the terms that define the princely, retinue culture of chronicle Rus' is studied. The etymology of such concepts as prince, knight and trizna, found in ancient documents, is proposed. It is revealed that these terms are of Baltic origin. The word-formation model and the presence of these words in the known Baltic languages are determined. A comparative analysis of various sources has been carried out. The descriptions of the funeral custom of the Prussians, Russ and in Rus', described by Wulfstan, Ibn Fadlan and the Russian chronicler, are considered. The processes of the rite turned out to be the same, which made it possible to draw a conclusion about the meaning of the term "trizna". Trizna is the definition of a complex of events of the funeral rite associated with the preparation of the deceased, the feast and burning of the deceased. The etymology of the term should also be considered in this context. However, researchers offer various versions that have little to do with the meaning of the essence of the rite. The etymology of the considered term is connected with the Baltic generalizing verb trinti. The content and meaning of the terms are disclosed. The presented material allows us to draw a conclusion about the origin of Rus' from the shores of the Baltic. It should be understood in which language environment this word is marked. First of all, trizna has to do with the Russ, whose prince was Igor, the Krivichi and Vyatichi – tribes that had a Baltic component. One of the main features of the worldview of the first Russ were princely gods, whose etymology found its resolution in the Baltic language environment; the anthroponyms of Rurik, his brothers and the Rus also go back to the same origins. The conclusions completely coincide with the opinion of the famous archaeologist V.I. Kulakov, who believes that "most likely, the Sambia, which had a large squad, gave an armed contingent at the beginning of the second half of the IX century to stabilize the social situation and, accordingly, trade routes on the lands adjacent to the eastern tip of the Baltic". The proposed article gives a new impetus to the study of the origin of traditions in the territory of Ancient Rus', about the migration of the population and the formation of culture.

Keywords: Rus', trizna, prince, knight, viking, Prussians.

For citation: Fedchenko O.D. Trizna: etymology of the term. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:7-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-7-14>

*Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега...
А. С. Пушкин. Песнь о Вещем Олеге.*

Введение

В ПВЛ при описании племен, проживавших на территории будущей Руси, упоминается погребальный обряд *trizna*: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, затем (однако, в оригинале используется слово «посемъ», то есть «поэтому», имеющем значение «по этой причине» – прим. Ф.О.) делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, и после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этому же обычаю держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон» [ПВЛ].

Еще раз о тризне говорится в контексте княгини Ольги:

– после убийства древлянами Игоря – «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну»;

– перед смертью княгини – «Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу» [ПВЛ] (имеем корреляцию «тризна – похороны»).

На основе изложенного можно предполагать, что тризна – это некая часть похоронного обряда, связанного с сжиганием умершего. В этом контексте должна быть рассмотрена и этимология термина. Однако исследователи предлагают различные версии, имеющие мало общего со значением сущности обряда. Ряд исследователей (И. Ягич, А. Соболевский, А. Брюкнер, Г. Крек) происхождения древнерусского слова *тризна* «состязание; подвиг; награда; поминальное пиршество» связывают с праславянским **tryzna*, которая имеет параллели с понятием *травить* «(поминальное) угощение» [Фасмер 1986–1987 т. 4: 102]. О. Н. Трубачев возводил слав. **trizna* к слову **trizь* «трёхгодовалый (о жертвенном животном)» от числительного **tri* при помощи редкого суффикса *-z-* [Трубачев 1959: 134–135].

От числительного отталкивается и В.Н. Топоров, который выдвинул предложение, что тризна означает три вида особого состязания, наподобие троеборья, или жертвоприношение трёх видов животных, символизирующих три мира – подземный, земной и небесный [Топоров 1979: 5–6, 13–14]. Конечно же, не обошлось и без германизмов. Некоторые исследователи (А. Мейе, П. Перссон, Ф.Ф. Фортунатов) нашли похожее слово в древнеисландском *strið*, означавшее «спор, война, беспокойство, мука», и предлагают считать, что именно оно лежит в основе тризны [Фасмер 1986–1987 т. 4: 102]. Предложенные версии несостоятельны, поскольку не соответствуют обстоятельствам, изложенным в первоисточнике. Кроме того, исследователями признается, что «тризна – это не пир и не бой» [Трубачев 1959: 132].

Основная часть

Следует понимать, в какой языковой среде отмечено это слово. Прежде всего, тризна имеет отношение к русам, князем которых был Игорь, кривичам и вятичам – племенам, имевшим балтскую составляющую [Никольская 1971: 12; Шмидт 2012: 113]. Одной из главных черт мировоззрения первых русов выступали княжеские боги (пантеон Владимира, как характерный атрибут), этимология которых нашла свое разрешение в балтской языковой среде; антропонимы Рюрика, его братьев и русов также восходят к тем же истокам [Федченко 2022: 28–33, 93–98]. Необходимо обратиться к балтским языкам и в этом случае, мы имеем и истоки таких терминов, как князь и витязь.

Древнерусский термин *князь* соответствует литовскому слову *kūningas* (*kūnis*, возвышенный, большой человек, столп [LKZ]), словообразовательная модель которого связана с характерным корнем *kūn-* – *kauti* (*kauna*), заключающем «военные» значения «рубить, резать, колотить» [Karaliunas 1982: 166] и древнебалтским суффиксом *-ing* [Кузьменко 2011: 104]. Тот же древнебалтский суффикс *-ing* при корне *vit-* приводит нас и к прусскому *vit(t)ing* и к литовскому *vytingis* [Mažiulis 1988–1997 т. 4: 255], в основе которых

лежит глагол *vytoti*, *vyti* с общим значением «защищать, бить, гнать и т. д.» [Smoczyński 2007: 764; LKZ], то есть *витязь* – это воин, защитник. Соответственно, это слово не имеет никакого отношения к понятию *викинг*, которое обозначает человека, ходившего в *вик* (древненорвежское *vik* «бухта, залив», то есть викинг – это сродни пирату, выходящему в море грабить торговые суда или прибрежные территории).

В таком случае термин *trizna* может быть связан с прусским *trinsnan* (**trinsna*), несмотря на выявленное по единичным упоминаниям в средневековых документах значение «мститель, месть, мщение» [Mažiulis 1988–1997 т. 4: 200; Palmaitis, Klosse 2011: 146], определение его более широко, если проследить этимологию. В основе лежит лексема *trin-* (литовский глагол *trinti*, латышский *trit* [Derksen 2015: 471]) с суффиксом *-sno*, который использовался для образования названий действий от соответствующих глаголов [Palmaitis, Klosse: 7]. В литовском языке *trinti* имеет широкий спектр значений «тереть, намазывать, обматывать, шлифовать, царапать, бедствовать, пронзать, есть, сосать, поглощать, дробить, петь и т. д.» [LKZ] и относится к индоевропейскому корню *ter-/terə-/teri-/trī-* «тереть, натирать, растирать и т. д.» [Pokorny 1959: 1071–1072]. Сюда же J. Pokorny относит и славянское *tryjo*, *tryti*, сравнивая с греческим *τρῖω* «втирать» и определяя в этом контексте *trizna* (от **tryzna*), как «похоронное торжество» [Pokorny 1959: 1073], хотя такое определение не несет никакого раскрытия сущности термина.

Теперь обратимся к обряду русов, описание которого дошло до нас.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан (X век) так видел похоронный процесс: «...дошло до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания... для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети, – (одна) треть (остается) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набиз, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набизу, пьют его ночью и днем... Они в те десять дней пьют и сочетаются (с женщинами) и играют на сазе... Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, – и вот, (вижу, что) он уже вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева (материала) ха-данга (белого тополя) и другого (дерева), и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов (амбаров?) из дерева. Потом (корабль) был протасчен (дальше), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью (которой) я не понимаю. А он (мертвый) был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его... Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной крышки) и удалили в сторону (это) дерево и извлекли его (мертвого) в покрывале, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набиз и (некий) плод и лютию. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета...». Далее следовало описание жертвоприношения животных, убийства девушки и сожжения их с покойником. «И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они

построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились» [Древняя Русь т. 3: 71–76].

Причем, в рассказе Фадлана интересен момент с жертвоприношением лошадей: «взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели» [Древняя Русь т. 3: 74]. Аналогичный сюжет представлен и Петром из Дусбурга при описании похоронного обычая пруссов: «прежде чем сжечь коней, их загоняют настолько, что они едва могут стоять на ногах» [Петр 1997: 52]. Еще раньше свой рассказ о погребальном обряде эстов представил путешественник Вульфстан (IX в.): «Есть у эстов обычай, что когда человек умирает, он лежит в (своем) доме, несожженный, со своими родственниками и друзьями месяц, а иногда и два. А король и другие люди высшего сословия – еще дольше, в зависимости от того, насколько они богаты; иногда они остаются несожженными в течение полугода. И лежат на земле в своих домах. И все то время, пока тело находится в доме, они должны пить и участвовать в состязаниях до того дня, когда его сожгут. Затем в тот день, когда они понесут его на костер, они делят его имущество, которое осталось после возлияний и состязаний... <затем на конных состязаниях разыгрывают это имущество>... И когда его имущество таким образом разделено, его выносят и сжигают с его оружием и одеждой... И есть среди эстов племя, которое может создавать холод; и поэтому покойник лежит так долго и не разлагается, ибо они навлекают на него холод. И если поставить две бочки, полных пива или воды, они делают так, что и то и другое замерзает, будь то летом или зимой» [Матузова 1979: 26–27].

Похоронный процесс в трех имеющихся случаях (Вульфстан, Ибн-Фадлан, ПВЛ) можно выразить примерно следующей схемой: смерть – бальзамирование – яма/дом – пиршество – жертвоприношение – сожжение – погребение. Как раз эти манипуляции в обряде и находят отражение в обобщающем глаголе *trinti*: натирать, намазывать – бальзамирование; обертывать, задерживать – яма/дом; есть, поглощать, дробить (имущество покойника), флиртовать (сочетаются с женщинами), пить – пиршество; убивать, измельчать <для приготовления пищи> – жертвоприношение. Предложенный глагол также полностью соответствует выводам С.М. Соловьева, который считал, что «под Тризной разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего; с поминками соединялись веселый пьяный *nur*, также *резание*, *царапание* лица» [ЭСБЕ т. 66: 823]. И уже совсем совпадение наблюдаем в описании похорон у скифов, оставленном Геродотом: «когда скифский царь умирал, тело умершего, обмазав воском, наполнив благовонными травами, укладывали на колесницу и возили по степи поочередно ко всем подвластным народам. Встречая кортеж, *резали* себе уши, *остригали* волосы, *прокальвали* правые руки стрелами, но вместе с тем устраивали *пиршества*, пили, пели, плясали» [ЭСБЕ т. 66: 823].

Другим аспектом, на который обращают внимание исследователи – связь прусского *trinsna(n)* с Перкунасом. Определяя его значение, относящимися к глаголам *grūmōti*, *keršyti*, мы приходим к понятиям «петь, громыхать» (т.е. крики, песни и пляски во время тризны являются подражанием грохоту Громовержца) и, в то же время, «рубить, жечь» (индоевропейский корень *(s)ker-*) [Топоров 1975-1990 т. 2: 309–311; т. 4: 28; Mažiulis 1988–1997 т. 4: 199–200] (семантика сжигания – остается пепел – растереть в пыль).

Заключение

Таким образом, тризна – это определение комплекса мероприятий похоронного обряда, связанного с подготовкой усопшего, пиршеством и сжиганием умершего. Исторически фонетика дифтонга *-in-* читалась как как *А* (малый юс) перед согласными *G* и как *И* /i:/ перед согласными *S* (похожая система имеется в польском языке). Также мы вновь можем констатировать, что основные термины княжеского окружения Древней Руси имеют вполне прозрачную этимологию в балтской языковой среде, также, как и теонимы, антропонимы руси.

Данные выводы полностью совпадают с мнением известного археолога В.И. Кулакова, который считает, что «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной – Самбия – дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» [Кулаков 1999: 191]. Филолог Л. Палмайтис делал вывод, что первичными русами следует считать скаловских балтов, именованных по месту обитания у рукава Немана Руса [Палмайтис 2003: 5]. Таким образом, лингвистика и археология однозначно определяют локализацию летописной руси на Самбийской периферии в устье Немана.

Список литературы

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия в 5 томах. Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки, 2009.
2. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011. 266 с.
3. Кулаков В.И. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 182–196.
4. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. / Под. ред. В.Т. Пашуто, Я.Н. Шапова. М.: Наука, 1979. 269 с.
5. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 294 с.
6. Палмайтис Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии. Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/653626-1-institut-europen-des-minorits-ethniques-disperses-evropeyskiy-institut-rasseyannih-etnicheskih-menshinstv-letas.php>
7. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М.: Ладомир. 1997. 384 с.
8. ПВЛ – Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова. Электронные публикации. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 12.12.2022).
9. Топоров В.Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология, 1977. М.: Наука, 1979. С. 3–20.
10. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. М.: Наука, 1975–1990. Т. 1–5.
11. Трубачев О.Н. Следы язычества в славянской лексике (1. Trizna. 2. Ręti. 3. Koby) // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 4. С. 134–135.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: "Прогресс", 1986–1987, в 4 томах.
13. Федченко О.Д. Рюрик, русь и Русь. Екатеринбург: «Издательские решения», 2022. 150 с.

14. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Изд-во «Смоленский государственный университет», 2012. 168 с.
15. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
16. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
17. Karaliūnas S., Lie. {kūnas}. *Baltistica*, 1982. XVIII (2). P. 165–166.
18. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 12.12.2022).
19. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997. Vol. 4.
20. Palmaitis L., Klosse K. Pomesanian Prussian. Kaunas, 2011. 163 p.
21. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern, München: Francke AG Verlag, 1959. 1183 S.
22. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas – LKZ). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

References

1. Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Rus' in the light of foreign sources]. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauki Publ., 2009. (In Russ.).
2. Kuz'menko Ju.K. Rannie germancy i ih sosedi: Lingvistika, arheologija, genetika [The Early Germans and Their Neighbors: Linguistics, Archeology, Genetics]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011, 266 p. (In Russ.).
3. Kulakov V.I. Pogrebal'nyj obrjad prussov v jepohu rannego srednevekov'ja [Funeral rite of the Prussians in the early Middle Ages]. *Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury, Pogrebal'nyj obrjad*. Moscow, Nauka, 1990, pp. 182-196. (In Russ.).
4. Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX-XIII vv. [English medieval sources of the 9th–13th centuries.]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 269 p. (In Russ.).
5. Nikol'skaja T.N. Zemlja vjatichej. K istorii zaselenija bassejna verhnej i srednej Oki v IX-XIII vv. [Land of the Vyatichi. On the history of the settlement of the basin of the upper and middle Oka in the 9th-13th centuries.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 294 p. (In Russ.).
6. Palmajtis L. Predlozhenie po nauchnoj rusifikacii iskonnyh naimenovaniy pereshedshej v sostav Rossii severnoj chasti byvshej Vostochnoj Prussii. Evropejskij institut rassejannyh jetnicheskikh men'shinstv [Proposal for the scientific Russification of the original names of the northern part of the former East Prussia that became part of Russia. European Institute of Dispersed Ethnic Minorities]. 2003. (In Russ.). Available at: <http://libed.ru/knigi-nauka/653626-1-institut-europen-des-minorits-etniques-disperses-evropeyskiy-institut-rasseyannih-etnicheskikh-menshinstv-letas.php> (accessed: 12.12.2022).
7. Petr iz Dusburga. Hronika zemli Prusskoj [Peter from Doesburg. Chronicle of the land of Prussia]. Moscow, Lodomir Publ., 1997, 384 p. (In Russ.).
8. PVL - Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova [PVL - The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogova]. (In Russ.). Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (accessed: 12.12.2022).
9. Toporov V.N. K semantike troichnosti (slav. *trizna i dr.) [On the semantics of trinity (Slav. *trizna, etc.)] *Jetimologija*, 1977, Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 3-20. (In Russ.).
10. Toporov V.N. Prusskij jazyk [Prussian language]. Moscow, Nauka Publ., 1975-1990, vol 1-5. (In Russ.).

11. Trubachev O.N. Sledy jazыchestva v slavjanskoj leksike (1. Trizna. 2. Pěti. 3. Kob') [Traces of paganism in Slavic vocabulary (1. Trizna. 2. Pěti. 3. Kobü)]. *Voprosy slavjanskogo jazыkoznanija*, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, iss. 4, pp. 134-135. (In Russ.).
12. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazыka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986-1987. (In Russ.).
13. Fedchenko O.D. Rjurik, rus' i Rus' [Rurik, Rus and Rus']. Ekaterinburg, Izdatel'skie reshenija Publ., 2022, 150 p. (In Russ.).
14. Shmidt E.A. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ja i Podvin'ja (v svete arheologičeskikh dannyh) [Krivichi of the Smolensk Dnieper and Dvina (in the light of archaeological data)]. Smolensk, Smolenskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2012, 168 p. (In Russ.).
15. JeSBE - Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona [ESBE - Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Saint Petersburg, 1890-1907. (In Russ.).
16. Derksen R. *Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon*. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
17. Karaliūnas S., Lie. {kūnas}. *Baltistica*, 1982. XVIII (2). P. 165–166.
18. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 12.12.2022).
19. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997. Vol. 4.
20. Palmaitis L., Klosse K. *Pomesanian Prussian*. Kaunas, 2011. 163 p.
21. Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bern, München: Francke AG Verlag, 1959. 1183 S.
22. Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas – LKZ)*. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

Информация об авторе

О.Д. Федченко – независимый исследователь.

Information about the author

O.D. Fedchenko – independent researcher.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 15–31.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 15-31.

Научная статья

УДК 94(470.53) '15/16'+930.25

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-15-31

РАСШИРЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИЗУЧЕНИИ ПИСЦОВЫХ КНИГ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ 1579 И 1623-24 ГГ. ЧАСТЬ I

Сергей Александрович Климанов

Санкт-Петербург, Россия, sergdave2004@mail.ru

Аннотация. Писцовые описания Перми Великой, выполненные под руководством И.И. Яхонтова (1579 г.) и М.Ф. Кайсарова (1623–24 гг.), сохранились лишь в виде разновременных списков и для разных районов. Часть этих списков уже изучалась, но полученные результаты не могут считаться исчерпывающими. Представляется, что систематический источниковедческий и статистический анализ их сведений поможет лучше понять степень достоверности этих источников и повысит их информационную ценность. С этой целью к рассмотрению впервые привлечён широкий круг неопубликованных списков, на основе которых создана электронная база данных писцовых описаний. В статье исследуются слабо или вовсе не изученные фундаментальные характеристики писцовых книг, а именно: а) структура сошного письма; б) соотношение между «живущим» и «пустым»; в) точность писцовых итогов и г) итоги основных показателей, полученные сплошным подсчётом. Результаты, в частности, показывают, что писцы могли искусственно подгонять или округлять количество дворов или пашни для их выражения в удобных цифрах сошного письма. Соотношение между «живущим» и «пустым» в описании Кайсарова, в отличие от описания Яхонтова, заметно варьируется между разными территориями. При этом для Верхне-Чусовской вотчины Строгановых в описании Кайсарова выявляются две редакции, одна из которых могла быть получена путём подделки ряда показателей (в частности, соотношения между «живущим» и «пустым») из первоначальной редакции с целью снижения платежей. Сравнительно высокая доля абсолютно точных писцовых итогов (порядка 50%), небольшие относительные ошибки (в большинстве случаев не превышающие 3%) позволяют говорить об удовлетворительном умении писцов производить арифметические вычисления. Тщательный учёт источниковедческих особенностей списков позволил сделать итоги сплошного подсчёта показателей писцовых книг более точными и полными, чем в предыдущих работах. Исследование сопровождается таблицами, которые могут использоваться в качестве справки и для верификации результатов автора.

Ключевые слова: источники писцовых описаний, Иван Яхонтов, Михаил Кайсаров, достоверность источников, база данных, сошное письмо, «живущее» и «пустое», писцовые итоги.

Для цитирования: Климанов С.А. Расширение источниковой базы и новые результаты в изучении писцовых книг Перми Великой 1579 и 1623-24 гг. Часть I // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 15–31. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-15-31>

Original article

STUDYING THE CADASTRAL RECORDS OF GREAT PERM OF 1579 AND 1623–24: BROADENING THE SOURCE BASE AND NEW RESULTS. PART I

Sergei A. Klimanov

Saint Petersburg, Russia, sergdave2004@mail.ru

Abstract. Only copies of two early cadastral registers of Great Perm created under the direction of the government clerks I. Yakhontov (1579) and M. Kaisarov (1623–24) have survived to today. The primary goal of the study is to check reliability and to increase the information potential of those documents by means of source criticism and statistical analysis. Only few of the copies were examined in previous works, which could therefore lead to inaccurate and insufficient results. To overcome the problem a wider variety of extant unpublished sources was reviewed and an electronic database with information extracted from them was created. The following fundamental issues of cadastral surveys are considered: (i) the system of taxation units (so-called *soshnoe pismo*), (ii) the relation between taxable and non-taxable lands, (iii) the accuracy of the clerk's totals, and finally (iv) the total sums of various cadastral values. The results in particular show that the clerks could artificially adapt their data to the convenient number of taxation units. A closer inspection of the sources reveals that two versions of the Kaisarov's register for one of the Stroganov estates exist and some data in one of the versions are presumably falsified to reduce the Stroganov taxes. This was particularly done by distorting the relation between taxable and non-taxable lands. A quite high fraction of absolutely accurate clerk's totals (approximately 50%) and small relative errors (in most cases, no more than 3%) allow to conclude that the clerks could perform arithmetic calculations rather satisfactorily. The summarized cadastral data seem more complete and accurate than in previous works because of larger source base and careful inspection of the copies. The extensive tables of the paper's results are provided and can be used for reference purposes or to verify the author's conclusions.

Keywords: sources of cadastral records, Ivan Yakhontov, Mikhail Kaisarov, reliability of sources, electronic database, *soshnoe pismo*, taxable and non-taxable lands, clerk's totals.

For citation: Klimanov S.A. Studying the cadastral records of Great Perm of 1579 and 1623–24: broadening the source base and new results. Part I. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:15-31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-15-31>

Введение

Писцовые книги XVI–XVII вв., в основе которых лежат государственное описание земель и особая система налогового учёта (сошное письмо), давно введены в научный оборот. С обзорами и историографией их изучения можно ознакомиться в ряде работ (см., например, [Кочин 1936; Мерзон 1956; Eaton 1967; Киселев 1977; Милов, Булгаков, Гарскова 1986: 6–55; Новожилов 2005; Фролов 2017: 11–59]). Но вместе с тем на долю этих источников выпала и изрядная доля критики, связанной с сомнениями в полноте и точности сведений, содержащихся в них. Едва ли не самой показательной в этом смысле стала позиция С.Б. Веселовского, который в своём капитальном труде отверг объективный характер посешного обложения [Веселовский 1915; 1916]. Скептические выводы Веселовского в отношении достоверности данных писцовых описаний оказали заметное влияние на

последующие работы. Критическое изучение обширных комплексов писцовых книг как сложного и многопланового источника по аграрной, демографической, социально-экономической истории России, продолжается [Дмитриева, Черкасова 2014; Хитров 2018].

Большое внимание уделяется писцовым книгам на уровне региональных исследований. В данной работе рассматриваются два описания Перми Великой, первое из которых встречается в источниках под названием «Писцовые книги письма и меры Ивана Игнатьевича Яхонтова да подъячего Третьяка Карпова 87-го года», а второе – «Писцовые книги письма и меры Михаила Фёдоровича Кайсарова да дьяка Марка Мартемьянова да подъячих Исака Леонтьева да Афонасья Бреева 131-го и 132-го года». В Верхнем Прикамье в разное время работали и другие писцы, но результаты их деятельности не сохранились с той степенью полноты, как у Яхонтова и Кайсарова. Информации в источниках о ходе описания Яхонтова не выявлено, а о деятельности Кайсарова в Перми Великой известны лишь отрывочные данные. Так, сохранился черновой отпуск дьяка Новгородской чети Андрея Шипова к писцам от 30 июня 1623 г., в котором выражается недовольство их медлительностью и долгим отсутствием сведений от них [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. Д. 31. Л. 86–88]. Там же говорится: «...а слух нам дошел, что вы толко пьете да посулы и кормы емлете» [там же: 88]. Подобная характеристика, конечно, не может не вызвать опасений за достоверность данных, сообщаемых Кайсаровым. Результаты работы были представлены им в Новгородский приказ 20 сентября 1625 г. [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. 7134/1626 г. Д. 15. Л. 397–397 об.]. До нашего времени материалы пермских описаний дошли лишь в виде списков, составленных в разное время для разных административных единиц. Подлинные рукописи Яхонтова, по-видимому, погибли в огне пожара Поместного приказа в 1626 г. Подлинники книг Кайсарова также не сохранились [Устюгов 1957: 14].

Структуры описаний у обоих писцов довольно близки между собой. В них они сообщают сведения о положении поселений на местности и их типе, населении их дворов, земельных угодьях, оброчных статьях. Площадь угодий даётся для всего поселения сразу. В их состав входят пашня паханая, перелог (измеряются в четвертях в одном поле), лес пашенный (в десятинах) и сенокосы (в копнах). Для каждой административно-податной единицы подводятся итоги, хозяйственные и финансовые. Схожесть описаний с одной стороны, облегчает их сравнение, но с другой стороны не приходится забывать о том, что одинаковые понятия у Яхонтова и Кайсарова могут иметь различное содержание.

Историография изучения писцовых книг Перми Великой восходит к В.Н. Берху, обнаружившему их и опубликовавшему выдержки по Чердыни и Соликамску [Берх 1821: 188–200]. Одним из первых к данным описаниям, извлечённым из строгановских архивов, обратился строгановский служитель Ф.А. Волегов [Дмитриев 1892: 64–65]. Некоторые части писцовых книг или выдержки из них были изданы в 1870–1880-х гг. В.Н. Шишонко, но качество этих публикаций оставляет желать много лучшего (библиографию изданий писцовых книг В.Н. Шишонко см. в [Дмитриев 1889: 70–73]). Наиболее же основательной работой оказались труды А.А. Дмитриева, который изучил структуру писцовых книг, особенности экономических показателей, подвёл хозяйственно-финансовые итоги, опубликовал некоторые списки, затронул вопрос о достоверности описаний [Дмитриев 1891; 1892; 1893]. Но сделал он это на уровне современных ему исторических знаний и на ограниченном круге списков, не

использовав даже все те, которые были в его распоряжении и сейчас хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Пермского края [ГАПК, Ф. 597]. Более поздние исследователи также обращались к материалам писцовых книг Перми Великой, но делали это в контексте решения других задач, не связанных напрямую с исследованием этих документов как массовых источников (см., например, [Власова 1991; Колесников 1976; Оборин 1990; Устюгов 1957; Чагин 1995]). В частности, мало внимания уделялось вопросу их достоверности, не всегда сопоставлялись оба описания, иногда авторы ограничивались данными А.А. Дмитриева или Ф.А. Волегова без обращения к первоисточникам. Всё это могло отразиться на полноте и надёжности полученных результатов.

Таким образом, источниковедческий потенциал писцовых книг Перми Великой нельзя считать исчерпанным. Целью работы является повышение их информативной отдачи путём расширения источниковой базы и применения соответствующих источниковедческих и статистических методов. Статья имеет следующие основные разделы: Введение, «Источники и организация данных», «Результаты и обсуждение», Заключение и Приложение. Объектом исследования выступает информация, извлечённая из источников, а предметом – особенности некоторых характерных для писцовых книг показателей, в число которых входят структура сошного письма (этому посвящён раздел 3.1), соотношение между «живущим» и «пустым» (раздел 3.2) и точность писцовых итогов (раздел 3.3). Выбор данных показателей объясняется их первичностью, практической неизученностью и относительной простотой проверки. Исследование предваряется краткой характеристикой широкого круга источников, в том числе ранее практически не использовавшихся, на основе которых создана проблемно-ориентированная электронная база данных. По данным базы подсчитаны суммы и определены соотношения между основными показателями писцовых книг (раздел 3.4). Таблицы (всего 30) и 2 рисунка, в которых аккумулированы результаты работы, вынесены из основного текста в специальный электронный раздел «Приложение» (за исключением таблицы, характеризующей источники). Все номера в нём снабжены префиксом «/I». Файл Приложения в формате PDF размещён на онлайн-репозитории figshare и доступен для свободной загрузки по его DOI¹.

Источники и организация данных

Административно-территориальные единицы

Взятые для анализа показатели писцовых книг имеют строгую связь с особенностями административно-территориальной структуры Перми Великой. Начало массовой русской колонизации Верхнего Прикамья приходится на XIV – начало XV в. [Макаров 2001: 24]. К моменту приезда писца Яхонтова эта территория с юридической точки зрения уже разделялась на две крупнейшие смежные области: тяглые черносошные земли на севере, управляемые московскими наместниками (а впоследствии воеводами), и вотчинные на юге, принадлежавшие сольвычегодским промышленникам Строгановым. Черносошными центрами были города Чердынь и Соликамск, каждый со своим уездом. В уездах Яхонтов в качестве основных административно-податных единиц выделял станы, а Кайсаров – погосты-округа. Кайсаров также отдельно описывал отхожие пашни посадских людей

¹ <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.16863598>

Чердыни и Соликамска (при подведении итогов учитывались вместе с городами), владения влиятельной чердынской семьи Могильниковых и Оброчный починок соликамца Ф. Елисеева. Последний был изоброчен и в сошное письмо не включался. Кроме того, Кайсаровым было произведено описание земель ясачного населения, располагавшихся на территории позднейшего Кунгурского уезда. Данные этого описания, список которого был издан В.Н. Шишонко [Шишонко 1872: 119–150], здесь не рассматриваются. Кайсаров также описал Кайгородский уезд [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. 7134/1626 г. Д. 15. Л. 461–461 об.], вошедший в состав Пермь Великой после 1586 г. [Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись 1958: 267], однако эти писцовые книги остаются не обнаруженными.

На строгановских землях, первая царская жалованная грамота на владение которыми последовала в 1558 г. [Головчанский, Мельничук: 2005: 21], в первую очередь можно выделить компактную Орловскую вотчину на севере и расположенную южнее по среднему течению Камы и её притокам обширную Чусовскую. Последняя при Яхонтове состояла из трёх более мелких вотчин, центрами которых были Чусовая, Сылвенская и Яйвенская слободы. К приезду Кайсарова из Чусовой слободы выросли Чусовские Нижний и Верхний городки, ставшие центрами двух крупнейших отдельных семейных вотчин Строгановых, которые в дальнейшем будут именоваться Нижне-Чусовской и Верхне-Чусовской. В Нижне-Чусовской вотчине Кайсаров различал селения, «тянущиеся» непосредственно к Нижне-Чусовскому городку (здесь и далее условно именуется вотчиной Нижне-Чусовского городка) и Сылвенскому острожку (Сылвенская вотчина), а в Верхне-Чусовской – к Верхне-Чусовскому городку (вотчина Верхне-Чусовского городка) и Яйвенскому острожку (Яйвенская вотчина). Таким образом, деление на вотчины двухуровневое: крупные дробятся на более мелкие. Орловская вотчина при Кайсарове находилась в совместном владении всех Строгановых. Кроме того, на крайнем юге их владений появилась не существовавшая при Яхонтове и описанная в 1614 г. Девятым Фёдоровичем Змеевым и подъячим Василием Михайловым Очерская вотчина.

Писцы также описывали монастыри. При Яхонтове их насчитывалось два, а при Кайсарове – девять, включая женские и Троицкую пустынь. Часть из них имела небольшие вотчины. Хозяйственные и финансовые показатели монастырей писцы в своих итогах не учитывали. Описанная административно-территориальная структура черносошных и строгановских земель показана в табл. III и II2 соответственно. Представление о ней на момент переписи Яхонтова можно также получить из карт-реконструкций [Адрианов 1897: см. вклейки; Власов, Оборина 1968]. Имена Строгановых, указанные в табл. II2, в дальнейшем будут приводиться без отчества (так как в пределах одного описания среди них нет совпадающих).

Обзор источников

Список использованных источников, содержащих данные писцовых книг, приводится в табл. 1. Дальнейшие отсылки к ним будут производиться согласно их обозначений, приведённым в этой таблице. Часть из них изучалась в подлинном виде, а часть – в виде микрофильмов или электронных образов. Датировка основывается как на сведениях из литературы, так и на моих собственных оценках. Обозначения источников, одновременно являющихся и оригиналом списка, подчёркнуты. Списки, которые использовались в качестве основных при заполнении базы данных, выделены жирным шрифтом. Их показатели сравнивались, дополнялись и корректировались по другим спискам таким образом, как это описано ниже.

Часть из указанных в табл. 1 списков кратко описаны Н.В. Устюговым [Устюгов 1957: 13–15]. Главным источником писцовых книг черносозных уездов являются списки *Т* и *Б*. Оба они содержат описания как Яхонтова, так и Кайсарова. Краткая палеографическая характеристика первого из них приводится у Н.В. Францужовой (автор обозначает его как *П*) [Францужова 2002: XL–XLI]. По-видимому, список *Т* когда-то принадлежал известным уральским промышленникам Турчаниновым, а затем попал в руки В.Н. Берха [Бруцкая 1997], который послал его графу Н.П. Румянцеву для снятия копии [Семевский 1887]. Так образовался список *Б* [Востоков 1842: 437]. Сопоставление списков *Т* и *Б* показало, что последний скопирован достаточно тщательно, хотя и обнаружались небольшие расхождения, в том числе в цифрах, имеющие характер описок. Происхождение описания Яхонтова в этих списках совершенно неизвестно, так как каких-либо указаний на этот счёт в тексте нет. Сведения по Чердынскому Богословскому монастырю в описании Яхонтова отсутствуют, но их можно частично восполнить данными царской грамоты 1580 г. [Акты исторические 1841: 397]. Книги Кайсарова в списках *Т* и *Б* предстают в сокращённом виде: в них выпущены описания городов, церквей и церковных дворов, нет итогов сошного письма и многих хозяйственных итогов. Данные о денежных платежах, за исключением оброчных, также выпущены. Как выяснил С.Б. Веселовский, это связано с тем, что сошное письмо Кайсарова по черносозным уездам в 1627/28 г. было отставлено правительством (но оброчные платежи сохранили силу) [Веселовский 1908].

Таблица 1. Список использованных источников писцовых описаний

Район описания	Оригинал списка			Источник списка		
	Датировка	Припись	Справа	Датировка	Обозначение	Ссылка*
<i>Описание Яхонтова</i>						
Чердынский уезд				кон. XVIII в.	Список <i>Т</i>	[1, Л. 8 об.–24 об.]
				ок. 1819 г.	Список <i>Б</i>	[8, Л. 13–46]
Соликамский уезд				кон. XVIII в.	Список <i>Т</i>	[1, Л. 3–8]
				ок. 1819 г.	Список <i>Б</i>	[8, Л. 3–12 об.]
Орловская вотчина	17 июня 1579 г.	дьяк Андрей Щелкалов			Сотная О	[15]
Чусовская вотчина				ок. 1646 г.	Список <i>Ч1</i>	[13]
				ок. 1653 г.	Список <i>Ч2</i>	[14]
	17 июня 1579 г.	дьяк Андрей Щелкалов		1700 г.	Список <i>Ч</i>	[12]
<i>Описание Кайсарова</i>						
Чердынский уезд	ок. 1629 г.	дьяк Дементий Образцов	подъячий Нефед Галкин	кон. XVIII в.	Список <i>Т</i>	[1, Л. 25–61 об.]
	--/--	--/--	--/--	ок. 1819 г.	Список <i>Б</i>	[8, Л. 46–152 об.]
				ок. 1870-х гг.	Список <i>Ш1</i>	[5]
				ок. 1870-х гг.	Список <i>Ш2</i>	[4]
	ок. 1626 г.				ПКНЧ	[10, Л. 397–425]

Район описания	Оригинал списка			Источник списка		
	Датировка	Припись	Справа	Датировка	Обозначение	Ссылка*
Соликамский уезд	ок. 1629 г.	дьяк Дементий Образцов	подьячий Нефед Галкин	кон. XVIII в.	Список <i>T</i>	[1, Л. 62–74]
	--	--	--	ок. 1819 г.	Список Б	[8, Л. 153–186]
	ок. 1696 г.	дьяк Андрей Городецкий	Ивашко Столбицкий	кон. XVIII в.	Список <i>P</i>	[9]
	ок. 1626 г.				<u>ПКНЧ</u>	[10, Л. 437 об.–449 об.]
Все вотчины Строгановых	8 мая 1695 г.	дьяк Василий Посников	Ивашко Столбицкий	1892 г.	Публикация <i>D</i>	[20]
		--	подьячий Иван Левкиев	посл. четв. XVII в.	Список Д1	[7]
	май 1695 г.	--	Ивашко Столбицкий		<u>Список У1</u>	[2]
				1-я пол. XVIII в.	Список <i>У2</i>	[3]
	ок. 1626 г.				<u>ПКНЧ**</u>	[10, Л. 478 об.–481]
Верхне-Чусовская вотчина				нач. XVIII в.	Список Д2	[6]
	ок. 1670-х гг.	дьяк Дмитрий Афанасьев			<u>Список В</u>	[17]
<i>Описание Змеева</i>						
Очерская вотчина	14 декабря 1614 г.	Девятый Змеев, подьячий Василий Михайлов			<u>Сотная З</u>	[16]

* Номер по списку источников в конце статьи.

** Данные в источнике имеются только для Орловской и Очерской вотчин.

Для Чердынского уезда отсутствующие в списке *T* (и *B*) данные Кайсарова частично восполняются более полным списком В.Н. Шишонко (разделён на два архивных дела, условно обозначенных здесь как *Ш1* и *Ш2*). Этот список послужил основой для издания им выдержек из писцовой книги (многие места в рукописи перечёркнуты карандашом и соответствуют выпущенным фрагментам в публикации) [Шишонко 1882: 184–251]. Этот источник, однако, страдает рядом недостатков. В нём имеются лакуны в данных, нарушения в последовательности изложения, ряд цифр очевидно неправилен. Указанные дефекты могут быть связаны как с изъянами самих источников, которыми пользовался Шишонко (в преамбуле к своему списку он упоминает некие «отрывочные документы частных лиц»), так и с его собственной небрежностью в передаче или обработке информации, которая не раз отмечалась в литературе. При этом список Шишонко, хотя и более полный по сравнению со списком *T* (*B*), также не является законченной версией описания (например, итоги в нём присутствуют не для всех административно-податных округов).

Отсутствующие в списке *Т* (и *Б*) данные Кайсарова по Соликамскому уезду восполнялись по списку *Р*, который когда-то принадлежал представителям известной фамилии соликамских мещан Рязанцевых [ПКМ. Номер по КП: 11052. Л. I]. Этот список (исследовавшийся в своё время на предмет расхождений с изданием В.Н. Шишонко [Коловарский, Мельков 1952]) в отношении своей полноты, по-видимому, близок к протографу. В то же время, как показывает изучение списка *Р*, в нём самом есть некоторые неточности, которые были скорректированы данными списка *Т* (*Б*). А.А. Дмитриев в своём исследовании для черносозных уездов использовал материалы Дубровинского списка [Дмитриев 1891: XXVI–XXVII]. Этот список утерян, но, судя по всему, его содержание аналогично списку *Т* (и *Б*).

Для строгановских вотчин с описания Яхонтова были изготовлены сотные. Но в то время для Орловской вотчины сохранилась подлинная сотная *О* 1579 г., для Чусовской известны только списки с сотной. Два из них, списки *Ч1* и *Ч2*, были созданы в ходе судебной тяжбы Данилы Ивановича Строганова с пермскими крестьянами, материалы которой были обнаружены А.В. Антоновым в столбцах Поместного приказа [Морозов 2000]. К списку *Ч1* «приложены руки» Д.И. Строганова. Ещё один документ, список *Ч*, вместе с другими актами находится в «записной книге» Григория Дмитриевича Строганова и, как утверждается в его преамбуле, был изготовлен с сотной по Чусовской вотчине в связи с челобитной Г.Д. Строганова и по помете на челобитной дьяка Василия Посникова о необходимости «ту сотную записать в записные книги» в качестве крепости [РГАДА. Ф. 365. Оп. 1. 1685 г. Д. 5. Л. 84]. Все три упомянутых списка находятся в высокой степени согласия друг с другом за исключением количества сена в деревне Калинин Луг и итогового количества сена в вотчине Чусовской слободы.

Описание Кайсарова для строгановских вотчин сохранилось в ряде списков. В настоящей работе в качестве основного принят список *Д1*, хранящийся в личном фонде А.А. Дмитриева в ГАПК. В обзоре этого фонда, выполненного В.А. Обориным, данный список почему-то не упоминается [Оборин 1971]. Первый его лист отсутствует, несколько начальных заметно пострадали от влаги. Листы скреплены Г.Д. Строгановым. Появление списка, возможно, связано с передачей вдовой Анной Никитичной Строгановой своей части Чусовской вотчины в пользу Г.Д. Строганова [Устюгов 1957: 130–131] (точнее сказать затруднительно ввиду утраты первого листа, содержащего начало преамбулы). Ещё одним источником является публикация Дмитриева, выполненная им с неизвестного списка 1840-х–1850-х гг. [Дмитриев 1892: 104–105]. Сопоставление публикации *Д* со списком *Д1* показывает их однородность в отношении содержания, но вместе с тем каждый из них имеет индивидуальные особенности. В обоих источниках встречаются цифровые неточности (не коррелирующие между списками), а также пропуски в тексте. В списке *Д1* наиболее существенными из последних являются отсутствие описания Андреевой половины Нижне-Чусовского городка и пропуск починка Серина в вотчине Пыскорского монастыря. Кроме того, в списке *Д1* в описании Яйвенской вотчины нарушена последовательность изложения (переставлены местами фрагменты текста). Возможно, что этот список изготавливался в спешке. Данные в электронной базе по списку *Д1* были дополнены и исправлены путём сопоставления с публикацией *Д*.

Описание Кайсарова для всех строгановских вотчин имеется ещё в двух «усольских» списках, которые поступили в БИХМ из Усольского музея в 1955 г. Список *VI*, в настоящее время находящийся в экспозиции музея, скреплён по листам дьяком Василием Посниковым.

Краткие сведения об этой рукописи приводит В.А. Оборин (имея в виду дело под № 439) [Оборин 1974]. Происхождение списка У2, выполненного почерком 1-й пол. XVIII в., неясно, так как в тексте об этом сведений нет. В нём заметны усилия по улучшению читабельности, например, дворы записаны не подряд в строчку, как обычно, а в столбик. Лакуны в данных в обоих списках, как кажется, отсутствуют или практически отсутствуют. В целом, текстологический анализ показывает, что упомянутые источники по строгановским вотчинам можно разделить на две группы, в первую из которых входят списки Д1 и У2, а во вторую – публикация Д и список У1. Разделение на эти группы обусловлено некоторыми цифровыми значениями, которые идентичны внутри групп, но различаются между ними. Более достоверными я считаю значения из первой группы (для них разница между проверочными подсчётами по тексту и итогами писца наименьшая). Так, в списках первой группы для вотчины Нижне-Чусовского городка Петра Строганова указано итоговое количество леса пашенного 13,5 дес. [ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. Д. 43. Л. 21 об.; БИХМ. Номер по КП: 606. Л. 31 об.], а во второй – 30,5 дес. [Дмитриев 1892: 119; БИХМ. Номер по КП: 603. Л. 15 об.]. Более правильным следует считать первое значение. Вероятно, указанные группы восходят к разным протографам.

Кроме приведённых выше, имеются ещё два списка с описанием Кайсарова, но только для одной Верхне-Чусовской вотчины Ивана и Максима, которая включала в себя вотчину Верхне-Чусовского городка и Яйвенскую вотчину. К одному из них, списку В, приложены руки людей Агафьи Тимофеевны Строгановой (умерла после 1680 г. [Купцов 2005: 57]) – жены, а впоследствии вдовы Данилы Ивановича Строганова (умер в 1668 г. [там же: 56]). Д.И. Строганов наследовал Верхне-Чусовскую вотчину после Ивана и Максима. Н.В. Устюгов датировал данный список 40-ми годами XVII в. [Устюгов 1957: 15], что, на мой взгляд, неверно. В рукописи нет начала и описания Яйвенского острожка, потому что «из списка лист утерялся» [Ф. 1278. Оп. 2. Д. 46. Л. 34 об.]. В описании селений, следующих за слободой Слудкой (вотчина Верхне-Чусовского городка), вследствие перестановки местами фрагментов текста нарушен порядок изложения. Второй список, Д2, хранится в фонде А.А. Дмитриева. Его краткую палеографическую характеристику дал В.А. Оборин [Оборин 1971: 187]. Список Д2 более полон, чем список В, и, в частности, содержит данные по Яйвенскому острожку. Вместе с тем конец описания, который должен содержать итог денежных доходов по всей Верхне-Чусовской вотчине, отсутствует в обоих источниках. За исключением упомянутых, сопоставление списков Д2 и В выявляет лишь небольшие расхождения, имеющие характер случайных ошибок. Зато принципиальные различия обнаруживаются при сопоставлении данных списка Д2 (и В) с данными списка Д1 (а также публикации Д и списков У1 и У2) для Верхне-Чусовской вотчины. Наиболее существенные из этих различий помещены в табл. П5 – П8. Дальнейший анализ этих таблиц и выводы будут сделаны ниже (см. раздел 3.2).

В своём описании Кайсаров ссылается на данные по Очерскому острожку Строгановых, возникшему уже после приезда Яхонтова. Эти данные содержатся в сотной З Д.Ф. Змеева 1614 г. Некоторые сведения из описания Кайсарова, а именно итоги сошного письма, количества селений и денежных доходов, расписанные по административно-податным единицам, приводятся в приходной книге Новгородской четверти (ПКНЧ) 1626 г. Эти данные актуальны, в первую очередь, для Чердынского уезда, так как в имеющихся для него списках зачастую отсутствуют.

Из рассмотренных источников исследователи в своих работах чаще всего ограничивались ссылками только на материалы списка *Б* и публикации *Д* (а также на вторичные данные А.А. Дмитриева и Ф.А. Волегова). Между тем, как видно из вышесказанного, списки описаний далеко не тождественны в отношении происхождения, полноты и точности своих сведений. Для реконструкции писцовых книг с максимальной степенью близости к первоначальному тексту требуется тщательное изучение и сопоставление всего известного материала. Перспективы выявления новых списков с писцовых описаний можно, в частности, связать с изучением источников, имеющих отношение к Генеральному межеванию в Пермской губернии, так как сведения писцовых книг служили доказательством прав на владение.

Электронная база данных

В целях статистической обработки извлечённые из списков писцовых книг сведения были внесены в проблемно-ориентированную [Гарскова 2013] реляционную [Она же 1994: 69–73] базу данных. Её показатели представляют собой конечный результат сравнительного анализа рассмотренных в предыдущем разделе источников. Создание базы производилось с учётом структуры писцовых описаний, в которых можно выделить ряд связанных друг с другом сущностей. Для каждой сущности создавалась отдельная таблица. Элементы сущностей представляют собой записи (строки) в этих таблицах. Каждый элемент сущности получал уникальный идентификационный номер (ID). Основными сущностями были описания (всего два ID, соответствующие описаниям Яхонтова и Кайсарова), поселения, дворы, персоны («люди»), земельные площади и оброчные статьи. Сущности могут обладать определёнными атрибутами (свойствами). Например, для описаний это может быть год проведения, для поселений – их тип, для дворов – социально-экономический статус и т. д. В таблицах атрибутами являются столбцы (поля). Таблицы сущностей можно хранить в какой-либо системе управления базами данных (СУБД) и при необходимости объединять в одну общую таблицу (в ряде языков программирования для этого используется команда JOIN). В дальнейшем статистическую информацию в этой объединённой таблице можно извлекать и обрабатывать в интересующей исследователя манере.

Список литературы

1. Адрианов С.А. Разбор сочинения А.А. Дмитриева «Пермская старина». Выпуски I–V (с 2 картами) // Отчет о 37-м присуждении наград графа Уварова. Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1897. Т. II. № 1. С. 271–332 + 2 вклейки.
2. Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.: военная тип. Главного штаба, 1821. 234 с.
3. Бруцкая Л.А. Документы Пермского Прикамья в архиве В.Н. Берха // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 37–38.
4. Веселовский С.Б. Рецензия на книгу Ю. Готье «Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Москва. 1906» // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIII. Январь–Февраль. СПб.: Сенатская тип., 1908. Критика и Библиография. С. 421–422.
5. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посешного обложения Московского государства. Т. 1. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915. 444 с.

6. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 716 с.
7. Власов Ю.А., Оборина М.И. Пермский край в 1579 г. по И. Яхонтову // Календарь-справочник Пермской области 1969 года. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. С. 64–65.
8. Власова И.В. Заселение и хозяйственное освоение русскими Северного Приуралья (XVI–XX вв.). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VI: Русские. Кн. 1. М: ИЭА РАН, 1991. 208 с.
9. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1842. 905 с.
10. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.; Göttingen: Konrad Rahnische Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994. 216 с.
11. Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Барнаул: Азбука, 2013. С. 7–9.
12. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.
13. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: тип. П.Ф. Каменского, 1889. 202 с.
14. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. III. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь: тип. П.Ф. Каменского, 1891. 180 с.
15. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. IV. Строгановы и Ермак. Пермь: тип. наследников П.Ф. Каменского, 1892. 196 с.
16. Дмитриев А.А. О степени достоверности древнейших Великопермских писцовых книг Яхонтова // Труды Пермской учёной архивной комиссии. Пермь: тип. наслед. П.Ф. Каменского, 1893. Вып. II. С. 15–20.
17. Дмитриева З.В., Черкасова М.С. Конференциям по изучению писцовых книг – 25 лет // Российская история. 2014. № 1. С. 211–219.
18. Киселев Е.А. Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской исторической литературе // Проблемы истории СССР. Вып. 6 / отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: Изд-во «Московский университет», 1977. С. 40–58.
19. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда: Северо-западное книжное изд-во, 1976. 416 с.
20. Коловарский Л., Мельков Ю. Новый список писцовых книг Михаила Кайсарова // На Западном Урале. Сборник статей 1951 г. / ред. Б.Н. Назаровский. Молотов: Молотовгиз, 1952. С. 201–208.
21. Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. Сб. 2 / ред. И.М. Троцкий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 145–186.
22. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 2005. 224 с.
23. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
24. Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII веков. М., 1956. 36 с.
25. Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М.: Изд-во «Московский университет», 1986. 304 с.
26. Морозов Б.Н. Жалованная грамота Строгановым 1591 года // Русский дипломатарий. Вып. 6 / отв. ред. А.В. Антонов. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 2000. С. 190.

27. Новожилов А.Г. Возможности использования данных писцовых книг: история проблемы и вклад А.Л. Шапиро в её разработку // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 4. С. 100–116.
28. Оборин В.А. Археографическая деятельность А.А. Дмитриева // Уральский Археографический Ежегодник за 1970 год / глав. ред. Ф.С. Горовой. Пермь, 1971. С. 181–195.
29. Оборин В.А. Документы XVII – начала XVIII века в рукописных фондах музеев Пермской области (краткий обзор) // Уральский Археографический Ежегодник за 1972 год / глав. ред. Ф.С. Горовой. Пермь, 1974. С. 119–120.
30. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во «Иркутский университет», 1990. 168 с.
31. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с.
32. Французова Н.В. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М.: «Древлехранилище», 2002. 514 с.
33. Фролов А.А. Новгородские писцовые книги. Источники и методы исследования. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. 648 с.
34. Хитров Д.А. Изучение писцовых и переписных книг Московского государства на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Брянск, 2018. С. 19–24.
35. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XVIII в. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1995. 364 с.
36. Eaton H.L. Cadasters and Censuses of Muscovy. *Slavic Review*, 1967, vol. 26, iss. 1. P. 54–69. URL: <https://www.jstor.org/stable/2492434>, authorization required (дата обращения: 12.07.2022).

Список источников

1. Архив СПб ИИ РАН (Архив СПб ИИ РАН). Писцовые книги 1579 и 1623–24 гг. Чердынского и Соликамского уездов (список *T*). Колл. 115. Оп. 1. Д. 442. Л. 1–74.
2. Березниковский историко-художественный музей (БИХМ). Выпись с писцовых книг на вотчины Строгановых М. Кайсарова 1623–24 гг. (список *VI*). Номер по КП: 603. Л. 3–299об.
3. БИХМ. Список с писцовых книг на вотчины Строгановых М. Кайсарова 1623–24 гг. (список *У2*). Номер по КП: 606. Л. 1–134.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Чердынские писцовые книги М. Кайсарова 1623–24 гг. (список *III2*). Ф. 321. Оп. 1. Д. 32. Л. 125–283 об.
5. ГАПК. Чердынские писцовые книги М. Кайсарова 1623–24 гг. (список *III1*). Ф. 321. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–143 об.
6. ГАПК. Список с писцовых книг М. Кайсарова 1623–24 гг. на вотчины Строгановых усолошные и яйвинские и слущкие (список *Д2*). Ф. 597. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–49 об.
7. ГАПК. Писцовая книга М. Кайсарова 1623–24 гг. на вотчины Строгановых (список *Д1*). Ф. 597. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–183об.
8. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами 1579 и 1623–24 гг. (список *Б*). Ф. 256. Д. 308. Л. 1–186. [Электронный ресурс] URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004257022> (дата обращения: 29.10.2022).
9. Пермский краеведческий музей (ПКМ). Выпись с усольских писцовых книг М. Кайсарова 1623–24 гг. (список *P*). Номер по КП: 11052, Л. 1–66об.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Приходная книга Новгородской четверти (ПКНЧ). Ф. 137. Оп. 1. Новгород. 7134/1626 г. Д. 15. Л. 395–481.

11. РГАДА. Грамота пермским писцам М.Ф. Кайсарову с товарищами о присылке отписки с отчётом о ходе описания. Отпуск. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. Д. 31. Л. 86–88.
12. РГАДА. Список с сотной с пермских книг И. Яхонтова 1579 г. на земли Строгановых (список Ч). Ф. 365. Оп. 1. 1685 г. Д. 5. Л. 84–89 об.
13. РГАДА. Список с сотной с пермских книг И. Яхонтова 1579 г. на земли Строгановых (список Ч1). Ф. 1209. Д. 20890. Ч. 1 (№ 498). Л. 270–277.
14. РГАДА. Список с сотной с пермских книг И. Яхонтова 1579 г. на земли Строгановых (список Ч2). Ф. 1209. Д. 20890. Ч. 3 (№ 500). Л. 847–860.
15. РГАДА. Сотная с пермских книг И. Яхонтова 1579 г. на слободу Орёл (сотная О). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–4 об.
16. РГАДА. Сотная Д. Змеева 1614 г. на Очерскую вотчину Н.Г. Строганова (сотная З). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 24. Л. 2–4.
17. РГАДА. Выпись с писцовых книг М. Кайсарова 1623–24 гг. на старые вотчины И.М. и М.М. Строгановых (список В). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–41.
18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598 гг. СПб.: тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. 606 с.
19. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4 / ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. С. 267.
20. Писцовая книга М. Кайсарова 1623–24 гг. по великопермским вотчинам Строгановых (публикация Д) // Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. IV. Пермь: тип. наследников П.Ф. Каменского, 1892. С. 110–194.
21. Семевский М.И. Письма графа Н.П. Румянцева к В.Н. Берху. 1817–1822 гг. // Летопись занятий Археографической комиссии 1872–1875 гг. Выпуск 6. СПб.: тип. братьев Пантелеевых, 1877. Отдел II. Материалы. С. 143–144.
22. Шишонко В.Н. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь: тип. Губернского правления, 1872. 178 с.
23. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период: с 1613–1645 гг. Пермь: тип. Пермской земской управы, 1882. 502 с.

References

1. Adrianov S.A. Razbor sochineniya A.A. Dmitrieva 'Permskaya starina'. Vypuski I-V (s 2 kartami) [A review of the A.A. Dmitriev's work 'Perm in Old Times'. Parts I-V with 2 maps]. *Otchet o 37-m prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova. Zapiski Imperatorskoi Akademii Nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu*, Saint Petersburg, tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1897, vol. II, no. 1, pp. 271-332. (In Russ.).
2. Berkh V.N. Puteshestvie v goroda Cherdyn i Solikamsk dlya izyskaniya istoricheskikh drevnostei [A journey to Cherdyn and Solikamsk for searching for historical antiquities]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya Glavnogo shtaba Publ., 1821, 234 p. (In Russ.).
3. Brutskaya L.A. Dokumenty Permskogo Prikamya v arkhive V.N. Berkha [Documents of the Perm Prikamye region in the Berkh's archives]. *Uralskii sbornik. Istoriya. Kultura. Religiya*, Iss. 1, Yekaterinburg, 1997, pp. 37-38. (In Russ.).
4. Veselovskii S.B. Retsenziya na knigu Yu. Got'e 'Zamoskovnyi krai v XVII veke. Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi. Moscow. 1906' [A review of the Yu. Got'e book 'Zamoskovnyi region during the 17th century. An experience of studying the history of economic life of Muscovy. Moscow. 1906']. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. New Series*, Part XIII, Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1908, pp. 421-422. (In Russ.).

5. Veselovskii S.B. Soshnoe pis'mo. Issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva [Soshnoe pis'mo. A research on the history of the Cadaster and 'sokha' taxation of the Muscovite State]. Vol. 1, Moscow, tipografiya G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1915, 444 p. (In Russ.).
6. Veselovskii S.B. Soshnoe pis'mo. Issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva. [Soshnoe pis'mo. A study on the history of the Cadaster and 'sokha' taxation of the Muscovite State]. Vol. 2, Moscow, tipografiya G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1916, 716 p. (In Russ.).
7. Vlasov Yu.A., Oborina M.I. Permskii krai v 1579 g. po I. Yakhontovu [Perm region in 1579 according to I. Yakhontov]. *Kalendar'-spravochnik Permskoi oblasti 1969 goda*, Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968, pp. 64-65. (In Russ.).
8. Vlasova I. V. Zaselenie i khozyaistvennoe osvoenie russkimi Severnogo Priural'ya (XVI-XX vv.). Materialy k serii «Narody i kul'tury» [Russian colonization and economic development of the Northern Ural (16th-20th century). Materials for the series 'Nations and Cultures']. Iss. VI, book 1, Moscow, IEA RAN Publ., 1991, 208 p. (In Russ.).
9. Vostokov A.Kh. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumyantsevskogo muzeuma [A description of the Russian and Slavic manuscripts of the Rumyantsev Museum]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Science Press, 1842, 905 p. (In Russ.).
10. Garskova I.M. Bazy i banki dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh [Databases and Databanks in historical researches]. Moscow, Göttingen, 1994, 216 p. (In Russ.).
11. Garskova I.M. Bazy dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh: opyt i perspektivy [Databases in historical researches: experience and prospects]. *Krug idey: bazy dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh*, Barnaul, Azbuka Publ., 2013, pp. 7-9. (In Russ.).
12. Golovchanskii G.P., Mel'nichuk A.F. Stroganovskie gorodki, ostrozhki, sela [The Stroganov towns, fortresses, villages]. Perm, Knizhnyi mir Publ., 2005, 232 p. (In Russ.).
13. Dmitriev A.A. Permskaya starina. Vyp. I. Drevnosti byvshei Permi Velikoi [Perm in Old Times. Vol. I: Antiquities of the former Great Perm]. Perm, tipografiya P.F. Kamenskogo Publ., 1889, 202 p. (In Russ.).
14. Dmitriev A.A. Permskaya starina. Vyp. III. Ekonomicheskie ocherki Permi Velikoi: Cherdynskii i Solikamskii krai na rubezhe XVI i XVII vv. [Perm in Old Times. Vol. III: Economic Essays of Great Perm: Cherdyn and Solikamsk regions at the turn of the 16th and 17th centuries]. Perm, tipografiya P.F. Kamenskogo Publ., 1891, 180 p. (In Russ.).
15. Dmitriev A.A. Permskaya starina. Vyp. IV. Stroganovy i Ermak [Perm in Old Times. Vol. IV: The Stroganovs and Ermak]. Perm, tipografiya naslednikov P.F. Kamenskogo Publ., 1892, 196 p. (In Russ.).
16. Dmitriev A.A. O stepeni dostovernosti drevneishikh Velikopermskikh pistsovykh knig Yakhontova [On the degree of reliability of the oldest Perm cadastral surveys of Yakhontov]. *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Vol. II. Perm, tipografiya naslednikov P.F. Kamenskogo Publ., 1893, pp. 15-20. (In Russ.).
17. Dmitrieva Z.V., Cherkasova M.S. Konferentsiyam po izucheniyu pistsovykh knig - 25 let [25 years of the Conferences dedicated to studying the Muscovy inventory books]. *Rossiiskaya istoriya*, 2014, no. 1, pp. 211-219. (In Russ.).
18. Kiselev E.A. Problema dostovernosti pistsovykh knig v dorevolyutsionnoi i sovetskoj istoricheskoi literature [A problem of the reliability of cadastral registers in the pre-revolutionary and Soviet historical literature]. *Problemy istorii SSSR*, Vol. 6, Moscow, Izdatel'stvo «Moskovskij universitet» Publ., 1977, pp. 40-58. (In Russ.).
19. Kolesnikov P.A. Severnaya derevnya v XV - pervoi polovine XIX veka. K voprosu ob evolyutsii agrarnykh otnoshenii v Russkom gosudarstve [Northern country from the 15th to the first half of the 19th century. To the question on the evolution of agrarian relations in the Russian State]. Vologda, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, 416 p. (In Russ.).

20. Kolovarskii L., Mel'kov Yu. Novyi spisok pistsovykh knig Mikhaila Kaisarova [A new copy of the M. Kaisarov's cadastral registry]. *Na Zapadnom Urale. Sbornik statei 1951 g.*, Molotov, Molotovgiz Publ., 1952, pp. 201-208. (In Russ.).
21. Kochin G.E. Pistsovye knigi v burzhuaznoi istoriografii [Cadastral records in the bourgeois historiography]. *Problemy istochnikovedeniya*, Collection 2, Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ, 1936, pp. 145-186. (In Russ.).
22. Kuptsov I.V. Rod Stroganovykh [The Stroganov clan]. Chelyabinsk, Kamennyj pojas Publ, 2005, 224 p. (In Russ.).
23. Makarov L.D. Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X-XV vv. [Old Russian people in the Perm Prikamye region in the 10th-15th centuries]. Izhevsk, Udmurtskii Universitet Publ., 2001, 140 p. (In Russ.).
24. Merzon A.Ts. Pistsovye i perepisnye knigi XV-XVII vekov [Cadastral and Census books of the 15th-17th centuries]. Moscow, 1956, 36 p. (In Russ.).
25. Milov L.V., Bulgakov M.B., Garskova I.M. Tendentsii agrarnogo razvitiya Rossii pervoi poloviny XVII stoletiya [The tendencies of agrarian development of Russia in the first half of the 17th century]. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1986, 304 p. (In Russ.).
26. Morozov B.N. Zhalovannaya gramota Stroganovym 1591 goda [The Charter to the Stroganovs of 1591]. *Russkii diplomatarii*, Iss. 6, Moscow, Pamyatniki Istoricheskoi Mysli Publ., 2000, p. 190. (In Russ.).
27. Novozhilov A.G. Vozmozhnosti ispol'zovaniya dannyykh pistsovykh knig: istoriya problemy i vklad A.L. Shapiro v ee razrabotku [On possibilities of using the data of cadastral records: the history of the problem and A.L. Shapiro contribution to its elaboration]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ser. 2. Istoriya*, 2005, vol. 4, pp. 100-116. (In Russ.).
28. Oborin V.A. Arkheograficheskaya deyatelnost' A.A. Dmitrieva [The archaeological work of A.A. Dmitriev]. *Ural'skii Arkheograficheskii Ezhegodnik za 1970 g.*, Perm, 1971, pp. 181-195. (In Russ.).
29. Oborin V.A. Dokumenty XVII - nachala XVIII veka v rukopisnykh fondakh muzeev Permskoi oblasti (kratkii obzor) [Documents of the 17th and the early 18th century in the museum manuscript stocks of Perm oblast (A short survey)]. *Ural'skii Arkheograficheskii Ezhegodnik za 1972 g.*, Perm, 1974, pp. 119-120. (In Russ.).
30. Oborin V.A. Zaselenie i osvoenie Urala v kontse XI - nachale XVII veka [The settlement and development of Ural from the late 11th to the early 17th century]. Irkutsk, Irkutskij universitet Publ., 1990, 168 p. (In Russ.).
31. Ustyugov N.V. Solevarennaya promyshlennost' Soli Kamskoi v XVII veke: k voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnoshenii v russkoi promyshlennosti [Salt-making industry of Sol' Kamskaya in the 17th century: to the question on the origin of capitalist relations in Russian industry]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1957, 336 p. (In Russ.).
32. Frantsuzova N.V. Goroda Rossii XVI veka. Materialy pistsovykh opisaniy [Cities of Russia in the 16th century. The materials of cadastral surveys]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002, 514 p. (In Russ.).
33. Frolov A.A. Novgorodskie pistsovye knigi. Istochniki i metody issledovaniya [Novgorod cadastral registers. Sources and research methods]. Moscow, Saint Petersburg, tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 2017, 648 p. (In Russ.).
34. Khitrov D.A. Izuchenie pistsovykh i perepisnykh knig Moskovskogo gosudarstva na sessiyakh Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy [Studies of pizsovye knigi of the Moscow state of 16-17 centuries at the sessions of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, Bryansk, 2018, pp. 19-24. (In Russ.).
35. Chagin G.N. Etnokul'turnaya istoriya Srednego Urala v kontse XVII - pervoi polovine XVIII v. [Ethnocultural history of the mid-Urals in the late 17th and the first half of 18th century]. Perm, Izdatel'stvo «Permskij universitet» Publ., 1995, 364 p. (In Russ.).

36. Eaton H.L. Cadasters and Censuses of Muscovy. *Slavic Review*, 1967, vol. 26, iss. 1, pp. 54-69. URL: <https://www.jstor.org/stable/2492434>, authorization required.

List of sources

1. Piscovye knigi 1579 i 1623-24 gg. Cherdynskogo i Solikamskogo uezdov [Scribes of 1579 and 1623–24 Cherdyn and Solikamsk counties]. Arhiv SPb II RAN, collection 115, op. 1, d. 442, l. 1-74. (In Russ.).

2. Vypis' s piscovykh knig na votchiny Stroganovykh M. Kajsarova 1623–24 gg. [Extract from the cadastres to the estates of the Stroganovs M. Kaisarov 1623-24]. Bereznikovskiy istoriko-khudozhestvennyy muzey (BIKhM), no. 603, l. 3-299ob. (In Russ.).

3. Spisok s pistsovykh knig na votchiny Stroganovykh M. Kaisarova 1623–24 gg. [List from scribe books to the estates of the Stroganovs M. Kaisarov 1623-24]. IKhM, no. 606, l. 1-134. (In Russ.).

4. Cherdynskie piscovye knigi M. Kajsarova 1623-24 gg. [Cherdyn scribe books by M. Kaisarov 1623–24]. Gosudarstvennyy arhiv Permskogo kraja (GAPK), f. 321. op. 1, d. 32, l. 125-283 ob. (In Russ.).

5. Cherdynskie piscovye knigi M. Kajsarova 1623-24 gg. [Cherdyn scribe books by M. Kaisarov 1623–24]. GAPK, f. 321. op. 1, d. 33, l. 1-143 ob. (In Russ.).

6. Spisok s piscovykh knig M. Kajsarova 1623-24 gg. na votchiny Stroganovykh usoloshnye i jajvinskie i sluckie [List from the scribe books of M. Kaisarov 1623–24. to the patrimonies of the Stroganovs, the usoloshnye and Yayva and Slutsk]. GAPK, f. 597, op. 1, d. 17, l. 1-49 ob. (In Russ.).

7. Piscovaja kniga M. Kajsarova 1623-24 gg. na votchiny Stroganovykh [Scribe book by M. Kaisarov 1623–24 to the estates of the Stroganovs]. GAPK, f. 597, op. 1, d. 43, l. 2-183 ob. (In Russ.).

8. Spisok s perepisnykh knig gorodov Solikamska i Cherdyni s uezdami 1579 i 1623-24 gg. [List from the census books of the cities of Solikamsk and Cherdyn with counties in 1579 and 1623-24]. Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB), f. 256, d. 308, l. 1-186. (In Russ.). Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004257022> (accessed: 29.10.2022).

9. Vypis' s usol'skih piscovykh knig M. Kajsarova 1623-24 gg. [Extract from the Usolsk scribe books by M. Kaisarov, 1623–24]. Permskij kraevedcheskij muzej (PKM), no. 11052, l. 1-66 ob. (In Russ.).

10. Prihodnaja kniga Novgorodskoj chetverti (PKNCh) [Receipt Book of the Novgorod Quarter (PKNCH)]. Rossijskij gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov (RGADA), f. 137, op. 1, Novgorod, 7134/1626, d. 15, l. 395-481. (In Russ.).

11. Gramota permskim piscam M.F. Kajsarovu s tovarishhami o prisylke otpiski s otchjotom o hode opisanija. Otpusk. [Diploma to Perm scribes M.F. Kaisarov and his comrades about sending a reply with a report on the progress of the description. Vacation]. RGADA, f. 141, op. 1, 1623 g., d. 31, l. 86-88. (In Russ.).

12. Spisok s sotnoj s permskih knig I. Jahontova 1579 g. na zemli Stroganovykh [A list with a hundred from the Perm books of I. Yakhontov in 1579 on the land of the Stroganovs]. RGADA, f. 365, op. 1, 1685 g., d. 5, l. 84-89 ob. (In Russ.).

13. Spisok s sotnoj s permskih knig I. Jahontova 1579 g. na zemli Stroganovykh [A list with a hundred from the Perm books of I. Yakhontov in 1579 on the land of the Stroganovs]. RGADA, f. 1209, d. 20890, part 1 (no. 498), l. 270-277. (In Russ.).

14. Spisok s sotnoj s permskih knig I. Jahontova 1579 g. na zemli Stroganovykh [A list with a hundred from the Perm books of I. Yakhontov in 1579 on the land of the Stroganovs]. RGADA, f. 1209, d. 20890, part 3 (no. 500), l. 847-860. (In Russ.).

15. Sotnaja s permskih knig I. Jahontova 1579 g. na slobodu Orjol [Hundred from the Perm books of I. Yakhontov 1579 to the Oryol settlement]. RGADA, f. 1278, op. 2, d. 7, l. 1-4 ob. (In Russ.).

16. Sotnaja D. Zmeeva 1614 g. na Ocherskuju votchinu N.G. Stroganova [Sotnaya D. Zmeev 1614 to the Ocher estate of N.G. Stroganov]. RGADA, f. 1278, op. 2, d. 24, l. 2-4. (In Russ.).

17. Vypis' s piscovyh knig M. Kajsarova 1623-24 gg. na starye votchiny I.M. i M.M. Stroganovyh [Extract from the scribe books of M. Kaiserov 1623–24. to the old estates of I.M. and M.M. Stroganovs]. RGADA, f. 1278, op. 2, d. 46, l. 1-41. (In Russ.).
18. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej [Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1, 1334-1598 gg., Saint Petersburg, tipografija Jekspedicii zagotovlenija Gosudarstvennyh bumag Publ., 1841, 606 p. (In Russ.).
19. Vyhegodsko-Vymskaja (Misailo-Evtihievskaja) letopis' [Vyhegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) chronicle]. *Istoriko-filologicheskij sbornik*, Iss. 4, Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958, p. 267. (In Russ.).
20. Piscovaja kniga M. Kajsarova 1623-24 gg. po velikopermskim votchinam Stroganovyh (publikacija D) [Scribe book by M. Kaiserov 1623–24 on the Great Perm estates of the Stroganovs]. *Dmitriev A.A. Permskaja starina*. Iss. IV, Perm', tipografija naslednikov P.F. Kamenskogo Publ., 1892, pp. 110-194. (In Russ.).
21. Semevskij M.I. Pis'ma grafa N.P. Rumjanceva k V.N. Berhu. 1817-1822 gg. [Letters from Count N.P. Rumyantsev to V.N. Berhu. 1817–1822]. *Letopis' zanjatij Arheograficheskoj komissii 1872-1875 gg.*, Iss. 6, Saint Petersburg, tipografija brat'ev Panteleevykh Publ., 1877, pp. 143-144. (In Russ.).
22. Shishonko V.N. Piscovye knigi Permskoj gubernii Solikamskogo i Kungurskogo uezdov [Scribes of the Perm province of the Solikamsk and Kungur districts]. Perm', tipografija Gubernskogo pravlenija Publ., 1872, 178 p. (In Russ.).
23. Shishonko V.N. Permskaja letopis' s 1263-1881 g. Vtoroj period: s 1613-1645 gg. [Perm Chronicle from 1263–1881. Second period: from 1613–1645]. Perm', tipografija Permskoj zemskoj upravly Publ., 1882, 502 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Климанов – независимый исследователь,
кандидат физико-математических наук.

Information about the author

S.A. Klimanov – Independent Researcher,
Ph. D. (Physics and Mathematics)

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 32–42.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 32-42.

Научная статья

УДК 811.112.2

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-32-42

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ФИТОНИМОМ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Светлана Викторовна Шустова^{1,2}, Елизавета Максимовна Бессонова³,

Елена Николаевна Назаренко⁴

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

lanaschust@mail.ru

³ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

elizaaveeta@mail.ru

⁴ Донецкий национальный университет, Донецк, Россия, o.nazarenko@donnu.ru

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется фитонимический код немецкой лингвокультуры. Коды культуры присущи человеку и универсальны. Но их вербализация в отдельной культуре, а также языковые приемы, с помощью которых они актуализируются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой. Овладение кодами культуры имеет особую значимость для понимания специфики культуры другого народа и его языковой картины, что в дальнейшем важно для развития лингвокультурной и коммуникативной компетенций. Фитонимы являются репрезентантами культурной картины мира, так как растения – это то живое, что окружает человека. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации кодов лингвокультур в концептосферу. Концептосфера немецкого языка изучается фрагментарно в рамках отдельных публикаций, отсутствуют системные исследования в этой области. В то время, как фитонимический код культуры является базовым и соотносится с архетипическими представлениями культуры, так как именно в нем фиксируются наивные представления того или иного этноса о мироздании. Он связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, отражает представления человека о мире растений, а растительный мир дает нам богатую систему эталонов. Фитонимический код активизирует в человеческом сознании образы растений, которые часто встречаются в таких языковых единицах, как фразеологизмы, паремии. Целью исследования является разработка методики анализа выявления и описания лингвокультурных кодов в лингвокультурологическом аспекте с привлечением этимологических данных. В качестве методов исследования используются описательный и лингвокультурологический методы анализа.

Ключевые слова: фитонимический код, код культуры, немецкий язык, лингвокультурология, фразеологизм, паремия.

Для цитирования: Шустова С.В., Бессонова Е.М., Назаренко Е.Н. Фразеологизмы с компонентом фитонимом в немецком и русском языках // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 32–42. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-32-42>

Original article

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A PHYTONYM COMPONENT IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGE

Svetlana V. Shustova^{1,2}, Elizaveta M. Bessonova³, Elena N. Nazarenko⁴

¹ Perm State University, Perm, Russia

² Perm State University of Humanities and Pedagogy Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

³ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, elizaaveeta@mail.ru

⁴ Donetsk National University Donetsk, Russia, o.nazarenko@donnu.ru

Abstract. The proposed article analyzes the phytonymic code of the German linguistic culture. Cultural codes are inherent in man and universal. But their verbalization in a particular culture, as well as the language techniques by which they are actualized, are always nationally determined and conditioned by a specific culture. Mastering the codes of culture is of particular importance for understanding the specifics of the culture of another people and its linguistic picture, which is further important for the development of linguocultural and communicative competencies. Phytonyms are representatives of the cultural picture of the world, since plants are the living thing that surrounds a person. The relevance of the study is due to the need to systematize the codes of linguistic cultures into the concept sphere. The conceptosphere of the German language is studied fragmentarily within the framework of separate publications; there are no systematic studies in this area. While the phytonymic code of culture is basic and correlates with the archetypal representations of culture, since it is in it that the naive ideas of one or another ethnic group about the universe are fixed. It is associated with living beings that inhabit the world around us, reflects human ideas about the world of plants, and the plant world gives us a rich system of standards. The phytonymic code activates the images of plants in the human mind, which are often found in such linguistic units as phraseological units, proverbs. The aim of the study is to develop a methodology for analyzing the identification and description of linguocultural codes in the linguocultural aspect with the involvement of etymological data. Descriptive and linguoculturological methods of analysis are used as research methods.

Keywords: phytonymic code, culture code, German language, linguoculturology, phraseology, proverb

For citation: Shustova S.V., Bessonova E.M., Nazarenko E.N. Phraseological units with a phytonym component in the german and russian language. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:32-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-32-42>

Введение

В сознании человека реальный мир дан в какой-то мере таким, каким он отражается в языке, и каждый язык передает реальный мир по-своему, складывает свою картину мира, определяющую особенности национального мировидения [Ковшова 2021: 11]. В настоящее время речь идет о культурно-языковых картинах мира и их единицах – ключевых слов культуры [Постовалова 2010: 268–269]. Понятие культурно значимой информации связано с выделением из всего существующего тех норм и образцов, которые выстраивают иерархию

ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху [Телия 1995]. В данном контексте особую значимость приобретает выявление, систематизация, анализ и описание кодов культуры, которые имеют антропонимический характер и могут рассматриваться как универсальные сущности. Их вербализация в отдельной культуре, а также языковые приемы, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой. В лингвистику термин «код» был впервые введен Р.О. Якобсоном для анализа поэтических текстов: «Несомненно, что для любого языкового коллектива, для любого говорящего, единство языка существует; однако этот всеобщий код (over-all code) представляет собой систему взаимосвязанных субкодов» [Якобсон 1975: 197]. В настоящее время проблематика культурных кодов активно развивается в работах В.В. Красных [Красных 2002], Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой [Гудков, Ковшова 2007] и др. Чем больше человек осваивал мир, тем больше культурных смыслов стало заключаться в знаки или в нашем случае – культурные коды. «Природа создана для человека, он же, неустанно трудясь, творил “вторую природу” – пространство культуры. По происхождению своему культура не может быть вне природы. Без природы не было бы культуры, потому что человек, живущий в природном окружении, созидает свой искусственный, рукотворный мир, используя ресурсы природы» [Гуревич 2008: 32]. Данное высказывание подчёркивает тесную взаимосвязь культуры и природы, что поддерживает исследование фитонимического кода в рамках двух культур.

Сам термин *фитоним* до сих пор не имеет общепринятого толкования. Фитоним определяется как лексема, обозначающая в прямом значении наименование всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименований как самих растений, так и их частей [Писарская, Якименко 2017: 88]. Зафиксированный в фитонимических единицах «культурный код» является отражением картины мира отдельного народа. При освоении человеком окружающей среды, в частности растительных объектов, которые являются неотъемлемой частью природы, происходит процесс вхождения этих природных элементов в состав мыслимого. Так, например, Е.М. Маркова путем этимологического анализа выявляет основные модели номинации растений определенных тематических групп: «место произрастания», «внешний вид растения», «цвет» и в результате отмечает, что через названия растений «можно восстановить концепты, существующие в сознании человека, и его взаимоотношения с окружающим миром, определить основные черты «языкового видения» человеком окружающего мира» [Маркова 2007: 59].

Фитонимический код культуры является базовым и соотносится с архетипическими представлениями культуры, в нем фиксируются наивные представления о мироздании. Он связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, отражает представления человека о мире растений, а растительный мир дает нам богатую систему эталонов. Таким образом, он активизирует в человеческом сознании образы растений, которые часто встречаются в таких языковых единицах, как фразеологизмы. «Фразеологизм, все компоненты семантики которого при его восприятии интерпретируются в культуре, в полной мере осуществляет возможность человека выразить свое отношение к происходящему в мире. Как создатель оценки, как выразитель эмоции, говорящий / слушающий, раскрывает свою культурную позицию – достойно или недостойно человека то, что происходит в мире, подобает человеку что-либо делать или не подобает» [Ковшова 2012: 118]. Все это создает

основу для дальнейшего исследования. Материалом для описания лингвокультурной специфики восприятия объектов действительности выступают фразеологизмы и паремии, актуализирующие этнокультурные стереотипы, типическое и специфическое (см., например, [Меньшакова, Валеева 2022: 30–35; Меньшакова 2020: 55–69; Мидер 2020: 4–20; Пинягин, Завгороднева 2021: 4–14; Шалгина, Зеленина 2019: 43–55]).

Основная часть

Теплый климат речных долин, межгорных котловин и низменностей, в частности, на юго-западе Германии благоприятствует выращиванию овощной культуры. Так, например, капуста является одним из самых популярных видов овощей на территории страны. Лексема *Kohl* определяется как: 1) а) *in vielen Arten vorkommende, zu den Kreuzblütlern gehörende Gemüsepflanze*; б) *Gericht aus Kohl* [DOW]; 2) *artenreiche Gemüsepflanze aus der Familie der Kreuzblütler*; 3) *Unsinn, dummes Zeug* [DWDS]. В этимологии немецкой лексемы «*Kohl*» можно проследить следующее. Изначально др. англ *cāwel*, *cāul* заимствованы из латинского *caulis*, что означало "стебель, ножка, черенок, кочан". Позднее немцы переняли у римлян название. Итал. *cavolo rapa*, из позднелат. *caulus* и латинское *rāpa*, диалектные формы *cavolo rapone*, *calarabi*, *colrabi*, *cauliravi*, использовавшиеся для обозначения различных видов и подвидов капусты, привели к заимствованию существительного *Kohlrübe f.* В XVIII в. это обозначение использовалось для разновидности капусты с мясистым, утолщенным корнем, используемым в качестве корма или овоща для потребления людьми [DWDS]. В ходе лингвокультурологического анализа фразеологизмов с лексемой *Kohl* мы выделили несколько значений, содержащихся в разных фразеологических единицах:

Вызывать скуку: den alten Kohl (wieder) aufwärmen (затянуть старую песню; начать опять все сначала) [Бинович 1975: 358]; *уже в зубах навязло, воршишь прошлое* [Шекасюк 2013: 390]. *Es ist so gut mit uns. Meinst, er ist uns wirklich noch böse. Soll er den alten Kohl wieder aufwärmen wollen?* (Film «*Sternenfänger*»); *... Ich werde doch nicht einem Mann helfen, der mich vor allen Leuten beleidigt hat! – Ach, Gretel, das ist doch jetzt mehr als fünf Jahre her. Du wirst doch jetzt mich wieder alten Kohl aufwärmen* [DI: 422]; *Er langweilt jede Gesellschaft zu Tode mit dem aufgewärmten Kohl, den er immer aufischt. Immer wieder diese alten Geschichten, die kein Mensch mehr hören kann* [DI: 422].

Происхождение данного фразеологизма связано с тем, что капуста не считается праздничным блюдом, поэтому в обыденной жизни употребляется достаточно часто. И когда несколько дней подряд подается ранее сготовленная, разогретая капуста, наступает скука и пресыщенность. В немецком языке это выражение стало общеупотребительным только с XVIII в. [RID]. Пример употребления данного фразеологизма: *Sie spielen immer die alte Leier und wärmen immer den alten Kohl wieder auf, der schon so oft da gewesen ist* [RID]; *Sie wärmte den alten Kohl so lange wieder auf, bis es ihm stank, er seine Sachen packet und auf Nimmerwiedersehen die Haustür hinter sich zuschlug* [WDI 2013: 234].

Говорить глупость: Kohl reden, verzapfen, schwätzen, erzählen (молоть вздор, нести чууху) [Бинович 1975: 358]. Первоначально в середине XVIII в. в немецком языке употреблялось выражение *Kohl machen*, что означало *мошенничать*. Постепенно данный фразеологизм приобрел актуальное значение и часто используется в разговорной речи. Чаше среди студентов и молодежи [RID]: *Ich hab es ganz alleine kaputt gemacht. Das ist wahr*».

«*Mein Lieber, rede keinen Kohl*», bat Lohman [Бинович 1975: 358]; "*Wenn ich mal nach Hause kam, ich wohnte damals schon in Heidelberg, da fragten die mich alle, was man denn, außer Landes über den Kohl redet*" [DWDS].

Wer in den Kohl speit, muss ihn essen – Не плюй в колодец, пригодится воды напиться [Бинович 1975: 358]; *Das ist doch alles Kohl!* – Это все вздор, чушь [Шекасюк 2013: 390]; *Das macht den Kohl / das Kraut nicht fett* – Этим делу не поможешь, от этого мало проку.

Meinen Sie, wenn wir alle zusammen... Das könnte ein Ausweg sein. Und ich würde vier- bis fünftausend schon finden, aber das macht den Kohl wieder nicht fette [Film «*Marienhoff*»] [Шекасюк 2013: 390].

So ein Kohl! Sal. – *So ein Blech! Das / etw. / was j. sagt / ... (macht) / ... ist (doch) (alles) Kohl. sal.* – *das / etw. / was j. sagt ... / ..., ist (doch) (alles) Käse; seinen Kohl bauen.* usg. selten – *seinen Kohl seitdem der Holm auf seinem Landgut lebt, hat er keinen einzigen wissenschaftlichen Artikel mehr geschrieben.* – *Nein, der pflanzt seinen Kohl und lässt im übrigen den lieben Gott einen guten Mann sein.*

В русском языке капуста представлена в поговорках, актуализирующих следующие образы.

Деньги: быть при капусте – иметь деньги, быть при деньгах; *варить капусту, окучивать капусту* – зарабатывать деньги; *рубить капусту / стричь капусту* – убегать, скрываться, похитить деньги; зарабатывать много денег [БСП].

Межличностные отношения: не в капусте подобрали (найти) – не хуже других в каком-либо отношении; *выходить на чёрную капусту* – вступить в брак с неимущим; *изрубить в капусту* – избить, поколотить кого-либо, жестоко расправиться с кем-либо; *на гнилую капусту и честь* – об уважении к тому, на кого раньше внимания не обращали [БСП].

Состояние: отсыхать в капусте – испытываю неудачу, пребывать в бездействии [БСП].

Следующим, рассматриваемым нами опорным компонентом, является *Kartoffel*. В Германии картофель входит в число важнейших продуктов аграрной экономики. Однако изначально крестьяне долго противились его внедрению в свои хозяйства и всячески этому противостояли, не веря, что картофелем можно насытиться. Прусский король Фридрих Вильгельм I издал указ о принудительном разведении картофеля на сельских подворьях. В словаре выделяются следующие значения лексемы: 1) *krautige Pflanze mit gefiederten Blättern und weißen, rosa oder violetten Blüten, die wegen der essbaren Knollen, die sich an unterirdischen Sprossen befinden, angebaut wird*; 2) *essbare Knolle der Kartoffel*; 3) *knollige Nase*; 4) *großes Loch, besonders im Strumpf* [DOW]. Если говорить о происхождении данного слова, то еще в XVIII в. его путали с трюфелем, который так же растет под землей, отсюда он и получил такое название (*tartuffel* и *tartüffel* от итал. *tartufolo*). В ходе анализа фразеологизмов с компонентом *Kartoffel* мы выделили следующие значения:

Противоречивые приказы: rin in die Kartoffeln, raus aus den Kartoffeln (то так, то этак): *Unser Chef weiß nicht richtig, was er will; mal heißt es bei ihm, rin in die Kartoffeln, mal raus aus der Kartoffeln; mal soll sich Frühschicht machen, mal mein Kollege* [Девкин 1996: 360]; *Verordnungen, Erlasse, rin in die Kartoffeln, raus aus den Kartoffeln: Die Linksfraktion im Landtag drängt auf eine stärkere Einbeziehung des Parlaments bei den Corona-Maßnahmen, die die Landesregierung fast im Tagestakt verkündet* [DWDS]; *Erst heißt es, wir sollen nur auf vernünftige Einkaufspreise achten; dann sagen sie, entscheidend seien nicht die Preise, sondern der*

Umsatz; jetzt kommen sie und erklären ... Das ist zum Verrücktwerden: rin in die Kartoffel, raus aus den Kartoffeln! [DI, Ngram]. Предположительно, это выражение берет свое начало в том, что во время маневров не было ясности в вопросе, должны ли солдаты заходить на картофельные поля или нет. И в результате, приказ одного военного начальника часто отменялся другим начальником. Отсюда и значение «то так, то этак; то туда, то сюда».

Вежливый отказ: Kartoffeln gehören in den Keller (шутл. не накладывай мне столько картошки) [WDI 2013: 394]; *Selbst diejenigen, die meinen, Kartoffeln gehören in den Keller statt auf den Tisch, sollen beim Kartoffelfest im nordhessischen Biedenkopf und seinen Stadtteilen schon bekehrt worden sein* [DWDS]; *Kartoffeln abgießen* (фам. мочиться): *An der Litfaßsäule stand ein Besoffener und goss die Kartoffeln ab* [WDI 2013: 394]. Данный фразеологизм имеет и другое значение – *ein kleines Geschäft machen (müssen)* [DI, Ngram].

In. fallen lassen wie eine heiße Kartoffel. usg.: «*Natürlich, solange du denen nützt, Einfluß und Erfolg hast, bist du die Partei schädigst, lassen die dich fallen wie einen heißen Kartoffel. Ohne mit der Wimper zu zucken. Da bist du von einem Tag auf den anderen erledigt* [DI, Ngram].

В русском языке картофель соотносится со следующими образами: пища: *картошка картошку догоняет* – о скудной пище бедняка; просьба: *насчет картошки дров поджарить* – о мягкой, ненавязчивой просьбе, немекe [БСП].

Обратимся к компоненту *Rübe*, который ассоциируется с едой бедных людей и несет в себе смысл чего-то не имеющего цены. Лексема *Rübe* определяется словарём таким образом: 1) *Pflanze mit einer dickfleischigen Pfahlwurzel (die als Gemüse- oder Futterpflanze angebaut wird)*; 2) [salopp, derb] *Kopf*; 3) *übermütiges Kind, so eien freche Rübe, ein freches Rübchen* [DWDS]. В этимологии наблюдается следующее. Ср.-в. нем *rüebe*, др. нем *ruoba*, родственное греческому *rháp(h)ys*, и латинскому *rapa* [DOW]. Точное происхождение данного слова неизвестно. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологизмов немецкого языка с компонентом *Rübe* позволил выделить следующие образы и значения:

Межличностные отношения: eins auf / über die Rübe kriegen/ bekommen (получить по черепу / по башке; быть отчитанным) [Бинович 1975: 537]; *jmdm eins auf die Rübe geben (jmdn. auf den Kopf schlagen)*; *jmdm. (mit dem Stock) üben die Rübe hauen: Die Rübe hätten sie abgehackt* [DWDS]; *Hau ab, sonst kriegst du eins auf die Rübe!*; *Der Chef hat gestern vom Aufsichtsrat eins auf die Rübe gekriegt* [WDI 2013].

Небрежность: wie Kraut und Rüben (разг. фам. вперемешку, как попало): *Übrigens steht, wie ich sehe, die ganze Kompanie wie Kraut und Rüben durcheinander, Alte neben Jungen und Riesen neben Zwergen* [DWDS]. Происхождение этого выражения не совсем ясно. Оно может касаться сбора урожая репы, при котором корнеплоды и отрезанная ботва лежат вперемешку. Также возможно, что оно опирается на представлении о супе, когда капуста и репа варятся вместе [WDI 2013: 442].

В русском языке *repa* ассоциируется со следующими образами: человек: *тянуть репу* – медлить о чем-л., затягивать выполнение какого-л. дела; спать, заснуть; *на свою репу* – себе во вред; *repa на голове вырастет* – о неопрятном, неряшливом человеке; *морищить репу* – хмуриться, проявлять недовольство, думать, соображать; *чесать / почесать репу* – задуматься над чем-л., обдумать что-л.; пьянство: *заливать / залить репу* – пить спиртное; межличностные отношения: *дать по репе* – избить кого-л.; *получить по репе* – подвергнуться избиению; *накатить / начистить репу* – ударить в лицо, по лицу кого-л. [БСП].

Следующим компонентом-фитонимом является *Apfel*. В словарях даются такие значения данной лексемы: 1) *rundliche, fest-fleischige, aromatisch schmeckende Frucht mit Kerngehäuse; Frucht des Apfelbaums*; 2) *Apfelbaum*; 3) *Brüste* [DOW]. В этимологии лексемы *Apfel* фиксируются следующие аспекты. Это распространенное германское слово и первоначально существовало обозначение *Holzapfel*. *Apfel* произошло от ср.-в.нем. *apfel*, др.-в.нем. *apful*, от протогерм. * *apluz*. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами *Apfel* в немецком языке позволил выделить следующие образы и значения, актуализируемые во фразеологизмах:

Смирение: in den sauren Apfel beißen (покориться неприятной необходимости; смириться с участью) [RID]. *Nach dem Tode der Eltern musste er in den sauren Apfel beißen, er stand völlig allein da* [Девкин 1996: 70]. *Ich habe mich für die Mannschaft eingesetzt und bin der, der es ausbaden muss. Es hat sich keiner vor mich gestellt, als ich für die Mannschaft in den sauren Apfel gebissen habe* [DWDS]. Этому выражению уже очень много веков. Например, его можно найти в письме Мартина Лютера, в котором он упоминает Курфюрста [RID].

Небольшая стоимость: für einen Apfel und ein Ei («за бесценок, за так») [Девкин 1996: 70]: *Aber diese armen Wichte verkaufen alles für einen Apfel und ein Ei, nur um sich ihre armseligen Löhne aufzubesser* [DWDS]; *Hörspiele kann man nun mal nicht für einen Apfel und ein Ei herstellen* [DWDS]. Фразеологизм берет свое начало еще в XVII в. Тогда в сельском обществе яблоки и яйца считались дешевыми и доступными продуктами, отсюда и пошло данное выражение, обозначающее малую стоимость чего-либо [DWDS].

Вперемешку: Äpfel und Birnen zusammenzählen (смешать все в кучу) [Девкин 1996: 70]: *In deinem Aufsatz hast du Äpfel mit Birnen zusammengezählt, du musst das Ganze in ein System bringen*.

Лень: Äpfel braten (играть в бирюльки, ерундой маяться, бить баклуши): *Er brät Äpfel den ganzen Tag* [Бинович 1975: 44].

В русском языке яблоко фиксирует следующие образы: межличностные отношения: *съесть яблоко* – согрешить, стать физически близкими; *делить яблоки* – ссориться; *яблоки падают (сыплются)* – о крутом скандале; *брать / взять / хватать / схватить за яблочко* – ставя кого-либо в трудные условия, заставляя что-л. сделать; *взыскивать с кого-л. со всей строгостью, привлекать к ответственности*; человек: *вкусить яблоко добра и зла* – познать плохое и хорошее; *смесить в горькое яблоко* – разрушить что-л., разбомбить что-л.; *яблоко с червоточенкой* – о человеке, небезупречном в нравственном отношении (чаще о девушке); *яблоку негде упасть / кислому яблоку не прокатиться* – о большом скоплении народа, теснота [БСП].

Рассмотрим фитоним *Pflaume*. Он имеет следующие обозначения: 1) *eiförmige, dunkelblaue oder gelbe Frucht des Pflaumenbaums mit gelblich grünem, aromatischem Fruchtfleisch und länglichem Stein*; 2) *Kurzform für Pflaumenbaum*; 3) *unfähiger, schwacher [manipulierbarer] Mensch* [DOW]. В этимологии лексемы *Pflaume* прослеживается следующее: ср.-в.нем. *pflūme, pfrūme*, др.-в. нем *pfrūma*, лат. *prunum*, греч. *proïmnon* [DOW]. В лат. **prūta* приходит с греко-римской культурой фруктов через германские племена вдоль Дуная к бургундам [DWDS]. Обратимся к образам и значениям, содержащимся в немецких фразеологизмах с компонентом *Pflaume*.

Недоброежелательность: j-m eine Pflaume an den Kopf werfen (бросить камень в чей-то огород) [Солодуб 1981: 34].

Неудача: Die ersten Pflaumen sind immer madig (первый блин комом) [Бинович 1975: 497]; *Du scheinst ja heute ein gutes Blatt zu haben. – Warten wir's ab, die ersten Pflaumen sind madig* [WDI 2013: 568].

В русском языке *слива* символизирует человека: *слива зеленая* – слишком молодая девушка; *продает сливы* – о человеке с синяком под глазом; сон: *давить сливу* – спать; наказание: *делать / сделать сливу* – зажимать пальцами нос и крутить его (вид неуставного наказания в армии); пьянство: *квасить сливу* – пьянствовать; *залить сливу* – напиться пьяным [БСП].

Следующий компонент *Birne* определяется словарями так: 1) *Frucht des Birnbaums*; 2) *meist eirunde, sich zum Stiel hin verjüngende grüngelbe oder bräunliche Frucht des Birnbaums mit saftigem Fruchtfleisch und Kerngehäuse*; 3) *Glühbirne* [DOW]. Германские народы познакомились с культурными сортами через римлян и заимствовали название от лат. *pira* "груша", мн. ч лат. *pirum* [DWDS]; ср.-в. нем. *bir[e]*, др.-в. нем *bira* [DOW]. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами *Birne* в немецком языке позволил нам выделить следующие образы и значения, актуализируемые во фразеологизмах:

Глупость, тупость: eine weiche Birne haben (в голове солома, глупый как пробка) [Солодуб 1981: 20]; *Wie eine weiche Birne habe sich der Ball angefühlt und gehüpft sei er wie ein Frosch, behaupteten die bundesdeutschen Fußballer nach dem Länderspiel in Rio de Janeiro* [DWDS]. Этот фразеологизм служит для характеристики глупого, тупого человека. Однако имеет фамильярный, грубый оттенок. Голова глупца уподобляется мягкой груше, как в русском языке часто говорят о глупом человеке, что в его голове солома. А в немецком фразеологизме мягкая груша, скорее всего, обозначает собой некую бесполезность, как гнилой фрукт.

Ударить по голове: jmdm. eins auf die Birne geben (дать кому-либо по башке): *Sein Vater hat ihm wegen seiner Bummerei so eins auf die Birne gegeben, dass er Nasenbluten gekriegt hat* [Девкин 1996: 123].

С придурью: einen an der Birne haben (голова набекрень): *Einige Betreuer sind echt okay, andere hingegen haben selbst einen an der Birne oder sind permanent schlecht gelaunt und gucken immer, dass alle Regeln eingehalten werde* [RID]; *Noch vor nicht allzu langer Zeit, gibt er zu, habe auch er gedacht, " dass Footballer alle einen an der Birne haben"* [DWDS].

В русском языке *груша* ассоциируется со следующим образами: недостижимость, абсурд, безразличие: *до груши* – абсолютно все равно, безразлично; *груши на вербе* – о чем-л. невероятном, неправдоподобном, абсурдном; *висит груша* – *нельзя скушать* – о чем-л. недоступном; человек: *поехал с грушами на базар* – о человеке, который упустил нужный момент, с опозданием начал делать что-л.; *вытрусить грушу* – наказать кого-л.; межличностные отношения: *грушу натрясти* – наказать побоями кого-л. [БСП].

Заключение

Овладение кодами культуры имеет особую значимость для понимания специфики культуры другого народа и его языковой картины, что в дальнейшем важно для развития лингвокультурной компетенции. Фитонимы являются прямыми отражателями культурной

картины мира. Человек находится в тесном взаимодействии с природой. По этой же причине культурные особенности накладываются на значения, актуализируемые в устойчивых выражениях с фитонимическими компонентами. Кроме того, наиболее полно значение единиц кода отображается во фразеологизмах. Однако лексемы-фитонимы двух языков могут не совпадать в своих мифологических значениях как единицы кода культуры, что обуславливает необходимость их сравнительно сопоставительного анализа с целью выявления сходств и различий. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов может привести к обнаружению мотивированных и немотивированных связей и как следствие способствовать пониманию национальной культуры и языка.

Список литературы

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришин; под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
3. Гуревич П.С. Культурология: учебник для вузов. М.: ПРОЕКТ, 2008. 333 с.
4. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Св. 12000 слов и 40000 словосочетаний. 2-е изд., стер. М.: Русский язык: РУССО, 1996. 768 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Изд. стер. М.: ЛЕНАНД, 2021. 400 с.
7. Маркова Е.М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. М.: Изд-во «Московский государственный областной университет», 2007. 254 с.
8. Меньшакова Н.Н. Репрезентация образа народов Испании в испанских паремиях // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 55-69.
9. Меньшакова Н.Н., Валеева А.Р. Апеллятивная функция паремий: совет и предупреждение // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 30–35.
10. Мидер В. «No body is respect»: соматические пословицы в современном американском английском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 4–14.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с. – БСП
12. Пинягин Ю.Н., Завгороднева М.П. Фразеологические единицы с опорным компонентом *Ваша* // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 4–14.
13. Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. Сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 366 с.
14. Постовалова В.И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвященной проф. В.Н. Телия. 1–3 ноября 2010. В 2-х т. Т. 2 / Научн. ред. М.Л. Ковшова, Г.В. Токарев. М., Тула: Изд-во «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», 2010. С. 266–280.
15. Солодуб Ю.П. Путешествие в мир фразеологии. М.: Просвещение, 1981. 64 с.
16. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М., Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102–104.

17. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. 468 с.
18. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 18.11.2022). – DWDS
19. Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 18.11.2022). – DOW
20. Duden, Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik: [mehr als 10000 feste Wendungen, Redensarten und Sprichwörter] / [Redaktionelle Bearbeitung: Werner Scholze-Stubenrecht (Projektleitung), Angelika Haller-Wolf]. 4., neu bearbeitete und aktualisierte Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S. – WDI
21. Lexikon fürs Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 18.11.2022). – RID

References

1. Binovich L. Je. Nemecko-russkij frazeologičeskij slovar' [German-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1975, 656 p. (In Russ.).
2. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 288 p. (In Russ.).
3. Gurevich P.S. Kul'turologija [Culturology]. Moscow, PROEKT Publ., 2008, 333 p. (In Russ.).
4. Devkin V.D. Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki: Sv. 12000 slov i 40000 slovosocetanj [German-Russian Dictionary of Colloquial Vocabulary: St. 12,000 words and 40,000 phrases]. Moscow, Russkij jazyk: RUSSO Publ., 1996, 768 p. (In Russ.).
5. Kovshova M.L. Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguocultural Method in Phraseology: Culture Codes]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2012. 456 p. (In Russ.).
6. Kovshova M.L. Lingvokul'turologičeskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimičeskij kod kul'tury [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture]. Moscow, LENAND Publ., 2021, 400 p. (In Russ.).
7. Markova E.M. Tipologija semantičeskich transformacij praslavjanskoj leksiki i ee otrazhenie v russkom jazyke [Typology of semantic transformations of Proto-Slavic vocabulary and its reflection in the Russian language]. Moscow, MGOU Publ., 2007, 254 p. (In Russ.).
8. Men'shakova N.N. Reprerentacija obraza narodov Ispanii v ispanskiĥ paremijah [Representation of the Image of the Peoples of Spain in Spanish Paroemias]. *Migracionnaja lingvistika*, Publ. 2020, no. 2, pp. 55-69. (In Russ.).
9. Men'shakova N.N., Valeeva A.R. Apelljativnaja funkcija paremij: sovet i preduprezhdenie [The appellative function of proverbs: advice and warning]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2022, no. 3, pp. 30-35. (In Russ.).
10. Mider V. «No body is respect»: somatičeskie poslovicey v sovremennom amerikanskom anglijskom jazyke ["No body is respect": somatic proverbs in modern American English]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 4-14. (In Russ.).
11. Mокienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkich pogovorok [Big dictionary of Russian sayings]. Moscow, ZAO «OLMA Media Grupp» Publ., 2007, 784 p. (In Russ.).
12. Pinjagin Ju.N., Zavgorodneva M.P. Frazeologičeskie edinicy s opornym komponentom Baum [Phraseological units with the basic component Baum]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 4-14. (In Russ.).
13. Pisarskaja T.R., Jakimenko N.E. Sbornik nauchnyĥ statej XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [Collection of scientific articles of the XXVII International Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGJeU Publ., 2017, 366 p. (In Russ.).

14. Postovalova V.I. Jazyk i duhovnyj mir cheloveka. Religioznye koncepty v «antropologicheskom» predstavlenii [Language and the spiritual world of man. Religious concepts in the "anthropological" representation]. *Zhivodejstvujushhaja svjaz' jazyka i kul'tury*, vol. 2, Moscow, Tula, Tul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskiy universitet im. L.N. Tolstogo Publ., 2010, pp. 266-280. (In Russ.).

15. Solodub Ju.P. Puteshestvie v mir frazeologii [Journey into the world of phraseology]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1981, 64 p. (In Russ.).

16. Telija V.N. O metodologicheskikh osnovanijah lingvokul'turologii [On the methodological foundations of linguoculturology]. *Logika, metodologija, filosofija nauki. Tezisy dokladov*, Moscow, Obninsk, IF RAN Publ., 1995, pp. 102-104. (In Russ.).

17. Jakobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moscow, Progress Publ., 1975, 468 p. (In Russ.).

18. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 18.11.2022). – DWDS

19. Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 18.11.2022). – DOW

20. Duden, Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik: [mehr als 10000 feste Wendungen, Redensarten und Sprichwörter] / [Redaktionelle Bearbeitung: Werner Scholze-Stubenrecht (Projektleitung), Angelika Haller-Wolf]. 4., neu bearbeitete und aktualisierte Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S. – WDI

21. Lexikon fürs Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 18.11.2022). – RID

Информация об авторах

С.В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Е.М. Бессонова – бакалавр,

Новосибирский государственный педагогический университет;

Е.Н. Назаренко – старший преподаватель, кафедра германской филологии, Донецкий национальный университет.

Information about the authors

S.V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,

Professor of the Department of Linguistics and Translation, Perm State University,

Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages

Perm State Humanitarian Pedagogical University;

E.M. Bessonova – Bachelor, Novosibirsk State Pedagogical University;

E.N. Nazarenko – Senior Lecturer, Department of Germanic Philology,

Donetsk National University.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 43–50.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 43-50.

Научная статья

УДК 811.111

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-43-50

НЕОЛОГИЗМЫ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Екатерина Николаевна Куварина¹, Полина Геннадьевна Кирьянова²

^{1,2} Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
Ульяновск, Россия

¹ en.kuvarina@gmail.com

² kiryanovap@gmail.com

Аннотация. В статье исследована проблема образования неологизмов в туристской сфере на английском языке. Путешествия не только помогают людям приобрести знания, познакомиться с местной культурой и погрузиться в тонкие особенности каждого элемента быта разных народов, но и способствуют словообразованию и наделению иным смыслом уже существующих понятий. Сфера индустрии отдыха и путешествий тесно связана с зарубежными странами, что является причиной появления в лексике новых иностранных слов, обогащающих и влияющих на развитие языка. Анализ источников, связанных с туризмом, современных словарей, информации в открытом доступе в сети Интернет позволил составить список неонимов, которые отразили появление современных видов и отраслей данной сферы. Актуальность темы обусловлена тем, что в последнее время из-за быстрого восстановления и специфического развития сферы туризма, изучению его терминологии уделяется большое внимание. Кроме того, представленная информация особенно полезна студентам, углубленно изучающим английский язык или специализирующимся в туристической сфере. Также возможно практическое применение полученной информации на занятиях по лексикологии. Использование неологизмов в речи помогает студентам понять особенности терминообразования в области отдыха и путешествий, современные социокультурные процессы, влияющие на данную отрасль. В статье описываются неологизмы, раскрывающие сущность видов туризма, дается анализ их способа образования, перевод и примеры употребления. В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, описательный метод, метод структурно-семантического анализа, метод сравнительного анализа. Авторы приходят к выводу, что процент недавно появившихся лексем, отражающих видовое разнообразие туристской индустрии в современном английском языке, достаточно высок – 22,5 %. 92,6 % неологизмов, отобранных в исследовании, образованы с помощью словосочетаний. Их сравнительный анализ позволил выявить преобладание сложных форм, в образовании которых использовано несколько способов словообразования.

Ключевые слова: неологизмы, неонимы, английский язык, язык для туристических целей, виды туризма, туризм.

Для цитирования: Куварина Е.Н., Кирьянова П.Г. Неологизмы туристской индустрии в английском языке // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 43–50. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-43-50>

Original article

NEOLOGISMS OF THE TOURISM INDUSTRY IN ENGLISH

Ekaterina N. Kuvarina¹, Polina G. Kiryanova²^{1,2} Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia¹ en.kuvarina@gmail.com² kiryanovap@gmail.com

Abstract. The article analyses the problem of the formation of neologisms in the tourism industry in English. Tourism helps people gain new knowledge, get to know the local culture and immerse themselves in the subtle features of each element of the life of different peoples. In addition, it contributes to the formation of new words and gives new meaning to existing ones. Traveling is closely connected with foreign countries, which is the reason for the formation of new foreign words in the vocabulary, enriching, and developing the language. Analysis of sources related to tourism, modern dictionaries, and information on the Internet made it possible to compile a list of neonyms that reflected the emergence of new types and branches of tourism in the modern world. The topic is relevant due to the rapid recovery and specific development of the tourism industry; moreover, much attention has been paid to the study of its terminology. In addition, this information is especially useful for students studying advanced English or specialising in the tourism industry. This information can also be used in lexicology lessons. The usage of neologisms helps students understand the features of term formation in the field of tourism and the modern socio-cultural processes that affect this industry. The article describes neologisms that reveal the essence of types of tourism and analyses their method of formation, translation, and examples of use. The methods of continuous sampling, descriptive analysis, structural-semantic analysis, and comparative analysis were used. The authors conclude that the percentage of neologisms that reflect the types of tourism in modern English is quite high – 22.5%. 92.6% of the neologisms selected in the study were formed with the help of phrases. A comparative analysis of neologisms made it possible to reveal the predominance of complex neologisms, in the formation of which several methods of word formation are used.

Keywords: neologisms, neonyms, English language, language for tourism purposes, types of tourism, tourism

For citation: Kuvarina E.N., Kiryanova P.G. Neologisms of the tourism industry in English. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:43-50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-43-50>

Введение

За все время существования человечества, люди стремятся постичь неизведанное, узнать новое и углубить свои знания в разных аспектах жизни. Одним из способов развития являются путешествия. Благодаря тяге к неизвестному великие путешественники изучили многие уголки нашей необъятной планеты. В современном мире первооткрыватели сменились на туристов, которые познают что-то ранее неизвестное, изучая историю, литературу, архитектуру и прочие источники знания, во время нахождения в разных странах.

Путешествия являются областью человеческой деятельности, а также важным экономическим и социальным явлением общества. Туризм развивается и продолжает формировать различные отрасли вокруг себя. Вследствие этого возникает потребность в образовании новых слов и смыслов – появляются неологизмы или неонимы [Orel Frank 2021].

На сегодняшний день, английский язык является международным языком. Он считается официальным во многих странах, именно он чаще всего используется в международных поездках [Waisnawa 2020]. В связи с этим, множество современных терминов, имеющих отношение к туристической деятельности, возникают именно в английском языке. Эксперты в туристической сфере заявляют, что ожидают восстановления международного туризма до уровня 2019 года в 2024 году или позже [DeMicco et al. 2021; Grows T. 2022].

Также отмечается, что высокая инфляция и цены на топливо могут негативно повлиять на международные поездки в ближайшем будущем [Muritala 2022]. Исследования неологизмов во время и после эпидемии коронавируса показали стремление людей путешествовать внутри страны, придумывая необычные разновидности туристской индустрии [Orel Frank 2021].

В последнее время из-за быстрого восстановления и специфического развития рассматриваемой сферы, изучению его терминологии уделяется большое внимание. Так, авторы обращают внимание на специфику развития туристической терминологии в эпоху цифровой трансформации общества [Mihaylova-Palanska 2020], особенности ковиднеологизмов [Orel Frank 2021], особенности перевода неологизмов [Musina, Satarova 2022].

Объектом настоящего исследования являются новые слова, появившиеся в английском языке с 2020 по 2022 гг., раскрывающие туристское разнообразие. Список таких лексем был составлен из открытых источников в Интернете (статьи, словари, блоги и т.д.) и академических статей, посвященных этой теме [Orel Frank 2021]. Анализ реалий индустрии отдыха в современном мире показал, что в настоящее время постоянно появляются новые разновидности туризма: умный туризм, творческий туризм [Sharma 2022; Cabeça 2022]. Основой классификации могут служить разные цели путешествия: получение необходимых знаний, научное исследование, личный интерес к теме путешествия и другие. Исходя из этого появляются и новые понятия, которые отражают сущность новых видов туризма, характеризующиеся особенностями словообразования.

В связи с этим, предмет исследования – структура и семантика неологизмов, отражающих новые, современные типы туризма в мире. Цель работы заключается в проведении анализа неологизмов, отражающих виды туризма в современном мире. Актуальность исследования обусловлена важностью уместности использования неонимов в речи, практическим применением полученной информации на занятиях по лексикологии или важностью для специалистов туристического бизнеса.

Основная часть

На основании открытых источников в Интерне, блогов, статей и новостных лент нами было отобрано 120 видов туризма, существующих на настоящий момент в англоговорящих странах. Затем этот список проанализировали с помощью корпуса NOW – как одного из самых современных и полных языковых корпусов английского языка, находящегося в свободном доступе [The NOW corpus (News on the Web)]. Данный корпус был выбран для анализа частотности употребления исследуемых слов, так как он строится на анализе новостей сети Интернет, где гораздо чаще можно встретить неологизмы. Было выявлено 73

вида туризма с частотой употребления 30 % и выше за последние три года от общего количества упоминаний их в корпусе с целью отсеечения окказионализмов. На наш взгляд, слова, которые сильно снизили частотность употребления или отсутствовали в употреблении в последние три года не являются неологизмами, а перешли именно в разряд окказионализмов, так не существует необходимости в их широком употреблении. Временные рамки в 3 года были взяты нами для анализа частотности эмпирическим путем.

В современной неологии не существует четких временных границ по поводу сроков существования и признания слова неологизмом, но нам кажется, что с современным информационным потоком, возрастанием темпа развития науки, термины, появившиеся и вошедшие в обиход с высокой частотностью более трех лет назад, не являются неологизмами, с большей долей вероятности они уже вошли в словарный запас.

Далее проведена проверка отобранных понятий на наличие их в толковых словарях: Кембриджский, Оксфордский, Макмиллан, Колинз с целью отсеечения тех групп слов, которые уже вошли в словари и перестали носить статус неологизма. После этого было исключено 46 лексем, в связи с тем, что они уже вошли в словарный запас несмотря на недавнее появление и достаточно высокий процент употребления за последние 3 года. Таким образом, с помощью двухступенчатого отбора мы смогли выявить список из 27 неологизмов, отражающих типы туризма на современном этапе. На следующем этапе была проведен структурно-семантический анализ.

Результаты количественного анализа новых слов, используемых на настоящем этапе, показали достаточно высокий процент их оборота в речи. Так, среди 120 видов, 27 – являются неологизмами (22,5 %). Столь высокий процент можно связать с оживлением и бумом развития отрасли после пандемии, поиском новых решений в данной сфере. Выбранные 27 неонимов были разделены по способу образования: морфологический, семантический, заимствования.

Неологизмы, характеризующие виды туризма, обычно состоят из двух или более слов, то возникла необходимость введения группы «сложных неологизмов», отражающей несколько способов словообразования рассматриваемого словосочетания.

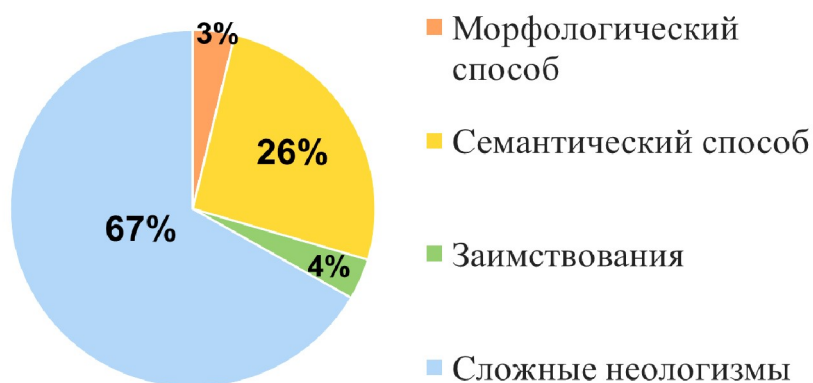

Рисунок 1. Способы словообразования неологизмов, описывающих виды туризма

Первая группа неологизмов относится к морфологическому типу образования, который представлен только одним способом: сокращение-слияние: *edu-vacation*. Ко второй группе относятся семантические новообразованные словосочетания: *jungle tourism, danger tourism, disaster tourism, fashion tourism, social tourism, solo tourism, thermal tourism*. Третья группа – заимствования – представлена одним словом: *vacilando*.

Самая многочисленная группа – сложные неологизмы, в процессе появления которых использовано несколько способов словообразования: *3d virtual tourism, allocentric tourism, apitourism, atomic tourism, bleisure travel, boat sharing, dental tourism, educational tourism, gratification travel, indigenous tourism, international volunteering, metaverse travel, outbound tourism, regenerative tourism, reunion travel, self-guided tour, tombstone tourist, transformative travel*.

Примеры перевода и использования неонимов в речи носителей языка, взятых из корпуса NOW или открытых сайтов Интернет:

Allocentric tourism – путешествие, направленное на исследование неизведанных и уникальных областей, предполагающее отсутствие массового скопления людей, с избытком нестандартных ситуаций и приключений: *An allocentric traveler is confident, curious, and often prefers traveling alone.*

Apitourism – поездка, сосредоточенная вокруг пчёл и деятельности, связанной с пчелами. Новое слово образовано путем сложения из латинского *apis* “пчела” и *tourism* “туризм”: *Apitourism distributed throughout Slovenia and has 12,500 apiaries across the country*

Dental tourism – стоматологический туризм – отдых за границей, совмещенный со стоматологическим лечением: *Dental clinics involved in dental tourism can often be more caring and attentive towards foreign customers.*

Disaster tourism – путешествие в места, где происходили стихийные бедствия – природная или техногенная экологическая катастрофа. Чаще всего – извержение вулкана: *Some people are in search of authenticity and this is their primary motivation for becoming a disaster tourist.*

Educational tourism – поездки за рубеж с целью обучения: *When educational tourism began, it was mainly popular among the aristocratic British youth.*

International volunteering – международный волонтерский туризм, который используется с целью помощи в вопросах здравоохранения, защиты окружающей среды, образования и экономики менее развитым странам: *International volunteering has a long association with international development, with the aim of bringing benefits to host communities.*

Gratification travel – продолжительный отпуск в дальние страны: *I'm going gratification travel to Indonesia for 16 days.*

Jungle tourism – поездка или пеший вид путешествия, маршрут которого проходит по джунглям – один из подвидов приключенческого туризма. В отличие от экотуризма имеет привязку к конкретному региону, его специфике и особенностям передвижения в тропических лесах: *Jungle tourism is a kind of adventure tourism pertains specifically to the cultural context of region.*

Metaverse travel – путешествие по метавселенной: *The metavers travel agency are working on new tools nowadays.*

Tombstone tourism – поездка с посещением кладбищ, могил известных людей: *Tombstone tourism is a new type of tourism for people who especially interested in the historical relevance or aspects of cemeteries.*

Transformative travel – отпуск, в котором происходит работа над собой, отдыхают разум и душа, происходит извлечение урока из полученного опыта: *Transformative travel focuses on self-discovery aspects and the self-reflection of travel.*

Vacilando – путешествие, в котором процесс и опыт важнее, чем достижение пункта назначения. Слово пришло из испанского языка: *The trip to Japan was vacilando because I gained a lot of experience.*

Среди собранных английских неологизмов с точки зрения словообразования преобладают формы, образованные словосочетанием: «прилагательное + туризм». Из 27 новых слов 25 используются в виде словосочетания. Например, *metaverse tourism, revenge tourism, smart tourism* и др. При дальнейшем анализе выявлено, что среди таких словосочетаний преобладают образованные морфологическим способом – аффиксацией. Анализ данных неологизмов позволяет сделать вывод, что чаще всего преобладают сложные неологизмы, среди которых большая часть лексем образована с помощью аффиксации с дальнейшим формированием словосочетания.

Вышеупомянутая особенность связана с тем, что рассматриваемые нами неологизмы отражают новые виды и подвиды туризма, несут в себе некие характеристики, образованы по модели: Adj + Noun. Что касается причин появления неологизмов, то можно отметить, что среди рассмотренных неологизмов преобладают интралингвистические над экстралингвистическими.

Заключение

Среди 120 видов туризма, существующих на настоящий момент, 27 являются неологизмами, что составляет 22,5 %. Столь высокий процент можно связать с оживлением и бумом развития отрасли после пандемии, поиском свежих решений в данной сфере. 92,6 % неонимов в рамках изучения разновидностей туристской индустрии образованы с помощью словосочетаний. Среди словосочетаний преобладают сложные неологизмы, среди которых большая часть лексем образована с помощью аффиксации. Выявленная особенность связана с тем, что рассматриваемые понятия отражают современные виды туризма, несут в себе некие характеристики, образованы по схеме: Adj + Noun.

Туризм не только помогает людям обрести знания, познакомиться с местной культурой и погрузиться в тонкие особенности каждого элемента быта разных народов, но и способствует появлению необычных терминов и наделению иным смыслом уже существующих. Появление новых слов, как языковое явление, встречается во всех языках, оно необходимо для обогащения речи, для отражения технологических новшеств и ситуации в целом. Так, в 2020–2022 гг. именно влияние общемировой ситуации и тенденций, сказались на образовании неологизмов, касающихся видов туризма.

Список литературы

1. Orel F.T Neonym analysis in the English language for tourism purposes // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350434291_NEONYM_ANALYSIS_IN_THE_ENGLISH_LANGUAGE_FOR_TOURISM_PURPOSES (дата обращения: 23.06.2022).

2. Waisnawa I Gede Kadek Restu. Investigating Reason Why English is Considered as an International Language. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346312484_Investigating_Reason_Why_English_is_Considered_a_s_an_International_Language (дата обращения: 23.06.2022).
3. DeMicco F. et al. COVID-19 Impact on the Future of Hospitality and Travel // *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2021. Т. 45. №. 5. С. 911–914.
4. Grows T. 4% in 2021 but Remains Far Below Pre-Pandemic Levels // *World Tourism Organization*. 2022. URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-grows-4-in-2021-but-remains-far-below-pre-pandemic-levels> (дата обращения: 12.05.2022).
5. Muritala B.A., Hernández-Lara A.-B., Sánchez-Rebull M.-V. COVID-19 staycations and the implications for leisure travel // *Heliyon*. 2022. Volume 8. Issue 10. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10867>.
6. Mihaylova-Palanska M. Tourism Terminology in the Digital Age. Economic Science, education and the real economy: Development and interactions in the digital age. 2020. Issue 1. P. 654–665, URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:vrn:cfidide:y:2020:i:1:p:654-665> (дата обращения: 12.05.2022).
7. Orel F.T. (2021). Tourism-related Coronaneologisms. *LSP International Journal*, 8(1), 57–65. <https://doi.org/10.11113/lspi.v8.17129>.
8. Musina G., Satarova, L. Terminology of international tourism and ways of its translation from English into Russian. *International Research Journal*, 8(122). 2022. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.48>. (дата обращения: 12.05.2022).
9. Sharma S. Smart Tourism – A Solution for Tourism Challenges in Himachal. 2022/10.31235/osf.io/suaz2. (дата обращения: 12.05.2022).
10. Cabeça S.I. Post-Pandemic Tourism: Opportunities for Creative Tourism. *International Journal of Social Sciences*. 2022. 8. 86-106.10.20319/rijss.2022.83.86106. (дата обращения: 12.05.2022).
11. The NOW corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/>
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
13. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>
14. Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
15. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
16. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>

References

1. Orel F.T. Neonym analysis in the English language for tourism purposes // *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350434291_NEONYM_ANALYSIS_IN_THE_ENGLISH_LANGUAGE_FOR_TOURISM_PURPOSES (дата обращения: 23.06.2022).
2. Waisnawa I Gede Kadek Restu. Investigating Reason Why English is Considered as an International Language. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346312484_Investigating_Reason_Why_English_is_Considered_a_s_an_International_Language (дата обращения: 23.06.2022).
3. DeMicco F. et al. COVID-19 Impact on the Future of Hospitality and Travel // *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2021. Т. 45. №. 5. С. 911–914.
4. Grows T. 4% in 2021 but Remains Far Below Pre-Pandemic Levels // *World Tourism Organization*. 2022. URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-grows-4-in-2021-but-remains-far-below-pre-pandemic-levels> (дата обращения: 12.05.2022).

5. Muritala B.A., Hernández-Lara A.-B., Sánchez-Rebull M.-V. COVID-19 staycations and the implications for leisure travel // *Heliyon*. 2022. Volume 8. Issue 10. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10867>.
6. Mihaylova-Palanska M. Tourism Terminology in the Digital Age. *Economic Science, education and the real economy: Development and interactions in the digital age*. 2020. Issue 1. P. 654–665, URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:vrn:cfdice:y:2020:i:1:p:654-665> (дата обращения: 12.05.2022).
7. Orel F.T. (2021). Tourism-related Coronaneologisms. *LSP International Journal*, 8(1), 57–65. <https://doi.org/10.11113/lspi.v8.17129>.
8. Musina G., Satarova, L. Terminology of international tourism and ways of its translation from English into Russian. *International Research Journal*, 8(122). 2022. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.48>. (дата обращения: 12.05.2022).
9. Sharma S. Smart Tourism – A Solution for Tourism Challenges in Himachal. 2022/10.31235/osf.io/suaz2. (дата обращения: 12.05.2022).
10. Cabeça S.I. Post-Pandemic Tourism: Opportunities for Creative Tourism. *International Journal of Social Sciences*. 2022. 8. 86-106.10.20319/pijss.2022.83.86106. (дата обращения: 12.05.2022).
11. The NOW corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/>
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
13. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>
14. Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
15. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
16. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>

Информация об авторах

Е.Н. Куварина – старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова;

П.Г. Кирьянова – студент,
Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова.

Information about the authors

E.N. Kuvarina – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov;

P.G. Kiryanova – Student,
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 15.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 51–58.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 51-58.

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-51-58

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТАКСИСНАЯ НАГРУЗКА ИТЕРАТИВНЫХ И МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Наш исследовательский интерес представляет рассмотрение функционально-таксисной нагрузки немецких девербатов итеративной и мультипликативной семантики. Актуальность исследования обусловлена неразработанностью вопроса таксисной актуализации посредством итеративных и мультипликативных отглагольных имен существительных. Целью настоящего исследования является описание таксисного функционала немецких итеративных и мультипликативных девербатов имен существительных, употребляемых в составе предложных сочетаний. В данной работе рассматриваются девербаты генетической кратности, унаследованной ими от производящих глаголов, и отглагольные имена словообразовательной кратности, приобретаемой ими в процессе деривации. Немецкие девербаты с семантикой словообразовательной и генетической итеративности и мультипликативности реализуют свой функционально-таксисный потенциал при употреблении с предлогами различной обстоятельственной семантики (темпоральной, инструментальной, медиальной, финальной, каузальной и др.). При сочетании с предлогами темпоральной семантики они выполняют функцию актуализаторов категориальных значений итеративно-примарного и мультипликативно-примарного таксиса одновременности и разновременности. Употребляясь с предлогами другой обстоятельственной семантики (инструментальной, каузальной и др.) они участвуют в актуализации категориальных значений секундарного таксиса одновременности. Итеративные девербаты реализуют при этом свой итеративно-таксисный потенциал, выступая в качестве актуализаторов примарно-таксисных, инструментально-таксисных, медиально-таксисных, модально-таксисных, финально-таксисных, каузально-таксисных и др. значений. Генетически-мультипликативные девербаты актуализируют различные варианты мультипликативного таксиса одновременности – инструментального, медиального, модального, финального, каузального и др. При наличии дополнительных итеративных индикаторов, в частности, атрибутов и адвербиалов итеративной семантики, актуализируемое таксисное значение «интенсифицируется». В контекстуальном окружении с фазовыми глаголами итеративные девербаты выполняют функцию синкретичных итеративно-фазово-таксисных категориальных значений.

Ключевые слова: таксис, примарный таксис, секундарный таксис, итеративный таксис, мультипликативный таксис, девербаты, итеративные девербаты, мультипликативные девербаты, функционально-таксисная нагрузка, функционально-таксисный потенциал

Для цитирования: Архипова И.В. Функционально-таксисная нагрузка итеративных и мультипликативных девербативов (на материале немецкого языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 51–58. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-51-58>

Original article

FUNCTIONAL-TAXIS CAPACITY OF ITERATIVE AND MULTIPLICATIVE DEVERBATIVES (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. Our research interest is the consideration of the functional-taxis load of German deverbatives of iterative and multiplicative semantics. The relevance of the study is due to the lack of development of the issue of taxis actualization through iterative and multiplicative verbal nouns. The aim of this study is to describe the taxis functionality of German iterative and multiplicative deverbative nouns used in prepositional combinations. This paper considers deverbatives of genetic multiplicity inherited from generating verbs, and verbal names of derivational multiplicity acquired by them in the process of derivation. German deverbatives with the semantics of derivational and genetic iterativeness and multiplicativeness realize their functional-taxis potential when used with prepositions of various adverbial semantics (temporal, instrumental, medial, final, causal, etc.). When combined with prepositions of temporal semantics, they function as actualizers of categorical meanings of iterative-primary and multiplicative-primary taxis of simultaneity and non-simultaneity. Used with prepositions of other circumstantial semantics (instrumental, causal, etc.), they participate in the actualization of the categorical meanings of the secondary taxis of simultaneity. At the same time, iterative deverbatives realize their iterative-taxis potential, acting as actualizers of primary-taxis, instrumental-taxis, medial-taxis, modal-taxis, final-taxis, causal-taxis and other meanings. Genetic-multiplicative deverbatives actualize various variants of the multiplicative taxis of simultaneity – instrumental, medial, modal, final, causal, etc. In the presence of additional iterative indicators, in particular, attributes and adverbials of iterative semantics, the actualized taxis meaning «intensifies». In the contextual environment with phase verbs, iterative deverbatives perform the function of syncretic iterative-phase-taxis categorial meanings.

Keywords: taxis, primary taxis, secondary taxis, iterative taxis, multiplicative taxis, deverbatives, iterative deverbatives, multiplicative deverbatives, functional taxis load, functional taxis potential

For citation: Arkhipova I.V. Functional-taxis capacity of iterative and multiplicative deverbatives (based on the German language). Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:51-58. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-51-58>

Введение

В фокусе исследовательского внимания находятся немецкие итеративные девербативы и их функциональная нагрузка, реализуемая ими при актуализации таксисных категориальных значений в высказываниях с темпоральными и другими обстоятельными предложениями.

Материалом настоящего исследования явились высказывания немецкого языка, полученные методом направленной выборки из электронных баз данных Немецкого словаря (DWDS) и Лейпцигского национального корпуса (LC).

Основная часть

Проблемы описания итеративных значений и анализа их актуализации в различных языках привлекали внимание ряда отечественных языковедов [Архипова 2020, 2020а; Баклагова 2012; Бондаркао 1996; Гайломазова 2012; Долинина 1996; Кибардина 1989; Князев 1989; Меньшакова, Поткин 2022; Храковский 2011; Шлуинский 2006; Шустова, Комиссарова 2015; Червяков 2019; Shustova, Yahyapour 2021]. Вне поля рассмотрения исследователей оставалась проблема актуализации различных итеративных значений через призму категории таксиса, что обусловило наш исследовательский интерес. Целью настоящего исследования является описание функциональной нагрузки немецких итеративных девербативов в контексте таксисной актуализации. Итеративные и мультипликативные девербативы генетической и словообразовательной кратности при сочетании с различными предлогами выполняют функцию актуализаторов итеративно-таксисных и мультипликативно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности.

Немецкие итеративные девербативы с семантикой словообразовательной и генетической кратности (например, *die Besprechungen*, *die Beschuldigungen*, *die Unterhaltungen*, *die Angriffe*, *das Klopfen*, *das Winken*, *das Nicken*, *das Seufzen*, *das Surren*, *das Dröhnen* и др.) реализуют свой функционально-таксисный потенциал при сочетании с темпоральными и другими предлогами обстоятельственной семантики, актуализируя при различные варианты примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений. Словообразовательно-итеративные девербативы, употребляемые в форме множественного числа (см. *die Beobachtungen*, *die Unterhaltungen*, *die Beschuldigungen*, *die Beschimpfungen*, *die Warnungen*, *die Angriffe* и др.), при употреблении темпоральных предлогов *bei*, *mit*, *während*, *nach*, *seit*, *vor*, *bis* в функции таксисных маркеров реализуют свою функциональную нагрузку при речевой актуализации значений примарного таксиса одновременности или разновременности. Например:

(1) Der Trainer ist ja *bei den Besprechungen* dabei und gibt uns unseren Matchplan (DWDS).

(2) *Bei den Beschimpfungen* spielte das übliche Emigrantengezänk mit (DWDS).

(3) *Bei unseren Begegnungen im Laufe der Jahrzehnte* ließ er oft Distanz zum Politikbetrieb erkennen (LC).

(5) *Mit den Begegnungen Bayern München gegen Lazio Rom und FC Chelsea gegen Atletico Madrid* warten zwei Topspiele auf alle Fußballfans (LC).

(6) Die Gäste stehen tief und versuchen *bei eigenen Angriffen* vor allem über die Flügel vorzustoßen (LC).

(7) *Nach den Unterhaltungen in den Wahlkampfbüros* hat man fast den Eindruck, dass sich die Parteien am meisten von einer Steigerung der Wahlbeteiligung versprechen – natürlich nur in bestimmten Gebieten (DWDS).

(8) *Nach den Warnungen vor einem möglichen Terroranschlag in München* haben sich Bundesinnenminister Thomas de Maizière und CDU-Fraktionachef Volker Kauder für eine engere Kooperation mit ausländischen Sicherheitsbehörden ausgesprochen (DWDS).

(9) *Nach den ersten beiden Begegnungen, in denen man selbst kaum an den Ball kam, erhielten die deutschen Frauen im weiteren Turnierverlauf deutlich mehr Spielanteile (DWDS).*/

(10) *Nach den Angriffen im Januar* hatte Total mehr Sicherheitsgarantien von der Regierung eingefordert (LC).

(11) In der Regel kommt es im Berufsalltag *vor ersten Begegnungen mit Externen* zu schriftlicher Kommunikation (DWDS).

В приведенных выше примерах словообразовательно-итеративные девербативы *die Besprechungen, die Beschimpfungen, die Begegnungen, die Unterhaltungen, die Angriffe, die Warnungen* выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности (см. высказывания 1–6), следования (см. высказывания 7–10) и предшествования (см. пример 11). Тот или иной вариант таксисных значений маркируют темпоральные предлоги *bei, mit, nach, vor*.

В условиях конкретного контекста актуализируемое итеративно-таксисное значение может быть «усилено», то есть интенсифицировано. Так, в высказываниях (12, 14–16), содержащих словообразовательно-итеративный девербатив *die Begegnungen*, итеративные наречия *fast immer, oft* и числительные *drei, vier* выступают в качестве дополнительных итеративных индикаторов и интенсификаторов. В высказывании (13) актуализируется синкретичное итеративно-фазово-таксисное значений частичной одновременности, детерминированное ингрессивно-фазовым глаголом *starten*. Ср.:

(12) *Und fast immer* gingen die Zweibrücker *nach den wichtigen Begegnungen* als Sieger vom Platz (LC).

(13) *Mit zwei Begegnungen startet* die Fußball-Kreisoberliga Nord bereits am Freitagabend in den nächsten Spieltag (LC).

(14) *Bei Begegnungen* lockert er die Atmosphäre *oft* mit einer ironischen oder selbstironischen Bemerkung auf (LC).

(15) *Bei drei dieser Begegnungen, die laut Oppenheimer «gefährlicher waren»*, war deshalb nur eine Kamera dabei (LC).

(16) *Nach vier Begegnungen* liegen die Suns gegen die Los Angeles Clippers mit 3:1 in Führung (LC).

В следующих высказываниях словообразовательно-итеративные девербативы *die Beschuldigungen* и *die Begegnungen* при употреблении с каузальным и финальным предлогами *wegen, für* становятся актуализаторами каузального, финального и инструментального таксиса одновременности. Ср.:

(17) Cesar Mendoloza, Chiles Polizeichef und Juntamitglied, erklärte seinen Rücktritt – angeblich *wegen Beschuldigungen gegen Polizeibeamte*, die drei kommunistische Politiker entführt und ermordet haben sollen (DWDS).

(18) *Für persönliche Begegnungen*, zum Ausgehen, Einkaufen sowie in Schule und Tourismus gibt es mehr Freiraum (LC).

В высказывании с итеративным девербативом *die Begegnungen* при наличии дополнительного контекстуального элемента, в частности, эгрессивно-фазового адвербиала *endlich*, реализовано синкретичное итеративно-фазово-инструментальное значение одновременности:

(19) Nur die Poster und das Tagebuch tausche ich jetzt *endlich durch Begegnungen mit echten Menschen* (LC).

Девербативы-итеративы и девербативы-мультипликативы могут наследовать итеративную (многократную) и мультипликативную (многоактную) семантику производящих их глаголов (ср. *das Klopfen – klopfen, das Hämmern – hämmern, das Surren – surren, das Dröhnen – dröhnen, das Nicken – nicken, das Seufzen – seufzen, das Winken – winken u др.*) и несут соответствующую функциональную нагрузку при актуализации значений итеративного и мультипликативного таксиса. Например:

(20) *Seit dem Hämmern und Klopfen in den alten Zunftgassen bis zum Surren und Dröhnen hochmoderner Industriewerke* hat sich noch nie romantische Idylle oder Lethargie über Nürnberg gelegt (LC).

(21) Die Türe ging auch kurz *nach dem Klopfen* auf (LC).

(22) *Mit Seufzen* hat sich dann Friedrich der Notwendigkeit, den Österreichern auf diesem Wege zu folgen, gefügt (DWDS).

(23) ... der 31jährige antwortete *mit Winken* (DWDS).

(24) *Unter heftigem Nicken von Markus Söder* verwies Jana Schroeder auf Länder wie Irland, Portugal, England oder Tschechien (LC).

(25) *Mit kurzem Nicken* bestätigte E. Fragen nach seinen Personalien (LC).

В приведенных выше примерах реализован функционально-таксисный потенциал девербативов-итеративов и девербативов-мультипликативов *das Klopfen, das Surren, das Hämmern, das Dröhnen, das Nicken, das Winken*. В высказываниях (20–21) с темпоральными предложениями *seit, bis, nach* выражены примарно-таксисные значения следования и предшествования. В высказываниях (22–25) актуализированы модально-таксисные и медиально-таксисные значения одновременности.

В следующих высказываниях генетически-мультикативный девербатив *das Klopfen* актуализирует примарно-мультипликативно-таксисное значение следования (см. пример 26), также инструментально-мультипликативно-таксисное (см. пример 30) и медиально-мультипликативно-таксисные категориальные значения одновременности (см. примеры 27–28). Ср.:

(26) *Nach mehrmaligem Klopfen* öffnete der Mann die Tür ... (LC).

(27) Er war erst *durch Klopfen an Türen und Fenster* auf den Brand aufmerksam gemacht worden (LC).

(28) Gegen 7.30 wurde er *durch heftiges Klopfen an der Fahrtür* geweckt (LC).

(30) Hierbei wird die Haut *durch Klopfen* stimuliert, wodurch für eine verbesserte Durchblutung und somit ein Aufpolstern des Gesichts gesorgt wird (LC).

Заключение

Таким образом, функциональная нагрузка немецких девербативов итеративной и мультипликативной семантики реализуется в высказываниях с обстоятельственными предложениями (темпоральными, инструментальными, медиальными, финальными, каузальными и др.). При сочетании с предложениями девербативы с семантикой генетической и словообразовательной итеративности актуализируют примарно-итеративно-таксисные и секундарно-итеративно-таксисные значения одновременности и разновременности.

Девербативы с семантикой генетической мультипликативности реализуют свой мультипликативно-таксисный потенциал. Такие имена выступают в роли актуализаторов различных вариантов мультипликативного таксиса – каузально-мультипликативного, инструментально-мультипликативного, медиально-мультипликативного, финально-мультипликативного и др.

Перспективы исследования связаны с описанием мультипликативных и итеративных девербативов как прототипического средства таксисной актуализации в других германских (английском, нидерландском) и славянских (русском, польском) языках. Генетически-итеративные и словообразовательно-итеративные девербативы призваны итерировать примарно-таксисную и секундарно-таксисную категориальную семантику в вышеназванных языках, обнаруживая определенные типологические сходства.

Имена-мультипликативы с семантикой многоактности «обеспечивают» реализацию категориальных значений мультипликативного таксиса одновременности и разновременности, представляя интерес для их дальнейшего сравнительно-типологического изучения.

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. 173 с.
2. Архипова И.В. Итеративный таксис в разноструктурных языках // Филологический аспект. 2020а. № 9 (65). С. 122–128.
3. Баклагова Ю.В. Мультипликативные глаголы в сфере аспектуальных значений // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 4. С. 296–298.
4. Бондарко А.В. Количественность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 161–162.
5. Гайломазова Е.С. Числовая квантификация (категория итеративности) // Известия Южного федерального университета. 2012. №1. С. 105–112.
6. Долинина И.Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219–245.
7. Кибардина С.М. Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 170–179.
8. Князев Ю.П. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 132–145.
9. Меньшакова Н.Н., Поткин С.В. Категория таксиса в английских пословицах и ее трансляция на русский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 58–71.
10. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–54.
11. Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «Либриком», 2011. С. 124–152.
12. Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.

13. Шустова С.В., Комиссарова Е.С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. №1 (2). С. 115–118.

14. Червяков А.А. О категории итеративности в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 3 (14). С. 98–101.

15. Shustova S.V., Yahyapour M. Actualization of the category of instrumentality // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. 7(2). P. 95–103

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.10.2022).
2. DWDS – Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.10.2022).

References

1. Arhipova I.V. Kategorija taksisa v raznostrukturnyh jazykah [The category of taxis in multi-structural languages]. Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2020, 173 p. (In Russ.).
2. Arhipova I.V. Iterativnyj taksis v raznostrukturnyh jazykah [Iterative taxis in multi-structural languages]. *Filologicheskij aspekt*. 2020a, no. 9 (65), pp. 122-128. (In Russ.).
3. Baklagova Ju.V. Mul'tiplikativnye glagoly v sfere aspektual'nyh znachenij [Multiplicative verbs in the sphere of aspectual meanings]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2012, no. 4, pp. 296-298. (In Russ.).
4. Bondarko A.V. Kolichestvennost'. Vstupitel'nye zamechanija [Quantity. Introductory remarks // Theory of functional grammar: Quality. Quantity]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'*, Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 161-162. (In Russ.).
5. Gajlomazova E.S. Chislovaja kvantifikacija (kategorija iterativnosti) [Numerical quantification (category of iteration)]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 105-112. (In Russ.).
6. Dolinina I.B. Kolichestvennost' v sfere predikatov (kategorija «glagol'noj mnozhestvennosti») [Quantity in the realm of predicates (category of "verbal plurality")]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'*, Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 219-245. (In Russ.).
7. Kibardina S.M. Vyrazhenie mnozhestvennosti situacij v nemeckom jazyke [Expressing the plurality of situations in German]. *Tipologija iterativnyh konstrukcij*, Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 170-179. (In Russ.).
8. Knjazev Ju.P. Vyrazhenie povtorjaemosti dejstvija v russkom i drugih slavjanskih jazykah [The expression of the repetition of an action in Russian and other Slavic languages]. *Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaja klassifikacija/ Tipologija iterativnyh konstrukcij*, Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 132-145. (In Russ.).
9. Men'shakova N.N., Potkin S.V. Kategorija taksisa v anglijskih posloviceh i ee transljacija na russkij jazyk [The category of taxis in English proverbs and its translation into Russian]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2022, no. 2, pp. 58-71. (In Russ.).
10. Hrakovskij V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situacij i ih estestvennaja klassifikacija [Semantic types of a set of situations and their natural classification]. *Tipologija iterativnyh konstrukcij*, Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 5-54. (In Russ.).
11. Hrakovskij V.S. Kratnost' [Multiplicity]. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis*, Moscow, Knizhnyj dom «Librikom» Publ., 2011, pp. 124-152. (In Russ.).

12. Shluinskij A.B. K tipologii predikatnoj mnozhestvennosti: organizacija semanticheskoy zony [Towards a typology of predicate plurality: organization of the semantic zone]. *Voprosy jazykoznanija*, 2006, no. 1, pp. 46-75. (In Russ.).

13. Shustova S.V., Komissarova E.S. K voprosu o mezhkategorial'nom vzaimodejstvii (na primere kategorii iterativnosti v nemeckom jazyke) [On the issue of intercategorical interaction (on the example of the category of iterativeness in German)]. *Evrazijskij vestnik gumanitarnyh issledovanij*, 2015, no. 1(2), pp. 115-118. (In Russ.).

14. Chervjakov A.A. O kategorii iterativnosti v sovremennom anglijskom jazyke [On the category of iteration in modern English]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, 2019, no. 3 (14), pp. 98-101. (In Russ.).

15. Shustova S.V., Yahyapour M. Actualization of the category of instrumentality // Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021. 7(2). P. 95-103.

List of sources

1. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LC - Corpus Linguistics Laboratory of the University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.10.2022).

2. DWDS – Nemeckij korpus [DWDS - German Corps]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.10.2022).

Информация об авторе

И.В. Архипова – доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германских языков,
Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I.V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology),
Professor of the Department of Romano-Germanic Languages,
Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 59–74.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 59-74.

Научная статья

УДК 811.111'25

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-59-74

ПЕРЕВОД ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ РЭЯ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Лариса Григорьевна Лапина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lapina48@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена воспроизведению системы образных сравнений при переводе повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» («Dandelion Wine» 1957) на русский язык. Обобщение успешного опыта перевода высокохудожественных произведений всегда является актуальной задачей. Обращение к этой теме обусловлено, в частности, необходимостью выявления и систематизации образных средств, обеспечивающих в переводе эстетическое воздействие, аналогичное воздействию текста оригинала. Объектом исследования явилась система образных сравнений повести, предметом исследования – особенности воспроизведения в тексте перевода их структурно-семантических особенностей с акцентом на образе сравнения и предмете сравнения. Материалом для анализа послужили 310 текстовых фрагментов, содержащих образные сравнения в оригинале, полученных методом сплошной выборки, и соответствующее число текстовых фрагментов перевода. В качестве основного метода исследования послужил метод переводческого сопоставления, позволяющий делать суждения о процессе перевода. Было выявлено, что совокупность детских воспоминаний-ассоциаций в тексте обеспечивает его цельность, связность же текста на языковом уровне достигается – наряду с другими языковыми средствами – многочисленными топиковыми цепочками, создаваемыми образными сравнениями. Это позволяет формировать как глобальную стратегию перевода, так и раскрывающие ее макростратегии. Делается также вывод о том, что структурно-семантические особенности образных сравнений и их дистрибуция в художественном тексте определяют выбор микростратегий перевода, которые можно интерпретировать как технологию их перевода. Статья представляет интерес для теоретиков и практиков перевода, специалистов в области лингвистики текста и преподавателей переводческих дисциплин в вузе.

Ключевые слова: художественный текст, Рэй Брэдбери, «Вино из одуванчиков» («Dandelion Wine»), предпереводческий анализ, образное сравнение, структурно-семантические особенности, стратегии перевода

Для цитирования: Лапина Л.Г. Перевод образных сравнений (на материале перевода повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» на русский язык) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 59–74. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-59-74>

Original article

TRANSLATION OF THE SIMILES (THE ANALYSIS OF RAY BRADBURY'S DANDELION WINE'S TRANSLATION INTO RUSSIAN)

Larisa G. Lapina

Perm State University, Perm, Russia, lapina48@mail.ru

Abstract. The article concerns reproduction of the system of similes in the translation of Ray Bradbury's story *Dandelion Wine* (1957) into Russian. Analysing successful experience of translating literary works of high artistic value for finding regularities always remains a relevant task. More particularly, focusing on this theme is determined by the necessity to identify and systematize the image-conveying means that are used in translation to achieve aesthetic impact comparable to that of the source text. The main area of research has been the story's system of similes, with principal attention being paid to the particular character of reproducing their structural and semantic specificity in the text of translation, making special emphasis on the image used in the simile and the object of comparison. The material of our study is comprised by 310 excerpts containing similes in the original text, which were obtained by way of close-reading, and the respective number of excerpts from the text of translation. The main research method was translation comparison that allowed for making assumptions about the process of translation. It was discovered that the body of associative remembrances of the childhood in the text serves as a basis for its integrity, whereas its linguistic coherence is achieved, along with other language means, through thematic threads, created with the help of similes. This idea can be used for shaping both the global translation strategy, and macro-strategies used for its realization. The conclusion is made that structural and semantic specificity of similes and their distribution in fictional text determine the choice of translation macro-strategies, which can also be interpreted as techniques of translation. The article presents interest for translation scholars and practising translators, students of text linguistics, and academics teaching translation-related subjects in degree courses.

Keywords: fictional text, Ray Bradbury, *Dandelion Wine*, translation analysis, simile, structural and semantic specificity, translation strategies.

For citation: Lapina L.G. Translation of the similes (the analysis of Ray Bradbury's *Dandelion Wine's* translation into Russian). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2023;9:59-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-59-74>

Введение

В этой статье мы вновь обращаемся к лингвистическому осмыслению творчества выдающегося американского писателя-фантаста Рэя Дугласа Брэдбери (1920–2012), произведения которого вошли в золотой фонд мировой литературы. Материалом исследования нашей первой статьи послужила система образных сравнений, представленная в повести «Вино из одуванчиков» («*Dandelion Wine*», 1957) [Лапина 2022]. На стадии предпереводческого знакомства с исходным текстом мы опирались на лингвосемиотический метод анализа (LSA: linguistisch-semiotisches Analyseverfahren) (см., [Petrova 2012]). Одним из основных положений этого метода является выделение трех основных аспектов анализа, связанных, во-первых, с макроструктурами текста (Makrostrukturen), во-вторых, с

микроструктурами (Mikrostrukturen), проявляющимися на уровне предложения, и, в-третьих, с другими значимыми для нормы перевода параметрами текста. К макроструктурам относятся общая структура текста (Textkonstitution), его членение на крупные смысловые сегменты, композиционные особенности, жанровая специфика, актантная структура, тип повествователя и т.п. Микроструктуры выделяются на уровне фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса и графических средств. Другие значимые для нормы перевода параметры представляют собой доминанты, то есть регулярно повторяющиеся в тексте оригинала языковые приемы, которые подлежат воспроизведению при переводе с помощью равноценных или аналогичных средств [Petrova 2012: 377–378]. В ходе предпереводческого анализа было выявлено, что уникальная совокупность авторских сравнений является основным средством создания образности в исследуемом тексте, что качество филологического текста во многом определяется структурно-семантическими параметрами образных сравнений как фигур речи. В основу данной статьи также положен текстоцентрический подход при одновременном внимании к функционированию каждого отдельно взятого образного сравнения в тексте. Сравнения содействуют созданию многоплановости и многоаспектности повествования, которое ведется от лица аукториального автора-повествователя в форме «он» [Брандес 2006: 14]. Целью данной статьи являются особенности воссоздания системы образных сравнений художественного текста при переводе.

Методологической основой анализа переводческого анализа послужили труды отечественных и зарубежных переводоведов (А.В. Федорова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера, К. Райс, В. Коллера, А. Petrova, Н. Siever, J. House, и др.), посвященные художественному переводу, многоплановой природе перевода как языкового и культурного феномена, а также проблемам выбора стратегии перевода. Так, в переводческой типологии текстов, разработанной Катариной Райс еще в 70-е гг. прошлого столетия, художественные тексты отнесены к текстам, ориентированным на форму. Аналогия формы рассматривается при этом как условие равноценного эстетического воздействия при адекватном переводе и может рассматриваться как инвариант перевода. Языковое оформление перевода текстов, ориентированных на форму, детерминируется преимущественно исходным языком [Райс 1978: 202–225].

Большое значение для описания процесса перевода имеет стратегия перевода, “ein planvolles und reflektiertes Anstreben eines Ziels unter Berücksichtigung der gegebenen Rahmenbedingungen, der eigenen Kompetenzen und der verfügbaren Mittel und Ressourcen” [Siever 2012: 399], которая реализуется в конкретных переводческих действиях. Согласно Х. Зиверу, модель стратегического перевода (Modell des strategischen Übersetzens) носит трехступенчатый характер и включает в себя глобальные стратегии (globale Strategien), макростратегии (Makrostrategien) и микростратегии (Mikrostrategien). Глобальная стратегия реализуется на уровне всего переводческого проекта (в нашем случае – переводе одного из знаковых произведений Рэя Брэдбери для русскоязычной аудитории), не зависит от конкретной пары языков, участвующих в переводе, ориентирована на ситуацию принимающей культуры.

Макростратегии осуществляются на уровне всего текста перевода, они нацелены на воплощение глобальной стратегии и также не зависят от конкретной пары языков. При воспроизведении структуры исходного текста (Textkonstitution) переводчик принимает

конкретные решения путем выбора одной из возможных опций относительно четырех пар противоположных макростратегий: *Verständlichkeit vs. Genauigkeit*: понятная (привычная) для получателя перевода формулировка или, напротив, точное сохранение исходного языкового выражения. Первое требование манифестируется в пяти возможных параметрах: предметная, тематическая, синтаксическая, прагматическая и семантическая доступность, что означает приспособление к принятым в языке перевода языковым нормам. Противоположное требование выступает как предметная, тематическая, синтаксическая, прагматическая и семантическая точность в смысле максимального сохранения исходного выражения, что не всегда комфортно для получателя перевода; *Verdichtung vs. Extension*: «уплотнение» содержания путем экономии языковых ресурсов или, напротив, повышение языковой избыточности; *Implizität vs. Explizität*: имплицитность как опора на фоновые знания реципиента в противовес эксплицитности, т.е. «проговариванию» в ПЯ информации, которая в ИЯ только подразумевается; *Konventionalität vs. Kreativität*: конвенциональность как обращение к принятым в лексике, грамматике и стилистике нормам употребления или, напротив, творческое использование языковых ресурсов. В нашем исследовании все отмеченные макростратегии в рамках собственно переводческого анализа так или иначе обнаруживают себя, причем набор опций варьируется применительно к различным фрагментам текста. Микростратегии реализуются на микроуровне текста перевода, то есть затрагивают его отдельные фрагменты (предложения, синтагмы или слова). В этом случае обычно говорят о конкретных приемах перевода: добавлениях, опущениях, родо-видовых заменах и тому подобных явлениях. Как правило, микростратегии являются проявлением макростратегий и зависят от конкретной пары языков [Siever 2012: 401–404].

Для осмысления материала нашего исследования полезной оказалась утвердившаяся в теории перевода концепция В. Коллера, понимающего перевод как коммуникативную задачу, которая имеет дело не только с контактом двух языков (*Sprachkontakt*), но и с контактом двух культур (*Kulturkontakt*) [Koller 2004: 59]. Такой подход к интерпретации нашего языкового материала является правомерным, так как образные сравнения одновременно являются фактами языка и фактами культуры. Исходя из этой диалектической природы перевода, В. Коллер выделяет две основные стратегии перевода («*Übersetzungsmethoden*»), одна из которых направлена на сохранение культурных (или, соответственно, языковых особенностей оригинала), а вторая – на их модификацию. В процессе перевода стратегии культурного и языкового плана могут пересекаться.

К коррелирующим понятиям языка и культуры обращается также немецкий переводовед Ю. Хаус (Juliane House). В противовес некоторым исследователям, которые утверждают, что «культура» – это избыточное для интерпретации перевода понятие, автор привлекает «язык» и «культуру» как два равноправных взаимосвязанных понятия: “*Sprache ist ein Instrument, mit dem das 'kollektive Wissensrepertoire' einer Kultur transportiert wird und mit dem kulturelle Erfahrungen, Gedanken und Verhalten für ihre Sprecher kategorisiert werden. Sprache und Kultur sind also ganz eng miteinander verbunden, und der Wortschatz einer Sprache spiegelt bekanntlich die Kultur der Sprecher wider*“ [House 2012: 23].

В рамках своей функциональной теории перевода (*funktionale Übersetzungstheorie*) Ю. Хаус различает два типа реконтекстуализации (*Re-kontextualisierung*), которые ведут, соответственно, к двум различным видам перевода: *overt translation (offene Übersetzung)* и

covert translation (verdeckte Übersetzung) [Op. cit: 23]. Так называемый «открытый» перевод применим преимущественно к художественным текстам, имеющим в исходной культуре независимый статус; ввиду универсальности их содержания такие тексты легко переводятся на другие языки. К материалу нашего исследования – образным сравнениям в художественном тексте – эти положения имеют самое прямое отношение и обладают большой объяснительной силой. К «закрытому» же переводу прибегают, когда оригинал не отмечен культурной спецификой и представляет равный интерес для представителей различных культур, например, в случае с научными текстами. Наше внимание привлекли также исследования, непосредственно посвященные переводу сравнений и метафор и других фигур речи в художественном тексте. В этих работах содержится множество ценных наблюдений и обобщений по отдельным случаям употребления образных сравнений в оригинале и переводе. Так, в статье М.А. Коваленко «Перевод метафор и образных сравнений текста романа У.С. Моэма «Театр» на русский язык» отмечается ряд существенных особенностей перевода метафор и устойчивых сравнений, однако не анализируются применяемые при этом переводческие трансформации [Коваленко 2017].

Большой интерес представляет статья Е.С. Коршуновой, посвященная переводу сравнений на материале повести Э. Хемингуэя «Старик и море» [Коршунова 2018]. В ней автор рассматривает основные способы перевода образных сравнений, наиболее распространенными среди которых являются синтаксическое уподобление, грамматическая замена и смысловое развитие [там же]. Индивидуально-авторским концептам художественного мира Рэя Брэдбери посвящена работа В.В. Литвиновой [Литвинова 2009]. Можно утверждать, что ввиду уникального отбора языковых средств, представленных в каждом отдельном взятом художественном тексте, их исследование всегда будет оставаться актуальной задачей, связанной с реализацией коммуникативного намерения автора исходного текста.

Основная часть

Основой нашего переводческого исследования послужили полученные методом сплошной выборки 310 текстовых фрагмента оригинала, содержащих образные сравнения, и соответствующее число текстовых фрагментов русского перевода, выполненного в 1967 г. советской и российской переводчицей Эдвардой Кабалевской [Брэдбери 2013]. Выбор методов собственно переводческого исследования адекватен его задачам: основными являются сопоставительно-переводной метод [Комиссаров 1973], а также метод наблюдения и метод описания.

Мы исходили из того, что качество исследуемого филологического текста во многом определяется структурно-семантическими параметрами образных сравнений. В исследуемом тексте были выявлены все основные структурные типы сравнений: простые сравнения, имеющие в своей структуре сравнительные обороты и соотносимые, как правило, с характеристикой одного предмета или явления; развернутые сравнения, функция которых заключается в раскрытии ряда признаков одного предмета или явления, или в характеристике целой группы явлений; сложные сравнения, которые представлены, как правило, сложным предложением с придаточным сравнительным, имеющим формально-грамматические показатели.

При переводческом сопоставлении мы исходили из того, что образные сравнения различной структуры, по-разному участвуя в синтагматическом выстраивании текста, могут актуализировать его различные смыслы. Так, предпереводческий анализ текста говорит о том, что простые сравнения создают в тексте яркую палитру детских ассоциаций, как правило, познавательного и жизнеутверждающего характера. Однако развернутые и сложные образные сравнения могут содержать также языковые маркеры тревожности, предвещающие печальные события в жизни человека и грядущие катаклизмы в обществе. Именно таким образом в тексте отражается ассоциативный характер детского мышления, не всегда укладывающийся в строгие логические рамки.

Из комплекса образных (эксплицитно выраженных) сравнений и метафор (скрытых сравнений) состоят крупные фрагменты текста. Естественно предположить, что структурные особенности образных сравнений оказывают существенное влияние на «прочтение» и интерпретацию этих языковых единиц в тексте перевода. Этими соображениями обусловлено наше пристальное внимание к структурно-семантическим особенностям образных сравнений.

Вслед за исследователями, которые занимаются классификационными признаками сравнений, как, например, В.М. Огольцев [Огольцев 1978], мы обратились к их образному основанию. Анализ сравнений по образному основанию выявил доминирующие сферы-источники; особенно значимыми для изучаемого текста оказались бытовые, природоморфные, сказочные и другие ассоциации, часто довольно неожиданные и необычные для ребенка. Обращаясь к базовым категориям текста, можно утверждать, что цельность анализируемого художественного текста достигается совокупностью внешне разнородных, однако отнюдь не случайных детских воспоминаний-ассоциаций, связанных с небольшим американским провинциальным городком, передающих атмосферу накануне Великой депрессии и глобальных потрясений.

Связность же текста на языковом уровне обеспечивается топиковыми цепочками из образных сравнений, «привязанных» к рефлексии главного персонажа на события, представленные в повести. Очевидно, этим определяются как глобальная стратегия перевода, так и раскрывающие ее макростратегии. В свою очередь, структурно-семантические особенности образных сравнений и их дистрибуция в тексте определяют выбор микростратегий перевода, которые можно интерпретировать как технологию их перевода в художественном тексте.

Среди общей массы языкового материала можно выделить образные сравнения с ярко выраженной концептуальной основой; в тексте повести их обнаружено сравнительно немного, однако они носят очень важный, экзистенциальный характер и актуализируют смыслы рокового конца, гибели, смерти и бессмертия, порядка, божества, призрачности и др. Концептуальные образные сравнения отражены в ключевой метафоре текста – «вине из одуванчиков». Этот чудодейственный золотистый напиток готовил дед Дугласа в течение лета. Метафора «вино из одуванчиков» вмещает в себя все воспоминания и переживания 12-летнего Дугласа и его 10-летнего брата. Сознание главного персонажа (подобно сосуду) наполняется разнонаправленными переживаниями и открытиями, начиная с радости бытия и познания мира и заканчивая страхом смерти и потерей близких. Философская метафора «вино из одуванчиков» олицетворяет процесс постепенного аккумуляирования жизненного

опыта и взросления главного героя на рубеже двух эпох. Действие повести происходит летом 1928 г. в США, накануне Великой депрессии. В повести писатель в художественной форме восстановил детские воспоминания об этом периоде своей жизни.

Каковы общие наблюдения по переводу образных сравнений? В тексте повести «Вино из одуванчиков» с 70 % доминируют трансформационные способы перевода, дословный перевод с 27,5 % располагается на втором месте, нулевой перевод (утрата исходного образа сравнения как такового) представлен в 2,5 % всех рассмотренных случаев. Эти данные несут, на наш взгляд, вполне закономерный характер. Высокий процент трансформаций в художественном тексте находит свое общее объяснение в понимании перевода как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации, а текста перевода как «вторичного текста (метатекста), заменяющего исходный текст в другой языковой и культурной среде» [Швейцер 1988: 75]. Эффект появления «не тех слов», безусловно, является следствием применения описанных выше стратегий перевода. Рассмотрим способы воссоздания в переводе образа сравнения применительно к компаративным конструкциям различной структуры. Обратимся сначала к простым сравнениям, соотносимым, как правило, с характеристикой одного предмета или явления. Оказалось, что на простые сравнения приходится более 80 % дословного перевода всех образных сравнений:

Bang! The wire beater hissed like a snake in the blind sky. [83] – Хлоп! Проволочная выбивалка зашипела, точно змея. [89]

К дословному переводу примыкают случаи, в которых при сохранении исходной структуры сравнения в тексте перевода наблюдается частичная замена исходного образа на аналогичный, то есть имеет место так называемый уподобляющий перевод:

I always get a kick watching a trolley let down the step, like an accordion [117]. – Страх люблю смотреть, когда трамвай спускает подножку: прямо гармоника! [131]

The trolley stood like an enchanted calliope, simmering where the sun fell on it [119]. – Трамвай стоял молчаливый, точно заколдованный орган, поблескивая в солнечных лучах [133].

The sound of a good friend whistling like an oriole <...> [122]. – Рядом – друг, свистит, как скворец, <...> [136].

<...> Great-grandfather passed away, looking like a great fallen vulture in his casket, silent, withdrawn <...> [54] – <...> умер его прадедушка и лежал в гробу, точно огромный упавший ястреб, безмолвный и далекий <...> [54]

Согласно теории лексических соответствий, разработанной В.С. Виноградовым, в приведенных фрагментах представлены эквивокабульные и эквиразрядные переводческие соответствия, то есть лексические единицы, идентичные по структуре и по принадлежности к одной и той же части речи [Виноградов 2001: 81–82]. По терминологии В. Коллера, мы имеем здесь дело с так называемым «адаптирующим переводом», отдающим предпочтение культуре языка перевода. Подобного рода примеры – как, например, *vulture* (гриф, стервятник) в исходном языке и *ястреб* в языке перевода – традиционно интерпретируются как успешная прагматическая адаптация текста перевода, поскольку читатель перевода имеет дело с более привычным для него понятием из той же самой предметной области. Образ сравнения в исходном языке, как правило, заимствуется из сферы-источника «Животный мир» или «Артефакты».

На простые сравнения падают и все случаи нулевого перевода, то есть невозпроизведения образа сравнения в переводе в силу опущения всей компаративной структуры:

Suddenly his fist shot out like a piston from his side and it shook itself hard at the lawns and the street and the gathering dusk [132]. – И вдруг он вскинул сжатый кулак и яростно погрозил лужайкам, улице, сгущающимся сумеркам [148].

Иногда нулевой перевод бывает продиктован необходимостью недопущения в тексте перевода семантической избыточности:

You can't sit down without playing the chair like an accordion. You can't stand up but what you kick the cat. You can't trot across an open meadow without falling into a well [140]. – Вы толком и сесть-то не можете – непременно наступите на кошку. Пойдете по лужайке – непременно свалитесь в колодец. [158]

В целом ряде случаев нулевой перевод обусловлен приемом целостного преобразования; здесь и далее названия переводческих (логико-семантических) трансформаций указаны по Я.И. Рецкеру [Рецкер 1973]. Каждый из этих примеров нуждается в отдельном пояснении:

Above, in the vast house, there would be coughings, sneezings, wheezings, and groans, childish fevers, throats raw as butcher's meat <...> [28] – Наверху в большом доме будет кашель, чихание, хриплые голоса и стоны, простуженным детям очень больно будет глотать <...> [24]

В русской версии «очень больно будет глотать» отсутствует сравнение с мясом из мясного магазина. Возможно, переводчик посчитал, что для читателя перевода сравнение будет не вполне привычным или даже не очень эстетичным.

В нашей картотеке есть и другие аналогичные примеры:

"It's like a Turkish bath in here," said Aunt Rose. "Let's have some windows open, roll up those shades so we can see what we're doing" [264] – А жара, а духота какая! – продолжала теть Роза. – Давайте хоть окно откроем и поднимем жалюзи, а то не видно, что делаешь [304].

Опущение образного сравнения при переводе, очевидно, вызвано тем, что в оригинале появляется яркое слово-реалия *Turkish bath*; в год выхода в свет перевода повести (1967) *турецкая баня* не была для советского читателя расхожим понятием. Однако основная масса переводческих трансформаций направлена на сохранение – в той или иной степени – образной составляющей исходного сравнения:

His voice faded as Leo Auffmann moved to the curb to touch his bicycle as if it were an animal. [47] – Лео Ауфман умолк, подошел к краю тротуара и погладил свой велосипед, словно собаку или кошку. [46] (конкретизация)

Then, rising from the cellar like a June goddess, Grandma would come [28]. – И тогда из погреба возникнет, точно богиня лета, бабушка [24]. (генерализация)

Два последних примера демонстрируют принцип родо-видовой замены, который позволяет передать содержание исходной языковой единицы переводческим соответствием с более обобщенным или более узким значением. Широко представлено в переводе смысловое развитие:

<...> the wind blew like a furnace [47] – <...> ветер пышет жаром в лицо, словно из раскаленной печи. [46]

All hot and sandy, like inside a mummy case, maybe. [82] – Жарой пахнет и песком – наверно, так пахнет каменный гроб, где лежит мумия. [88]

Вместе с тем, некоторые переводческие решения квалифицировать весьма затруднительно:

By God, I got a head like a box Brownie. Got the words, even if I haven't got the sense. [134] – Ей-богу, голова у меня – как у Папы Римского! Все слова помню, хоть ни черта в них не понял. [151].

В оригинале появляется слово-реалия *box Brownie*: так называлась популярная в то время фотокамера марки *Brownie*, и факт наличия такой фотокамеры у Рэя Брэдбери отражен в биографии писателя. Способу перевода «как у Папы Римского» сложно найти однозначное истолкование; возможно, здесь обыгрывается факт фиксации фотокамерой большого объема различной информации (фотокамера запоминает массу информации, но не ранжирует ее). Возможно, в таком словоупотреблении содержится намек на какую-то индивидуальную особенность личности Папы Римского. В любом случае, перед нами переводческая трансформация, не столь очевидная с точки зрения русскоязычного интерпретатора. Обратимся к переводческим соответствиям развернутых и сложных образных сравнений, которые в процессе перевода проявляют себя практически одинаково: во всех без исключения случаях образная основа сравнения сохраняется, случаи нулевого перевода отсутствуют. Вместе с тем, дословный перевод представлен лишь в единичных примерах:

Then he let go of Tom and lay on his back with his hand up in the sky and he was a head from which his eyes peered like sentinels through the portcullis of a strange castle out along a bridge, his arm, to those fingers where the bright pennant of blood quivered in the light [23]. – Выпустил Тома, откинулся на спину, все еще воздев руку к небесам, и теперь весь он был – одна голова; глаза, будто часовые сквозь бойницы неведомой крепости, оглядывали мост – вытянутую руку и пальцы, где на свету трепетал кроваво-красный флаг [17].

The first thing he noticed the next morning was dozens of birds fluttering around in the air stirring up ripples like colored stones thrown into an incredibly clear stream, gonging the tin roof of the garage softly [69]. – На другое утро, едва раскрыв глаза, он увидел птиц: они проносились в воздухе, точно разноцветные камешки, брошенные в непостижимо чистый ручей, и, легонько звякнув, опускались на жестяную крышу гаража [72].

Основным способом перевода развернутых и сложных образных сравнений выступают переводческие трансформации:

... gasping like trout thrown out on a bank, laughing till they cried [24]. – ... задыхались, как рыбы, выброшенные из воды, и хохотали до слез [19]. (генерализация)

He saw his fingers sink through green shadow and come forth stained with such color that it seemed he had somehow cut the forest and delved his hand in the open wound [19]. – Пальцы его ушли глубоко в зеленую тень и вынырнули, обагрены алым соком, словно он взрезал лес ножом и сунул руки в открытую рану [13]. (конкретизация)

На сохранение исходного образа направлены и комплексные переводческие трансформации (смысловое развитие в сочетании с целостным преобразованием), связанные с рекомбинацией исходных элементарных смыслов:

This day now, he nodded, smelled as if a great and nameless orchard had grown up overnight beyond the hills to fill the entire visible land with its warm freshness. [17] – Вот, например, сегодня – пахнет так, будто в одну ночь там, за холмами, невесть откуда взялся огромный фруктовый сад, и все до самого горизонта так и благоухает. [10]

Эти случаи подводимы под понятие уподобляющего перевода, который позволяет сохранить исходный образ путем его замены в переводе другим, более доступным для восприятия в принимающей культуре (см. выше также аналогичные примеры перевода простых образных сравнений). Наличие подобных замен широко практикуется в художественном тексте. В этом случае вполне уместно говорить о так называемой «прагматической эквивалентности» [Koller 2004: 248]. При этом появляющиеся в текстах оригинала и перевода соотносительные образы заимствуются из одной и той же предметной области. Развернутые и сложные образные сравнения обладают многоаспектной и сложной смысловой структурой; они автосемантически и в силу своей самодостаточности не нуждаются при переводе в поддержке ближайшего языкового окружения.

Все рассмотренные выше примеры касались воссоздания в переводе образа сравнения. Несомненный исследовательский интерес представляет также переводческий анализ образных сравнений по предмету сравнения. Это помогает понять, из каких компонентов складывается для главного персонажа окружающий его внешний мир. Материал исследования говорит о том, что основное место в детской картине мира, воссозданной образными сравнениями в повести «Вино из одуванчиков», занимает группа примеров с предметом сравнения «Человек» (61 %), включающая две большие подгруппы: «Дети» и «Старики». В этом проявляется ярко выраженная антропоцентричность исследуемого художественного текста, которая должна учитываться при выборе стратегии перевода. Далее по степени предпочтения следуют «Артефакты» (20 %), «Живая природа» (11 %) и «Неживая природа» (8 %). Предмет сравнения «Человек» может быть представлен различными параметрами: внешность, физические качества, духовное и физиологическое состояние человека, его чувства и ощущения, движение /перемещение в пространстве, особенности поведения и взаимоотношения людей, их речевая деятельность и т.п. [см., напр.: Лебедева 1999].

Рассмотрим в качестве примера перевод образных сравнений, соотносимых с подгруппой «Дети», начав с простых по структуре сравнительных конструкций, как правило, имеющих компаративную связку *like*, которая служит коррелятом с соответствующим предметом:

They passed like cloud shadows downhill ... the boys of summer, running [29]. – Они скользили вниз по холмам, точно тени облаков ... Это бежали летние мальчишки [25].

She often saw them [the children], like moths and monkeys, at the grocer's, among the cabbages and hung bananas, and she smiled at them and they smiled back [83]. – Она часто видела детей в бакалейной лавке – точно мошки или обезьянки, мелькали они среди кочанов капусты и связок бананов, и она улыбалась им, и они улыбались в ответ. [89]

Halfway there, Charlie Woodman and John Huff and some other boys rushed by like a swarm of meteors [49]. – На полпути мимо роем метеоров пронеслась орава мальчишек, и среди них Чарли Вудмен и Джон Хаф. [48]

The children sat up, turning their heads, like sunflowers after the sun. [84] – Дети тотчас же сели и все разом, словно подсолнухи к солнцу, повернули головы в сторону тележки. [91].

This path led in a great dusty snake to the ice house where winter lived on the yellow days. This path raced for the blast-furnace sands of the lake shore in July. This to trees where boys might grow like sour and still-green crab apples, hid among leaves. [30] – Эта тропка огромной пыльной змеей скользит к ледяному дому, где в золотые летние дни прячется зима. А та бежит к раскаленным песчаным берегам июльского озера. А вон та – к деревьям, где мальчишки прячутся меж листьев, точно терпкие, еще незрелые плоды дикой яблони, и там растут и зреют. [25]

Во всех случаях такого рода представлен дословный перевод. Можно утверждать, что переводческая интерпретация образных сравнений вполне укладывается в существующие технологии перевода. Главная задача заключается при этом в адекватном воспроизведении при переводе смыслового наполнения сравнительной конструкции путем актуализации «детских» сем («Движение», «Активность», «Молодость», «Незрелость»), которые являются «сквозными» для всего текста. В свою очередь, развернутые и сложные компаративные конструкции, предметом сравнения которых является «Человек», обладают в исследуемом тексте огромным философским потенциалом. Текстовый анализ показал, что именно они специализируются на выражении тревожности и опасности. Приводимый ниже пример – нагромождение апокалиптических понятий как предвестников грядущих катастрофических перемен в американском обществе и в мире, в целом:

Speak and break the spell, or continue allowing this honey-syrup food of the gods to dissolve and melt away to glory in their mouths? They looked as if they might laugh or cry at the cruel dilemma. They looked as if they might sit there forever, untouched by fire or earthquake, or shooting in the street, a massacre of innocents in the yard, overwhelmed with effluvioms and promises of immortality. [260] – Что делать: заговорить и нарушить очарование или и дальше наслаждаться нектаром и амброзией? Казалось, они сейчас засмеются или заплачут, не в силах найти ответ. Казалось, начнись пожар или землетрясение, стрельба на улицах или резня во дворе – все равно они не встанут из-за стола, недостижимые для стихий и бедствий, подвластные лишь колдовским ароматам пищи богов, что сулит им бессмертие. [300]

При всей перифрастичности переводческого соответствия в этом фрагменте перевода прослеживается прямая корреляция ключевых слов развернутого образного сравнения в языке оригинала и перевода: *fire* – **пожар**, *earthquake* – **землетрясение**, *shooting in the street* – **стрельба на улицах**, *a massacre of innocents in the yard* – **резня во дворе**.

Подобного рода развернутые и сложные компаративные конструкции в силу их семантики можно отнести к так называемым категоризирующим образным сравнениям, поскольку они актуализируют жизненно важные для повести топики: «Человек», «Счастье», «Жизнь», «Смерть», «Время», воплотившиеся в ключевой метафоре текста – «вино из одуванчиков». Эта философская метафора олицетворяет процесс накопления жизненного опыта и взросления главного героя на переломе двух эпох, художественное воплощение которого было одной из главных задач автора.

Заключение

Итак, мы рассмотрели особенности воспроизведения системы образных сравнений при переводе повести американского писателя Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» на русский язык. Основные выводы проведенного исследования сводятся к следующему. Образные сравнения были рассмотрены как главные средства создания образности в тексте. При этом мы исходили из того, что использование определенной системы сравнений отражает не только индивидуальный стиль автора, но и особенности национального восприятия окружающего мира в художественной форме. Уникальная авторская манера создания образности в художественном тексте предполагает при переводе филигранную работу со словом.

Образные сравнения интересовали нас и как отдельные элементы исходного текста, и как система языковых ресурсов, играющая, говоря словами А.В. Федорова, «организующую роль» на уровне текста [Федоров 1983: 124]. Было выявлено, что проблема перевода сравнений, как правило, касается перевода не отдельной языковой единицы, а воспроизведения всей системы авторских образных сравнений в тексте. Так, было выявлено, что подавляющая часть компаративных конструкций передается с помощью переводческих трансформаций (70 %), с помощью дословного перевода воспроизводится 27,5 % всех случаев, нулевой перевод образных сравнений встречается лишь в 2,5 %. Воспроизведение системы образных сравнений обусловлено, по нашим наблюдениям, двумя основными факторами: структурно-семантическими особенностями образных сравнений и их антропоцентрическим характером, который во многом проявляется в лексическом составе сравнений, отмеченном большей или меньшей степенью антропоморфизма.

Было выявлено, что в исследуемом тексте антропоморфные сравнения являются (наряду с метафорами) основным языковым средством оформления текстовой семантики, связанной с восприятием и осмыслением ребенком окружающего мира. Выявленные на стадии предпереводческого анализа текста структурно-семантические особенности образных сравнений существенным образом повлияли на их перевод. Поэтому отдельно был рассмотрен, с одной стороны, перевод простых сравнений, а, с другой, перевод сложных и развернутых сравнений. Образные сравнения различной структуры, по-разному участвуя в порождении текста, имеют при переводе свои особенности. Так, на простые образные сравнения приходится более 80 % всех случаев дословного перевода. Только при их переводе наблюдается и так называемый нулевой перевод. Перевод сложных и развернутых образных сравнений осуществляется, в основном, с помощью переводческих трансформаций логико-семантического характера, актуализирующих различные смыслы текста оригинала.

При рассмотрении компаративных конструкций полезной для нас оказалась традиция описания языковых средств выражения образа сравнения и идентификации предмета сравнения. Было выявлено, что совокупность детских воспоминаний-ассоциаций в тексте обеспечивает – наряду с другими языковыми средствами – его цельность, связность же текста на языковом уровне достигается многочисленными топиковыми цепочками из образных сравнений. Это позволяет формировать как глобальную стратегию перевода, так и раскрывающие ее макростратегии.

В свою очередь, средства выражения образа сравнения и идентификация предмета сравнения в тексте оригинала определяют выбор микростратегий (технологии) перевода образного сравнения в каждом конкретном случае. Система образных сравнений в исследуемом

тексте представляет собой вполне самостоятельный для переводческой интерпретации ресурс; ее воспроизведение при переводе происходит, в целом, без существенных потерь. Принципиальной замены образа сравнения в компаративных конструкциях, как правило, не наблюдается. Все применяемые стратегии перевода являются по своей сущности адаптивными, направленными на использование элементов культуры языка перевода, а с точки зрения взаимодействия языков оказывается «приспосабливающимися» (уподобляющими).

Список литературы

1. Брандес М.П. Критика перевода. Практикум по стилистико-сопоставительному анализу переводов немецких и русских художественных текстов: учебное пособие. Изд. 2-е, доп. М.: КДУ, 2006. 240 с.
2. Бредбери Р. Вино из одуванчиков // Ray Bradbury. Dandelion Wine. Кабалевская Э. Перевод на русский язык. 2013. URL: www.litres.ru.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Коваленко М.А. Перевод метафор и образных сравнений текста романа У.С. Моэма «Театр» на русский язык // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 4 (апрель). URL: <http://e-kon-sept.ru/2017/170086.htm> (дата обращения 02.12.2018).
5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
6. Коршунова Е.С. Способы художественного перевода сравнений (на примере повести Э. Хемингуэя «Старик и море») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 124–127.
7. Лапина Л.Г. Предпереводческий анализ системы образных сравнений художественного текста (на материале повести Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков») // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 107–121.
8. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Изд-во «Кубанский государственный университет», 1999. 160 с.
9. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Бредбери: автореф. ... к. филол. н. Краснодар, 2009. 13 с.
10. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во «Ленинградский университет», 1978. 159 с.
11. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202–225. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (дата обращения: 12.08.2022).
12. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Международные отношения, 1974. 215 с.
13. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
14. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
15. Bradbury R. Dandelion Wine // Бредбери Р. Вино из одуванчиков: книга для чтения на английском языке (Modern Prose). М.: Инфра-М, 2012. 288 с.
16. House J. Übersetzen: ein sprachliches und kulturelles Phänomen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow / Alena Petrova / Michael Ustaszewski (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 21–33.

17. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 7. aktualisierte Aufl. Heidelberg; Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag GmbH & Co, 2004. 343 S.

18. Petrova A., Ustaszewski M. Linguistisch-semiotisches Analyseverfahren für literarische Ausgangstexte im Übersetzungs- und Landeskundeunterricht // Strategisches Übersetzen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 377–384.

19. Siever H. Strategisches Übersetzen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 399–404.

References

1. Brandes M.P. Kritika perevoda. Praktikum po stilistiko-sopostavitel'nomu analizu perevodov nemeckih i russkih hudozhestvennyh tekstov [Translation criticism. Workshop on Stylistic and Comparative Analysis of Translations of German and Russian Literary Texts]. Moscow, KDU Publ., 2006, 240 p. (In Russ.).

2. Bredberi R. Vino iz oduvanchikov [Dandelion wine]. *Ray Bradbury. Dandelion Wine. Kabalevskaja Je*, 2013. (In Russ.). Available at: www.litres.ru. (accessed: 12.08.2022).

3. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (general and lexical issues)]. Moscow, Izdatel'stvo instituta obshhego srednego obrazovanija RAO Publ., 2001, 224 p. (In Russ.).

4. Kovalenko M.A. Perevod metafor i obraznyh sravnenij teksta romana U.S. Mojema «Teatr» na russkij jazyk [Translation of metaphors and figurative comparisons of the text of the novel by W.S. Maugham "Theatre" in Russian]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»*, 2017, no. 4 (aprel'). (In Russ.). Available at: <http://e-kon-cept.ru/2017/170086.htm> - svobodnyj (accessed 02.12.2018).

5. Komissarov V.N. Slovo o perevode [A word about translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1973, 216 p. (In Russ.).

6. Korshunova E.S. Sposoby hudozhestvennogo perevoda sravnenij (na primere povesti Je. Hemingujeja «Starik i more») [Ways of literary translation of comparisons (on the example of E. Hemingway's story "The Old Man and the Sea")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, Gramota Publ., 2018, no. 5(83), part 1, pp. 124-127. (In Russ.).

7. Lapina L.G. Predperevodcheskij analiz sistemy obraznyh sravnenij hudozhestvennogo teksta (na materiale povesti Rjeja Brjedberi «Vino iz oduvanchikov») [Pre-translational analysis of the system of figurative comparisons of a literary text (based on the story of Ray Bradbury "Dandelion Wine")]. *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija*, 2022, no. 8, pp. 107-121. (In Russ.).

8. Lebedeva L.A. Ustojchivye sravnenija russkogo jazyka vo frazeologii i frazeografii [Stable comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography]. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1999, 160 p. (In Russ.).

9. Litvinova V.V. Individual'no-avtorskie koncepty v strukture hudozhestvennogo mira Rjeja Brjedberi [Individual-author's concepts in the structure of Ray Bradbury's artistic world]. PhD dissertation abstract. Krasnodar, 2009, 13 p. (In Russ.).

10. Ogol'cev V.M. Ustojchivye sravnenija v sisteme russkoj frazeologii [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology]. Leningrad, Leningradskij universitet Publ., 1978, 159 p. (In Russ.).

11. Rajs K. Klassifikacija tekstov i metody perevoda [Text classification and translation methods]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*, Moscow, 1978, pp. 202-225. (In Russ.). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (accessed: 12.08.2022).

12. Recker Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda [Translation theory and translation practice. Essays on linguistic theory of translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974, 215 p. (In Russ.).
13. Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1983, 303 p. (In Russ.).
14. Shvejcer A.D. Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 215 p. (In Russ.).
15. Bradbury R. Dandelion Wine // Брэдбери Р. Вино из одуванчиков: книга для чтения на английском языке (Modern Prose). М.: Инфра-М, 2012. 288 с.
16. House J. Übersetzen: ein sprachliches und kulturelles Phänomen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow / Alena Petrova / Michael Ustaszewski (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 21–33.
17. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 7. aktualisierte Aufl. Heidelberg; Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag GmbH & Co, 2004. 343 S.
18. Petrova A., Ustaszewski M. Linguistisch-semiotisches Analyseverfahren für literarische Ausgangstexte im Übersetzungs- und Landeskundeunterricht // Strategisches Übersetzen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 377–384.
19. Siever H. Strategisches Übersetzen // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik. Lew N. Zybatow (Hrsg. /EDS) / Forum Translationswissenschaft, Band 15. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaft, 2012. S. 399–404.

Информация об авторе

*Л.Г. Лапина – кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода, доцент кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

*L.G. Lapina – Ph. D (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Associate Professor of the Department of Linguodidactics,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 75–82.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 75-82.

Научная статья

УДК 821. 161. 1 (09): 791. 43

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-75-82

ДРАМАТУРГИЗМ, СЦЕНИЧНОСТЬ, КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ ПРОЗЫ ДОСТОЕВСКОГО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Марина Владимировна Воловинская

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

volovinskaya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена разграничению понятий «кинематографичность», «сценичность», «драматургизм» применительно к прозе Ф.М. Достоевского, привлекающей устойчивый интерес деятелей театра и кино на протяжении многих десятилетий. Внимание фокусируется на неоправданности чрезмерного сближения этих понятий в современном литературоведении. Делается акцент на различии театральной и кинематографической эстетики и том, как это проявляется в подходах к интерпретации романов Достоевского смежными видами искусств. В качестве доказательства необходимости дифференцированного использования терминов «кинематографичность», «сценичность», «драматургизм» анализируются отдельные эпизоды экранизаций и инсценировок романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Большое внимание в статье уделяется дифференциации понятий «сценичность» и «драматургизм». Под драматургизмом подразумевается наличие в эпическом произведении черт, сближающих его с драматургическим родом литературы: прием построения текста сценами, обилие диалогов и монологов, эффектные символические жесты персонажей. Сценичность определяется как свойство текста, позволяющее удачно воплотить его на сцене. Понятие драматургизма субстанционально, так как связано с одной из древнейших категорий – литературного рода, понятие сценичности исторически изменчиво, обусловлено техническими возможностями театра и особенностями театрального языка, трансформирующегося с течением времени. Высказывается предположение, что, несмотря на структурную близость драматургическому роду литературы, романы Достоевского недостаточно сценичны в силу особой природы образов персонажей, соединяющих эмпирическое и метафизическое начала. Обращение к фильмам и спектаклям разных лет демонстрирует, как режиссеры преодолевают возникающие трудности, используя различные средства, находящиеся в арсенале театра и кино как синтетических искусств.

Ключевые слова: сценичность, драматургизм, кинематографичность, проза. Достоевский, театр, кино.

Для цитирования: Воловинская М.В. Драматургизм, сценичность, кинематографичность прозы достоевского как теоретическая проблема // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 75–82. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-75-82>

Original article

DRAMATURGIC, SCENIC, CINEMATIC CHARACTER OF DOSTOEVSKY'S PROSE AS A THEORETICAL PROBLEM

Marina V. Volovinskaya

Perm State Humanitarian Pedagogical University', Perm, Russia, volovinskaya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the differentiation of the concepts of "cinematography", "scenic", "dramaturgism" in relation to the prose of F.M. Dostoevsky, which has attracted the steady interest of theater and cinema figures for many decades. Attention is focused on the unjustifiability of excessive convergence of these concepts in modern literary criticism. The emphasis is placed on the difference between theatrical and cinematic aesthetics and how it manifests itself in approaches to the interpretation of Dostoevsky's novels by related types of art. As proof of the need for differentiated use of the terms "cinematography", "scenic", "dramaturgism", separate episodes of film adaptations and dramatizations of F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" are analyzed. Much attention is paid in the article to the differentiation of the concepts of "scenic" and "dramaturgism". Dramaturgism means the presence in an epic work of features that bring it closer to the dramatic kind of literature: the technique of constructing the text with scenes, an abundance of dialogues and monologues, spectacular symbolic gestures of the characters. Scenic is defined as a property of the text that allows you to successfully embody it on stage. The concept of dramaturgism is substantial, since it is connected with one of the oldest categories – the literary kind, the concept of scenic is historically changeable, due to the technical capabilities of the theater and the peculiarities of the theatrical language, which is transformed over time. It is suggested that, despite the structural proximity to the dramatic kind of literature, Dostoevsky's novels are not sufficiently scenic due to the special nature of the characters' images that combine empirical and metaphysical principles. The appeal to films and performances of different years demonstrates how directors overcome emerging difficulties using various means in the arsenal of theater and cinema as synthetic arts.

Keywords: scenic, dramaturgy, cinematography, prose, Dostoevsky, theater, cinema.

For citation: Volovinskaya M.V. Dramaturgic, scenic, cinematic character of dostoevsky's prose as a theoretical problem. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:75-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-75-82>

Введение

Проблема синтеза искусств в последнее время не только не теряет своей актуальности, но и обретает новые грани. В частности, это касается экранных и сценических проекций прозы Ф.М. Достоевского, одного из самых востребованных современным театром и кинематографом авторов. Специалисты, представляющие разные области гуманитаристики, нередко говорят о сценичности, драматургизме, внутренней кинематографичности романов писателя как специфической черте его поэтики, способствующей успешному переводу его прозы на язык театра и кино. К сожалению, эти термины нередко используются как синонимы, в то время как их дифференциация может способствовать усовершенствованию литературоведческого инструментария.

Основная часть

Еще Д.С. Мережковский в знаменитой книге «Л. Толстой и Достоевский», не употребляя термина «драматургизм», высказывал мысль о близости романов Достоевского драматургическому роду литературы: «Соответственно преобладанию героической борьбы, главные произведения Достоевского, в сущности, вовсе не романы, не эпос, а трагедии» [Мережковский 2000: 142]. «Романами-трагедиями» назвал произведения Достоевского другой критик-символист – Вяч. Иванов, и определение это прочно вошло в литературоведческий обиход.

Идея драматургической природы прозы Достоевского имеет и своих противников, в числе которых такой авторитетный ученый, как М.М. Бахтин. Так, обосновывая концепцию полифонического романа, М.М. Бахтин утверждал, что определение «роман-трагедия» неприемлемо в первую очередь потому, что трагедия – драматургический жанр, а драма «может быть многоплановой, но не может быть многомирной, она допускает одну, а не несколько систем отчета» [Бахтин 1979: 39]. Тем не менее большинство искусствоведов и литературоведов убеждены в близости поэтики писателя поэтике театра. Желая подчеркнуть это обстоятельство, исследователи отмечают композиционный прием строения текста сценами, обилие диалогов и монологов, театральное поведение персонажей (знаменитые «надрывы», породившие множество театральных штампов, обилие эффектных символических жестов: поклоны, поцелуи, пощечины и т.д.). В частности, В.Н. Топоров пишет о таких приемах драматургической техники у Достоевского, как «обилие режиссерских, по-существу, ремарок, пропуск глаголов говорения, введение масок, марионеток, изображение описываемого действия как театрального, постоянное употребление в этих случаях таких слов, как театр, сцена, кулисы, декорация, антракт, публика, роль и т.д.» [Топоров 1973: 17].

Однако названные особенности еще не являются, на наш взгляд, залогом успешного перенесения произведений Достоевского на сцену. Часто наиболее важные для концепции эпизоды романов писателя оказываются самыми сложными и невыигрышными с точки зрения возможностей их сценического воплощения. Это касается, в частности, «Легенды о Великом инквизиторе», часто не включаемой в инсценировки и экранизации «Братьев Карамазовых», большинства сцен с участием Настасьи Филипповны в романе «Идиот», первого сна Раскольникова в «Преступлении и наказании». Главное препятствие, которое возникает перед постановщиками, заключается в сложном и органичном переплетении в романах Достоевского эмпирического и метафизического планов. Например, Мышкин в «Идиоте» оказывается одновременно наивным, больным человеком, не знакомым с реалиями русской жизни, и князем-Христом, несущим свет каждому, с кем сводит его судьба, Настасья Филипповна – гордой красавицей с непростым характером, сложившимся под влиянием драматических обстоятельств, и образом чистой красоты, «плененной князем мира сего и в темнице ждущей своего избавителя» [Мочульский 1995: 407]. Трудность адекватного перевода метафизического плана романа на язык других искусств часто является причиной режиссерских неудач.

«Это ослепляющая красота была даже невыносима» [Достоевский 1973: 68], – замечает Достоевский, передавая охватившие князя Мышкина эмоции при виде лица Настасьи Филипповны на портрете. «Такая красота – сила, – восклицает Аделаида, – с этой красотой можно мир перевернуть!» [Достоевский, 1973: 69]. Такую красоту практически невозможно

изобразить на сцене или экране, поэтому любая актриса, взявшаяся за роль Настасьи Филипповны, у части зрителей вызовет разочарование, несмотря на то, что образ героини создан во многом в соответствии с драматургическими принципами.

Думается, что, оценивая потенциальные возможности переноса романа на сцену, есть смысл разделять понятия «драматургизм» и «сценичность». Под «драматургизмом» мы понимаем наличие в эпическом произведении черт, сближающих его с драматургическим родом литературы. Сценичность, с нашей точки зрения, – это свойство текста, позволяющее удачно воплотить его на сцене. Произведение в целом или отдельный его фрагмент могут быть драматургичным, но при этом не сценичным, то есть, несмотря на структурное сходство с драмой, обладать чертами, препятствующими его переводу на язык театра. Понятие драматургизма субстанционально, так как связано с одной из древнейших категорий – литературного рода, понятие сценичности исторически изменчиво, обусловлено техническими возможностями театра и особенностями театрального языка, трансформирующегося с течением времени.

Говорить о сценичности или несценичности того или иного эпического произведения нужно с большой долей осторожности. Механическое перенесение на театральные подмостки романа, автор которого активно использует драматургическую технику, не приносит впечатляющего художественного результата. Напротив, самые, казалось бы, «несценичные» произведения (например, «Обломов» или «Война и мир») обретают счастливую сценическую жизнь, обнаруживая открытые талантливым режиссером глубинные смыслы.

Один из важных для развития сюжета, но сложных для воплощения в театре эпизодов романа «Идиот» – сцена, когда Мышкин видит на портрете лицо Настасьи Филипповны, которое потрясает, восхищает и одновременно пугает героя, вызывает у него безмерное сострадание и побуждает к действию. Остановимся на этом эпизоде подробнее с тем, чтобы показать, как театр доступными ему способами воплощает то, что поначалу представляется несценичным. До недавнего времени театр не располагал таким средством выразительности, как крупный план, поэтому показать зрителю «необыкновенной красоты женщину», запечатленную на портрете, было невозможно. Сейчас постановщики активно пользуются экраном, укрупняя лицом персонажа, таким образом идя по пути сближения театра и кино. Однако мы остановимся на спектаклях, где «сцена с портретом» решена традиционными для театра приемами. Даже если театральный режиссер отказывается от попыток визуализации облика Настасьи Филипповны на портрете, говорить об отсутствии репрезентации экфрасиса портрета не приходится, экфрасис представлен на сцене за счет возможностей, доступных именно театру: через реакцию актеров, в первую очередь исполнителя роли Мышкина.

В спектакле театра имени Вахтангова (1958 год, режиссер – А. Ремизова), поставленном в достаточно традиционной для русского психологического театра манере, портрет передается из рук в руки, но лицо Настасьи Филипповны не показано зрителю даже мельком, о том, насколько оно выразительно, мы можем судить по поведению других персонажей. Несколько по-иному представлен портрет в спектакле Русского драматического театра Эстонии (2001 год, режиссер – Ю. Еремин). В этой постановке звучат слова про «удивительное лицо» и «ужасное страдание», после чего Мышкин водружает портрет Настасьи Филипповны на вешалку, на которой уже висит его плащ. В связи с тем, что сценография спектакля достаточно условна и лаконична, к каждой предметной детали (тулупу Рогожина, плащу Мышкина) приковано особое внимание. Режиссер активно

использует метонимию: плащ замещает Мышкина, тулуп – Рогожина, портрет – Настасью Филипповну. То, что портрет Настасьи Филипповны оказывается рядом с плащом Мышкина, – деталь неслучайная и красноречивая. Более того, овальный портрет героини, на котором запечатлено только лицо практически в натуральную величину, в совокупности с плащом Мышкина напоминает единую человеческую фигуру, так подчеркивается взаимосвязь персонажей, переплетение их судеб. На протяжении всей сцены знакомства князя с генеральшей Епанчиной и ее дочерьми портрет Настасьи Филипповны остается перед глазами зрителя, который постоянно ощущает ее незримое присутствие.

Прием, который использует для сценической репрезентации портрета Настасьи Филипповны А. Марин в спектакле театра п/р О. Табакова (2002), скорее можно определить как метафору. В этой инсценировке воспроизведены все основные диалоги романа, связанные с впечатлениями персонажей от внешнего облика Настасьи Филипповны, причем акцент в них сделан на символической роли красоты. Уже в сцене разговора в гостиной у Епанчиных князь произносит знаменитую фразу «Мир красотой спасется». Разглядеть лицо Настасьи Филипповны на портрете для зрителя не представляется возможным, однако значимым можно считать тот факт, что портрет ставится на столик рядом с довольно большой, по крайней мере различимой из зрительного зала, статуэткой Венеры Милосской, которую можно узнать издали прежде всего по отбитым рукам. Так, может быть, несколько прямолинейно актуализируется мысль о трагической судьбе красоты.

Таким образом, наличие в прозаическом произведении таких черт, как драматургизм и сценичность оценивают возможность перевести его на язык театра. Когда речь заходит о киноадаптации, используется термин «кинематографичность», тоже требующий пояснения. Несмотря на то, что в исследовательской литературе используется один термин «кинематографичность», иногда с добавлением «литературная», «внутренняя» или «потенциальная», следует отдавать отчет в том, имеем ли мы в виду использование писателем кинематографических приемов (монтаж, смена ракурсов и т.д.) безотносительно к перспективам экранного воплощения текста или оцениваем произведение с точки зрения его потенциальной возможности переноса на экран.

Анализ театральных версий прозы Достоевского в основном остается прерогативой театроведов, особенности экранного воплощения его текстов вызывают профессиональный интерес не только искусствоведов, но и филологов. Так, в последние десятилетия защищены две диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, посвященные экранизации романов Достоевского – А.В. Красавиной «Роман Достоевского «Идиот» в историко-функциональном аспекте» (Магнитогорск, 2009) и Е.К. Соколовой «Литературный художественный образ и кинообраз. Проблема соотношения и взаимовлияния» (Москва, 2013). Авторов обеих диссертаций интересует теоретический аспект проблемы корреляции языков литературы и кино, а также особенности поэтики Достоевского, позволяющие успешно перенести его тексты на экран.

Рассуждая о «кинематографическом потенциале» романа «Идиот», А.В. Красавина уточняет, что под «кинематографическим потенциалом принято понимать визуализацию описания, динамичность и рассчитанность на создание яркого подвижного образа в сознании читателя при восприятии отдельных сцен текста» [Красавина 2009: 50]. Несколько иной акцент делает Е.К. Соколова – с ее точки зрения, «экранизировать произведения

Ф.М. Достоевского позволяют следующие особенности романной структуры писателя: приемы полифонии, контраста, конклава, приемы создания психологического пейзажа, яркая символика художественной детали» [Соколова 2013: 23].

Не вдаваясь в подробный комментарий сделанных А.В. Красавиной и Е.К. Соколовой выводов, отметим, что обе исследовательницы не ставят перед собой специальной задачи разграничения особенностей кинематографической и сценической образности. Не разделяет «сценичность» и «кинематографичность» текста и Н.Х. Орлова, которая в статье «Коллективный "Идиот"», посвященной экранизациям романа Достоевского, утверждает: «Своеобразная мода на экранизации произведений Достоевского обеспечивается высоким накалом драматургической стилистики изложения. Достоевский не только драматичен, но и драматургичен. В своём эпическом творчестве он подчиняется законам сцены, тем самым обеспечивая пластичность перевода своих произведений на театральный и кинематографический языки» [Орлова 2014: 67]. В качестве еще одного примера размытия граней между понятиями «сценичность» и «кинематографичность» приведем цитату из диссертации Р.Г. Круглова: «Художественному творчеству Достоевского свойственны драматическое начало и развитый сценический элемент. <...> Сценичность прозы Достоевского является основанием для ее рассмотрения на предмет наличия в ней элементов кинематографичности» [Круглов 2016: 40].

Между тем, несмотря на существующую тенденцию к сближению театральной и кинематографической эстетики, каждое из искусств имеет свой язык, и это обстоятельство не может не сказаться, в частности, на подходах к интерпретации романа Достоевского.

Сущность принципиальных различий между театром и кино до сих пор остается предметом искусствоведческих дискуссий. Первые теоретики кино выстраивали противопоставление молодого искусства театру, имеющему многовековую историю, вокруг оппозиции «естественное – искусственное». Впоследствии специалисты утвердились во мнении, что специфика искусств заключается не в наличии или отсутствии условности, а в ее характере. Кроме того, как театральный, так и кинематографический язык может быть очень разнообразен, поэтому степень «натуральности» или условности созданного художником мира не имеет прямой зависимости от вида искусства.

Тем не менее, определенная доля истины в умозаключениях авторов, рассуждающих об «искусственности» театра и «естественности» кино, все же есть. Можно согласиться со сформулированной в монографии Н.А. Агафоновой мыслью о том, что «на экране степень реальности человека и окружающей среды практически одинакова», а в театре «человек <...> своей натуральной, живой природой отчетливо выделен из единого образного контекста на фоне подчеркнутой условности, искусственности сценографии» [Агафонова 2008: 7].

Другое существенное и важное для раскрытия нашей темы различие между кино и театром связано с отмеченной Ю.М. Лотманом способностью кинематографа разделить воссоздаваемый объект на отдельные слагаемые, предьявляемые зрителю в определенном порядке, и таким образом превратить изображение в «повествовательный текст» [Лотман 1973: 34]. Развивая эту мысль Ю.М. Лотмана, Н.А. Агафонова справедливо подчеркивает: «Именно акцентирование внимания зрителя на отдельных деталях внешности человека отличает кино от театра и изобразительного искусства, но роднит с литературой» [Агафонова 2008: 6]. Нам представляется, что сказанное относится не только к воссозданной кинематографом внешности человека, но и к любому визуальному объекту, в частности, к интерьеру.

Кинематографисты, создавшие киноадаптации прозы Достоевского, активно используют эту возможность кинематографа, укрупняя детали, меняя ракурсы, выявляя параллели между персонажами с помощью монтажа. Например, во всех экранизациях романа «Идиот», где представлено экфразис полотна Г. Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» (фильмы А.Вайды, В. Бортко, Р. Сарнета), камера медленно скользит по картине, постепенно обнажая отдельные ее детали. В театре, не располагая такимими средствами, как смена планов и ракурсов, картина возникает одномоментно, центр тяжести переносится с изображения картины на реакцию на нее исполнителя роли князя Мышкина.

Заключение

«Верно определяйте значения слов – и вы избавите свет от половины его заблуждений». Эти слова Р. Декарта актуальны по отношению к разным областям знаний, в том числе к литературоведению. Разграничивая понятия «драматургизм», «сценичность», «кинематографизм» применительно к прозе Ф.М. Достоевского, мы тем самым уточняем наши представления о поэтике писателя, а также о причинах успехов и неудач создателей театральных и кинематографических версий его произведений.

Список литературы

1. Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 Т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. 512 с.
4. Красавина А.В. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в историко-функциональном аспекте: на материале основных экранизаций: автореф. ... к. филол. н. Магнитогорск, 2009. 23 с.
5. Круглов Р.Г. Художественный мир Ф.М. Достоевского на киноэкране: проблема интерпретации (на материале экранизации романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»): дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2016. 195 с.
6. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 140 с.
7. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. 589 с.
8. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
9. Орлова Н.Х. Коллективный «Идиот»: к вопросу об экранизациях романа Ф.М. Достоевского // Праксема. Проблемы визуальной семиотики, Томск. 2014. № 2(2). С. 65–74.
10. Соколова Е.К. Литературный художественный образ и кинообраз. Проблема соотношения и взаимовлияния (на примере киноинтерпретаций романов Ф.М. Достоевского): автореф. ... к. филол. н. М., 2013. 25 с.
11. Топоров В.Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 301–359.

References

1. Agafonova N.A. Obshhaja teorija kino i osnovy analiza fil'ma [General Film Theory and Fundamentals of Film Analysis]. Minsk, Tesej, 2008, 392 p. (In Russ.).
2. Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1979. 320 p. (In Russ.).
3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 T. [Complete Works in 30 Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, vol. 8, 512 p. (In Russ.).

4. Krasavina A.V. Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot» v istoriko-funkcional'nom aspekte: na materiale osnovnyh jekranizacij [Roman F.M. Dostoevsky's "The Idiot" in the Historical and Functional Aspect: Based on the Material of the Main Film Adaptations]. PhD dissertation abstract. Magnitogorsk, 2009. 23 p. (In Russ.).
5. Kruglov R.G. Hudozhestvennyj mir F.M. Dostoevskogo na kinoekrane: problema interpretacii (na materiale jekranizacii romanov «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Besy», «Brat'ja Karamazovy») [The artistic world of F.M. Dostoevsky on the movie screen: the problem of interpretation (based on the film adaptation of the novels "Crime and Punishment", "The Idiot", "Demons", "The Brothers Karamazov")]. PhD dissertation abstract. Saint Petersburg, 2016. 195 p. (In Russ.).
6. Lotman Ju. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallin, Jejesti Raamat Publ., 1973, 140 p. (In Russ.).
7. Merezhkovskij D.S. L. Tolstoj i Dostoevskij [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 589 p. (In Russ.).
8. Mochul'skij K.V. Dostoevskij. Zhizn' i tvorcestvo [Dostoevsky. Life and art]. *Mochul'skij K.V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij*, Moscow, Respublika Publ., 1995, 607 p. (In Russ.).
9. Orlova N.H. Kollektivnyj «Idiot»: k voprosu ob jekranizacijah romana F.M. Dostoevskogo [Collective "Idiot": on the issue of film adaptations of the novel by F.M. Dostoevsky]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*. Tomsk. 2014, no. 2(2), pp. 65-74. (In Russ.).
10. Sokolova E.K. Literaturnyj hudozhestvennyj obraz i kinoobraz. Problema sootnoshenija i vzaimovlijanija (na primere kinointerpretacij romanov F.M. Dostoevskogo) [Literary artistic image and film image. The problem of correlation and mutual influence (on the example of film interpretations of F.M. Dostoevsky's novels)]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2013, 25 p. (In Russ.).
11. Toporov V.N. Pojetika Dostoevskogo i arhaichnye shemy mifologicheskogo myshlenija («Prestuplenie i nakazanie») [Dostoevsky's Poetics and Archaic Schemes of Mythological Thinking ("Crime and Punishment")]. *Problemy pojetiki i istorii literatury*, Saransk, 1973, pp. 301-359. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Воловинская – кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

M.V. Volovinskaya – Ph. D. (Philology),
Associate Professor of the Department of Theory,
History of Literature and Methods of Teaching Literature,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 83–93.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 83-93.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-83-93

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 Г. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Екатерина Михайловна Понкратова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ekponkratova@yandex.ru

Аннотация. Одной из актуальных тем изучения творческого наследия Ф.М. Достоевского является геополитическая проблематика. В настоящей работе в центре исследовательского внимания находится «Дневник писателя» за 1876 г., в котором впервые представлена актуальная и многоаспектная геополитическая картина мира, включающая в себя Российскую империю и десятки иностранных государств, в современном виде и своём историческом развитии. Была проведена комплексная работа по выявлению и систематизации геополитической проблематики в моножурнале и представлена схематическая геополитическая карта, основанная на его материалах. Проведённый анализ позволил продемонстрировать масштабность геополитического мышления Ф. М. Достоевского, показать уникальность его историософской концепции, определить ключевые точки взаимодействия на международной арене в представлении писателя, актуализировать его стратегические предложения по формированию политического равновесия в мире. Выявлены географические объекты, которые просматриваются на ментальной карте писателя, предпринята попытка определить степень взаимодействия, распределения сил, продемонстрировать концепцию гео-исторического развития России, которая представлена в «Дневнике писателя» за 1876 г. В результате проведенного исследования выявлена закономерность в отборе и представлении материала автором «Дневника». Несмотря на то, что мировые вопросы затрагиваются не в каждой главе, складывается впечатление, что журнал создан на геополитической подложке. Судьбы отдельных людей, национальные и социальные вопросы вплетаются в общее мировое пространство, конституированное представлениями о конфессиях как о главных движущих силах мировой истории. Геополитическая идея оказывается сквозной, связующей для отдельных глав «Дневника». Центральным в обширном перечне международных проблем, анализируемых Достоевским, становится Восточный вопрос, вокруг которого писатель выстраивает концепцию исторического процесса и актуальную конфигурацию сил: России, славянства, мусульманского мира, стран Западной Европы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», публицистика, геополитика, картина мира, геополитическая карта, картирование.

Для цитирования: Понкратова Е.М. Дневник писателя» за 1876 г. Ф.М. Достоевского в свете геополитической проблематики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 83–93. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-83-93>

Original article

“A WRITER'S DIARY” FOR 1876 BY F. M. DOSTOEVSKY IN THE LIGHT OF GEOPOLITICAL PROBLEMS

Ekaterina M. Ponkratova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ekponkratova@yandex.ru

Abstract. One of the main topics of studying the heritage of F.M. Dostoevsky is a geopolitical issue. In this work, the focus of research attention is on the “A Writer’s Diary” for 1876, which for the first time presents an up-to-date and multifaceted geopolitical picture of the world, including the Russian Empire and foreign states, in its modern form and its historical development. A comprehensive work was carried out to identify and systematize geopolitical issues in the monojournal and a schematic geopolitical map based on its materials. The analysis demonstrates the scale of F.M. Dostoevsky's geopolitical thinking, to show the uniqueness of his historiosophical concept, to identify the key points of interaction in the international area in the writer's view, to update his strategic proposals for the formation of political balance in the world. Geographical objects that are visible on the mental map of the writer are identified; it is also an attempt to determine the degree of interaction, distribution of forces, to demonstrate the concept of the geo-historical development of Russia, which is presented in the “A Writer’s Diary” for 1876. As a result of the study, a pattern was revealed in the selection and presentation of material the author of the diary. Despite the fact that global issues are not touched upon in every chapter, one gets the impression that the magazine was created on a geopolitical basis. The fate of individual people, national and social issues are woven into the common world space, constituted by ideas about confessions as the main driving forces of world history. The geopolitical idea turns out to be a cross-cutting one, a link for individual chapters of “Diary”. Central to the extensive list of international problems analyzed by Dostoevsky is the Eastern Question, around which the writer builds the concept of the historical process and the current configuration of forces: Russia, the Slavs, the Muslim world, the countries of Western Europe.

Keywords: F. M. Dostoevsky, "A Writer's Diary", journalism, geopolitics, worldview, geopolitical map, mapping.

For citation: Ponkratova E.M. "A writer's diary" for 1876 by F. M. Dostoevsky in the light of geopolitical problems. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:83-93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-83-93>

Введение

В современном литературоведении всё чаще поднимается вопрос о значении политических, историософских и геостратегических высказываний писателей XIX века в становлении и развитии политической мысли России [Trepanier 2020]. Безусловно, ключевой фигурой в вопросе влияния литературы на политику и политических мыслителей является Ф.М. Достоевский. С каждым годом возрастает количество исследований, посвящённых отдельным политическим и геополитическим проблемам, поставленным в художественном и публицистическом наследии писателя: Восточный вопрос, Балканский кризис, взаимоотношения Европы и Азии, особый путь России, зарождение и борьба разных политических сил, влияние мировых религий на глобальное равновесие и др. [Геополитическая карта... 2021].

«Дневник писателя» называют одним из самых оригинальных творений Достоевского. Согласимся с В.В. Борисовой в том, что «Дневник писателя» ещё недостаточно изучен и его глубокое исследование, начавшееся около 50 лет назад, всё ещё только разворачивается [Борисова 2016]. На сегодняшний день существует множество работ, в которых всесторонне анализируется это произведение. Однако, как справедливо отмечает Е. А. Акелькина, многие исследователи сосредотачиваются на отдельных, частных темах, хотя и изучают их всесторонне [Акелькина 2008]. Существует достаточное количество научных публикаций, посвящённых различным аспектам геополитической картины мира Достоевского, выявленных на страницах данного моножурнала [Коротченко 2020; Новикова 2016; Alekseev 2018; Щербинин 2018; Казаков 2016; Алексеев 2017; Синякова 1988]. При этом геополитическая проблематика, которая, очевидно, может стать связующим звеном всех выпусков годового цикла, всё ещё не изучалась комплексно.

«Дневник писателя» за 1876 г. значительно меняется по отношению к созданному в 1873 г. и уже в большей мере походит на записную книгу или личный дневник. Сам Достоевский суть нового моножурнала определяет в письме к Вс. Соловьёву, в ответе на его предложение «пустить в публику» информацию о предстоящих выпусках. «Без сомнения, “Дневник писателя” будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю... Тут отчет о событии, не столько как о новости, сколько о том, что из него (из события) остается нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя даванием отчета... Я не летописец; это, напротив, совершенный *дневник* в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично, – тут даже каприз» [Достоевский 1972: 29/2, 72–73]. Итак, обращают на себя внимание следующие ключевые в понимании «Дневника писателя» за 1876 г. пометы: отчет о событиях, но обязательно связанный с общей идеей, а значит и история о самоубийстве, и Балканские события имеют равновеликое значение в общей концепции; личная заинтересованность в описанных событиях, что определяет специфику сформированной политической картины мира.

«Дневник писателя» за 1876 г. состоит из 12 выпусков, выходящих ежемесячно, за исключением июля-августа, которые вышли совместно. Главными темами годового цикла становятся: семья, в аспекте «случайных семейств», дети и детство, развитие науки, спиритизм, взаимоотношения России и Европы, вопросы национального самосознания и самоидентификации, самоубийства, проблемы молодёжи, разные политические вопросы, освобождение крестьян, провозглашение французской республики, восточный вопрос, освободительная война сербов и черногорцев, русское добровольческое движение, самоидентификация окраин, предназначение России, общечеловеческое служение, исламизация, вопросы землепользования, отношение к труду и проч. Одни темы сменяют другие, уточняются или повторяются на протяжении всего годового цикла. Представленный список тем разнообразен, представляет собой сложное взаимопроникновение и сосуществование истории, политики, культуры, философии, географии, психологии, экономики и других отраслей гуманитарного знания. Этот сложный синтез, проявляющийся и в жанровом своеобразии «Дневника писателя», представляет собой чрезвычайно точное отражение сложной, противоречивой, пограничной эпохи.

Количество политических, историософских вопросов, которые поднимаются в выпусках «Дневника писателя», ярко демонстрирует глобальность геополитического сознания писателя. На страницах «Дневника» многократно встречаются Америка, Франция, Германия, Европа, Герцеговина, Босния, Италия, Восток, Англия, Остзейский край, Крым, Польша, Турция, Средняя Азия, Китай, Япония, Австрия, Болгария, Гибралтар и Мальта. Большое внимание уделяется вопросам политического равновесия и места России на мировой арене. Кроме того, Достоевский замечательно осведомлён о жизни и позициях мировых политических лидеров: Мак-Магон, Дон Карлос, Генрих I, Маршал Себастьяни, Наполеон I, Барон Родич, Микадо, Милан Сербский, генерал Черняев, граф Биконсфильд – вот лишь неполный список значимых политических фигур, встречающихся в «Дневнике писателя». В фокусе внимания Достоевского оказываются и вопросы конфессионального разделения мира: римское католичество, протестантизм, притязания папства на власть, мусульманский фанатизм. Предпринимается попытка определить возможную базу для единения, которая, по убеждению писателя, может быть основана исключительно на православии.

Несмотря на такое широкое присутствие геополитических тем, начинается «Дневник писателя» с представления круга российских социально-бытовых проблем. В январском выпуске на передний план выходят проблемы самоубийств, детской беспризорности, колоний для несовершеннолетних, воспитания, спиритизм, взаимоотношения людей, вопросы милосердия. Январский выпуск демонстрирует отличительную особенность геополитической концепции писателя – тесную взаимосвязь политических, философских, социально-бытовых и географических проблем, и одно не может быть осмыслено без другого.

Геополитические интересы писателя отчётливо просматриваются уже в подготовительных материалах к Предисловию и январскому выпуску, в которых, почти с самого начала намечены важнейшие в вопросе осмысления взглядов Достоевского позиции. Несколько раз писатель отмечает для себя необходимость включить в «Дневник» размышления о Китае. Мы обнаруживаем следующие наброски: «Китай. Микадо. Япония» [Достоевский 1972: 22, 138]; «Китай, Япония. Всё это фантастично. Но и в Европе» [Достоевский 1972: 22, 142]; Статья о Китае [Достоевский 1972: 22, 144]. Очевидно, что Достоевский твердо намерен написать статью о Китае, сопоставить его с Японией уже в январском выпуске, однако он не делает этого ни в одной главе. Специально в геополитическом аспекте Китай изучен в работах: [Понкратова 2001; Алексеев 2017]. В письме к Х.Д. Алчевской Достоевский, сетуя на то, что ему приходится откладывать темы, которые полюбились больше всего, скажет: «и вот пишешь не то, что хотел» [Достоевский 1972: 29/2, 78]. В записных тетрадях середины декабря 1875 года мы обнаруживаем, что Достоевский отметил статью «Голоса» о Китае, Японии, «среднеазиатских делах» [Достоевский 1972: 24, 77]. В конце декабря писатель сфокусирует внимание на необходимости защиты окраин, постройке железной дороги; очевидно, что тема «жёлтой опасности» в это время муссировалась в газетах. «Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая. Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ, несомненно имеющего последовать даже от самых первоначальных военных реформ (при которых не может не прийти сознание силы, надежности и единства),

чтобы не догадаться, что кругом пустые и богатые земли, Сибирь не Средняя Азия, а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не помыслить захватить эти земли <...> чтоб не догадаться до какой степени эти земли слабы и не защищены и даже в дальнейшем защищены быть не могут» [Достоевский 1972: 24, 83–84]. В январе Достоевский с интересом отметит для себя статью «Санкт-Петербургских ведомостей» о всеобщей воинской повинности в Японии и манифест Микадо. Интерес Достоевского к Китаю, к другим странам Азии очевиден, но причины, по которым он так и не написал ни одного специального текста о них, всё ещё остаются неясными.

Заканчивается январский выпуск короткой «турецкой поговоркой», которая, по мысли Достоевского, должна помочь ему следовать главной цели в «Дневнике» и не оглядываться на «лающих собак». Вспоминая слова писателя Вс. Соловьёву о взаимовключённости всех фрагментов «Дневника» и отборе материала, который следует главной цели, предположим, что поговорку необходимо рассматривать не как фоновое высказывание, а как впервые представленный восточный вопрос, безусловно, являющийся лейтмотивом всех выпусков за 1876 год.

Февральский выпуск посвящён вопросам отношения к народу, понимания народа, формированию основ гражданского общества. И если в январском выпуске Достоевский показал проблемы разных социальных слоёв, то в феврале он сосредотачивается на характеристике русского народа, простого мужика, именно здесь помещается значимый для понимания отношения писателя к народу рассказ «Мужик Марей». Представления о русском народе раскрываются на фоне положения простого народа во Франции. Как бы невзначай, в рассказ о проблемах понимания, что такое есть русский народ, включается фраза о росте самосознания славян на Балканах. Заканчивается же февральский выпуск вновь поговоркой, на этот раз французской: «Надо обладать мужеством иметь своё мнение» [Достоевский 1972: 22, 73] Так в первых двух выпусках журнала Достоевский ещё не предлагает нам геополитических воззрений, но между строк вводит сравнения с ключевыми игроками на мировой политической арене того времени – Францией и Турцией. «Но хотя бы и так, а все-таки это точь-в-точь как и в нашем обществе: все мы сходимся в любви если не к отечеству, то к общему делу (слова ничего не значат), – но в чем мы понимаем средства к тому, и не только средства, но и самое общее дело, – вот в этом у нас такая же неясность, как и у маршала Мак-Магона» [Достоевский 1972: 22, 42].

Мартовский выпуск, построенный вокруг темы обособления народа, позволяет нанести на ментальную карту писателя Америку и Европу, которая конкретизируется как Франция и Германия. Америка описывается как страна, в которую бегут люди в поиске новой жизни, в попытке оторваться от корней, обособиться. Достоевский не питает надежд на достойное будущее беглецов, с горечью он констатирует, что эти желания сбегать в Америку лишь доказывают разобщенность и обособленность русского народа. Европа, одной из главных стран которой является Франция, представляется ещё более обособленной и потерявшей последние скрепы, несмотря на формальное объединение и провозглашение Республики. При этом Франция, по мысли писателя, является образцом внутривосточных движений в Европе, он называет её страной первого шага. «Кстати, почему Франция всё ещё продолжает стоять на первом плане в Европе, несмотря на победивший её Берлин? Самое малейшее событие во Франции возбуждает в Европе до сих пор более симпатии и внимания, чем иногда даже крупное

берлинское. Бесспорно потому, что страна эта – есть страна всегдашнего первого шага, первой пробы и первого почина идей. Вот почему все отсюда ждут несомненно и «начала» конца» [Достоевский 1972: 22, 84]. Достоевский отмечает, что единения Франции – это иллюзия и мираж, что одной из главных целей является защита от коварного врага. Здесь же писатель провозглашает политический закон соседства двух сильных государств: как бы соседи ни были дружны, в определенный момент одна страна истребит другую. Писатель не верит во внешне утвердившийся мир, он предрекает скорое прекращение установившегося на Востоке перемирия. Грустным предостережением выглядят слова писателя о притязаниях папства на власть, о чрезвычайном обособлении католичества, о противостоянии его с протестантизмом. Неспособность этих религий поддержать мир косвенно показывается вплетением в размышления о влиянии указанных религий высказываний о сектантах и спиритизме.

Апрельский выпуск демонстрирует прямую связь между наукой, образованием и завоеванием территорий, доминированием на международной политической арене. Достоевский предполагает, что завоевание Балтийского побережья Иваном IV привело бы к неминуемому развитию кораблестроения и других отраслей науки. Для развития общества, повышения уровня образования народа необходимо комплексное взаимодействие многих отраслей. Автор «Дневника» рассуждает о причинах образованности европейского народа и недостаточной образованности многих русских. В качестве главной причины этого писатель указывает на то, что для русских не настало ещё время, ещё не сформирована почва. «Тут всё зависит от того, как был поставлен народ природой, обстоятельствами и что ему прежде всего надо было сделать. Тут причины географические, этнографические, политические, тысячи причин, и всё ясных и точных». [Достоевский 1972: 22, 111] Высказывается мысль, что прежде развития науки русские развивали царство и стремились к единению, которое никогда не может быть достигнуто в Европе. Достоевский говорит о колонизаторской миссии русских, об освоении отдалённых территорий, укреплении и расширении границ, завоевании окраин. Закономерным итогом этого становится появление мощного политического единства, уровень которого недостижим даже в Англии и Соединенных Штатах, единственных, по словам писателя, государствах с политическим единением. На протяжении всей главы сопоставляются Европа и Россия – на основании отношения к освобождению крестьян. Вторая глава апрельского номера представляет собой некий геополитический манифест. Впервые предпринимается попытка очертить силы и намерения ключевых игроков мирового политического процесса.

В главках майского выпуска Достоевский ставит вопрос о миграции населения, взаимоотношениях центра и регионов. Им выделяются два центра в России: Москва и Петербург. Отмечая отток людей из регионов в Москву, писатель исключает разъединение народа и формирование отдельных исключительных идей в регионах и на окраинах. «Душа была едина и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия» [Достоевский 1972: 23, 7]. Впервые Достоевским здесь высказывается идея *Москва – Третий Рим*. Показательно, что все эти мысли представлены на фоне дела Каировой – женщины, которая напала с бритвой на жену своего любовника и получила оправдательный приговор впоследствии. В частную историю Достоевский вплетает свои размышления о конце Европы, демократизме, миграции, о народе, о независимости и др. Но в центре остаётся история преступницы и тонкостей судебного делопроизводства.

Начиная с июня писатель всё ближе подходит к высказыванию сокровенных мыслей об истинном предназначении России. Разговор об общечеловеческом служении русского народа представлен на фоне размышлений о понимании мировой литературы. Воспоминания о Жорж Санд перекликаются с высказываниями об искажении первоначальных идей, провозглашенных французской революцией. А уже начиная со второй главы прямо ставится восточный вопрос.

Публикация «Дневника писателя» совпала с событиями на Балканах, которые во многом стали переломными для мировой политики, послужили толчком к поднятию национального самосознания, обострению взаимоотношений в Европе, переделу сфер влияния. Начиная с лета 1875 г. начинает стремительно обостряться ситуация, происходит восстание в Герцеговине, затем в Боснии. Весной и летом 1876 г. войну османам объявляют Болгария, Сербия и Черногория. Ключевое значение для внешней политики России имеет позиция невмешательства европейских государств и реакция русского народа на Балканские события.

Главки второй главы полностью подчинены решению политических и геополитических вопросов. Прежде чем писатель приступает к рассмотрению восточного вопроса, он ставит вопрос об особом месте России. «Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и обособленное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьёзное». [Достоевский 1972: 23, 43] Третья главка уже прямо называется «Восточный вопрос». Достоевский точно и бескомпромиссно очерчивает перспективы всех, кто так или иначе может быть участником или уже участвует в баталиях на Балканах. По стойкому убеждению писателя, Европа так и останется безучастна, в лучшем случае вступит в послевоенный дележ наследства. Но вырисовывается и другая перспектива: в случае успеха славян на Балканах Европа может оказать помощь «большому человеку», Турции. Единственным союзником славян может выступить Россия, и, по мысли Достоевского, в Европе действий России ждут с опасением. Предназначение России – в самопожертвовании, в служении другим, поэтому необходимость выступить на стороне славян и объявить войну Турции не является для Достоевского дискуссионной.

Разные варианты решения восточного вопроса, русско-турецкие отношения, изменения равновесия во взаимодействии Европы и России на фоне Балканского кризиса будут подробно рассмотрены Достоевским в «Дневнике писателя» в последующих выпусках, но преимущественно в 1877 г., сейчас же мы встречаем только лёгкие штрихи, намеченные на геополитической карте. Неслучайно именно в июньском выпуске Достоевский обращается к историческим периодам развития государственности России. В. Цымбурский совершенно верно отмечает, что на мировой карте в исторической перспективе Достоевским нанесено 4 фазы развития [Цымбурский 2014]. Важнейшее значение здесь приобретает принципиальное разделение на Допетровский и Петровский периоды. Допетровский период характеризуется отчётливым позиционированием России как центра православия, высоким желанием обособиться от Европы. Петровская эпоха продемонстрировала способность к интеграции, готовность к всеобщему служению, пусть даже и в ущерб собственным интересам. Реформы Петра расширили ранние московские идеи и готовят для России путь страны, которая может объединить человечество, но начать необходимо именно со служения другим. В продолжение этой идеи высказывается мысль о защите братьев славян не по велению

корыстных интересов, не для собственной выгоды, а единственно для спасения людей и сохранения их свободы. Эта мысль развивается у Достоевского в крамольную: «Да, Золотой Рог и Константинополь – всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я» [Достоевский 1972: 23, 48]. И это необходимо произвести вовремя, ведь преждевременный захват этих территорий сбил бы Россию с верного курса и вытолкнул бы на «азиатскую дорогу». Россия пережила этап самозамкнутости, обособления, как называет это Достоевский (Московское царство), после этого наступила эпоха заявления о себе, вскарабкивания на мировую арену, попытки европеизироваться. Восточный вопрос определяет третью фазу развития – служение другим странам, покорение Востока, освобождение славян и собственное освобождение от прежних наносных идей. Четвёртый этап будет охарактеризован вхождением в Европу, но не в качестве приживальщика, а в качестве государства – носителя высшей мировой идеи и справедливости.

Выпуски за июль-август вновь актуализируют Восточный вопрос и идеи по покорению Константинополя. Достоевский обсуждает антироссийскую пропаганду в российской прессе, осуждает тех, кто ссылается на захватнические мотивы русских на Востоке; писатель недоволен бездействием Европы по отношению к зверствам мусульман к славянам. Достоевский характеризует исламский мир как «мусульманскую орду», называя её «заклятой противницей цивилизации». Чрезвычайно важной мы считаем первую попытку автора представить геополитическую картину мира. Во главе всех споров – Россия, Франция, Англия и Германия. По мысли Достоевского, решение восточного вопроса позволило бы перераспределить силы и усилить позиции России. Германия и Англия настроены воинственно. Остро стоит вопрос о господстве в Средиземном море, контроле над Константинополем и будущем Европы.

Вторая глава выпуска начинается с заочной полемики Достоевского с Грановским по поводу позиций европейских государств при разрешении Восточного вопроса. Оспаривая тезис Грановского о понимании Австрии, которая не только не испытывает благодарности к России за её помощь в борьбе с венгерцами, но и не должна быть благодарна, писатель высказывает мысль о назначении, стратегиях и приоритетах внешней политики государства. По Достоевскому, государство не только должно, но и обязано идти на значимые уступки в борьбе за идею.

В этом же выпуске поднимается тема работорговли, существования и развития Северо-Американских колоний, роли Англии. Восточный вопрос переходит в разряд общеславянского вопроса, всеславянской идеи. Следует констатировать, что выпуск за июль-август полностью подчинен геополитической проблематике. Несмотря на то, что поднимаются вопросы национальной идентичности, языка и образования, землепользования, жертвованиях и поддержки беженцев, всё это подчинено общей идее политического порядка и установления равновесия. Уже в сентябрьском выпуске Достоевский, вплотную подойдя к формулированию Русской идеи, предложит модель политического равновесия. Представляя политических соперников в фигурах 5 волков, окруживших добычу (Константинополь), автор предполагает, что неизбежным способом взаимодействия между волками будут: захват, стратегические игры, наличие одного сильного государства, который будет держать под контролем Константинополь, чего бы ему это ни стоило, а остальные должны будут договариваться и объединяться в коалиции. Самым очевидным решением

является покорение Константинополя Россией, но и здесь Достоевский пока не обнаруживает способов удержания власти, ведь Балканский полуостров населен нациями, объединение которых представляется трудной задачей ввиду отсутствия очевидных оснований для объединения.

Оставшиеся главы также посвящены решению Восточного вопроса, размышлениям над скрепами мусульманского мира; кажется, впервые прямо обозначается возможная война с турками.

Вторая глава октябрьского выпуска вновь возвращает нас к Восточному вопросу, который в этот раз проанализирован самым подробным образом и демонстрирует глубокую погруженность в тему и высокую личную заинтересованность автора. На этот раз на первый план выходят героические личности, активные военные деятели, такие как генерал Черняев, который, по выражению писателя, смог встать во главе славянского вопроса. Наблюдается очень интересное совмещение разных геополитических кругов: Восточный вопрос уточняется как вопрос славянский, а славянский вопрос уже конкретизируется как вопрос русский, решение которого должно происходить в соответствии с русской идеей.

Ноябрьский и декабрьский выпуски озаглавлены публикацией «Кроткой» и поднятием социальных вопросов. В заключительной главе Достоевский, однако, поясняет для читателей, что славянский вопрос – не только политический: несмотря на важность границ, окраин, выхода к морю, восточный вопрос – это вопрос, в конечном счёте решающий судьбы всего православия. Место России в мире важно не для увеличения влияния, не для собственного возвеличения, но для сохранения христианства, для жертвований ради будущего единения всего православного народа.

«Дневник писателя» за 1876 год содержит богатейший материал для понимания особенностей геополитического мышления Ф. М. Достоевского. Проведенный анализ позволил продемонстрировать значительное расширение карты мира писателя, серьезное изменение акцентов. Кроме того, стала явной последовательность в отборе и представлении материала. Несмотря на то, что мировые вопросы затрагиваются не в каждой главе, складывается впечатление, что «Дневник писателя» создан на геополитической подложке. Судьбы отдельных людей, национальные и социальные вопросы вплетаются в общее мировое пространство; в политический анализ вплетаются представления о конфессиях как о главных движущих силах мировой истории. Всё это делает картину мира Достоевского многогранной, учитывающей политические, исторические, социальные, экономические, географические, философские, психологические и религиозные составляющие. Такое глубокое понимание мировых процессов, их истоков и перспектив тех или иных решений позволяет Достоевскому навсегда вписать своё имя в мировую геополитическую мысль.

Список литературы

1. Акелькина Е.А. «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч.ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 263–272.
2. Алексеев П.В. «Китайское» вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–112.
3. Алексеев П.В. Ф.М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. 152 с.

4. Борисова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и Идеалы. 2016. № 2(28), Т. 1. С. 128–137
5. Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / Е.Г. Новикова, А.И. Щербинин, С.В. Вировец и др.; под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск: Издательство «Томский государственный университет», 2021. 288 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Казаков А.А. «Защитники братьев-славян» и полемика о них в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 1. С. 52–63.
8. Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.
9. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51. DOI: 10.17223/2409554/5/3.
10. Понкратова Е.М., Тараканова Д.А. Китай в представлении Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета, 2001. №462. С. 49-55 DOI: 10.17223/15617793/462/6
11. Сняжкова Л.Н. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1876 год как идейно-художественное единство: дисс. ... к. филол. н. Томск, 1988. 226 с.
12. Цымбурский В. Геополитические взгляды Фёдора Достоевского // Русская idea. 2014. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (дата обращения: 03.03.2023).
13. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. Т. 54, вып. 4. С. 292-302.
14. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a writer's diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79.
15. Trepanier L. What Can Political Science Learn from Literature? // The Political Science Review. 2020. Vol. 44, № 1. P. 1–19.

References

1. Akel'kina E.A. «Dnevnik pisatelja» za 1876-1877 gg. ["Diary of a Writer" for 1876-1877]. *Dostoevskij: Sochinenija, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik*, Saint Petersburg, Pushkinskij dom Publ., 2008, pp. 263-272. (In Russ.).
2. Alekseev P.V. «Kitajskoe» vstuplenie k «Dnevniku pisatelja» F. M. Dostoevskogo ["Chinese" introduction to the "Diary of a Writer" by F. M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2017, no. 49, pp. 98-112. DOI:10.17223/19986645/49/7 (In Russ.).
3. Alekseev P.V. F.M. Dostoevskij i Vostok [F.M. Dostoevsky and the East]. Gorno-Altajsk, BIC GAGU Publ., 2017, 152 p. (In Russ.).
4. Borisova V.V. «Dnevnik pisatelja» F.M. Dostoevskogo v fokuse sovremennyh interpretacij ["Diary of a Writer" F.M. Dostoevsky in the focus of modern interpretations]. *Ideji i Idealy*, 2016, no. 2(28), vol. 1, pp. 128-137(In Russ.).
5. Novikov E.G., Shherbinin A.I., Virovec S.V. Geopoliticheskaja karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo [Geopolitical map and picture of the world by F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2021, 288 p. (In Russ.).
6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Complete Works and Letters]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.).

7. Kazakov A. A. «Zashhitniki brat'ev-slavjan» i polemika o nih v «Anne Kareninoj» L. N. Tolstogo i "Dnevnikе pisatelja» F. M. Dostoevskogo ["Defenders of the Slav brothers" and the controversy about them in "Anna Karenina" by L.N. Tolstoy and "The Diary of a Writer" by F.M. Dostoevsky]. *Imagologija i komparativistika*, 2016, no. 1, pp. 52-63. DOI:10.17223/24099554/5/4 (In Russ.).
8. Korotchenko T.V. Obraz Ameriki v «Dnevnikе pisatelja» F.M. Dostoevskogo [The Image of America in F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2020, no. 65, pp. 243-259. (In Russ.).
9. Novikova E.G. «Zapadnye slavjane» v «Dnevnikе pisatelja» F. M. Dostoevskogo perioda russko-tureckoj vojny 1877-1878 gg. ["Western Slavs" in the "Diary of a Writer" by F.M. Dostoevsky during the Russo-Turkish War of 1877–1878]. *Imagologija i komparativistika*, 2016, no. 1 (5), pp. 44-51. DOI: 10.17223/2409554/5/3. (In Russ.).
10. Ponkratova E.M., Tarakanova D.A. Kitaj v predstavlenii F.M. Dostoevskogo [China in the view of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2001, no. 462, pp. 49-55 DOI: 10.17223/15617793/462/6 (In Russ.).
11. Sinjakova L.N. «Dnevnik pisatelja» F.M. Dostoevskogo za 1876 god kak idejno-hudozhestvennoe edinstvo ["Diary of a Writer" F.M. Dostoevsky for 1876 as an ideological and artistic unity]. PhD dissertation abstract. Tomsk, 1988, 226 p. (In Russ.).
12. Cymburskij V. Geopoliticheskie vzglyady Fjodora Dostoevskogo [Geopolitical views of Fyodor Dostoevsky]. *Russkaja idea*, 2014. (In Russ.). Available at: <https://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo> (accessed: 03.03.2023).
13. Shherbinin A.I. Kartirovanie slavjanskogo mira v "Dnevnikе pisatelja" F.M. Dostoevskogo [Mapping the Slavic world in the "Diary of a Writer" by F.M. Dostoevsky]. *Rusin*, 2018, vol. 54, iss. 4, pp. 292-302. (In Russ.).
14. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a writer's diary by Fyodor Dostoevsky // *Imagologiya i komparativistika*. 2018. № 9. С. 67–79.
15. Trepanier L. What Can Political Science Learn from Literature? // *The Political Science Review*. 2020. Vol. 44, № 1. P. 1-19.

Информация об авторе

Е.М. Понкратова – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка как иностранного,
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Information about the author

E.M. Ponkratova – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Department of Russian as a Foreign Language,
National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Федченко О.Д. ТРИЗНА: ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА	7
Климанов С.А. РАСШИРЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИЗУЧЕНИИ ПИСЦОВЫХ КНИГ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ 1579 И 1623-24 ГГ. ЧАСТЬ I.....	15
ФИЛОЛОГИЯ	32
Шустова С.В., Бессонова Е.М., Назаренко Е.Н. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ФИТОНИМОМ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	32
Куварина Е.Н., Кирьянова П.Г. НЕОЛОГИЗМЫ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	43
Архипова И.В. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТАКСИСНАЯ НАГРУЗКА ИТЕРАТИВНЫХ И МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	51
Лапина Л.Г. ПЕРЕВОД ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ РЭЯ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)	59
Воловинская М.В. ДРАМАТУРГИЗМ, СЦЕНИЧНОСТЬ, КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ ПРОЗЫ ДОСТОЕВСКОГО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	74
Понкратова Е.М. «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 Г. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ	82

CONTENTS

HISTORY	7
Fedchenko O.D. TRIZNA: ETYMOLOGY OF THE TERM.....	8
Klimanov S.A. STUDYING THE CADASTRAL RECORDS OF GREAT PERM OF 1579 AND 1623–24: BROADENING THE SOURCE BASE AND NEW RESULTS	16
PHILOLOGY	32
Shustova S.V., Bessonova E.M., Nazarenko E.N. PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A PHYTONYM COMPONENT IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGE.....	33
Kuvarina E.N., Kiryanova P.G. NEOLOGISMS OF THE TOURISM INDUSTRY IN ENGLISH.....	44
Arkhipova I.V. FUNCTIONAL-TAXIS CAPACITY OF ITERATIVE AND MULTIPLICATIVE DEVERBATIVES (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE).....	52
Lapina L.G. TRANSLATION OF THE SIMILES (THE ANALYSIS OF RAY BRADBURY'S DANDELION WINE'S TRANSLATION INTO RUSSIAN).....	60
Volovinskaya M.V. DRAMATURGIC, SCENIC, CINEMATIC CHARACTER OF DOSTOEVSKY'S PROSE AS A THEORETICAL PROBLEM	75
Ponkratova E.M. “A WRITER'S DIARY” FOR 1876 BY F. M. DOSTOEVSKY IN THE LIGHT OF GEOPOLITICAL PROBLEMS	83

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2023. № 9

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена

внештатным сотрудником

Л.Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 17.03.2023.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115

тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)

e-mail: rio@pspu.ru